2. P. *
C-55
2
4530

СОБРАНІЕ ПЕРЕВОДОВЪ,

ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА ИЗДАННЫХЪ

Преосвященнымъ Ѳеофилактомъ Епископомъ Калужскимъ, что нынѣ Синодальный Членъ Архіепископъ Рязанскій.

ТОМЪ II.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Святѣйшемъ Синодѣ
1811 года.

ВРАЧЕВСТВО

отъ

УНЫНІЯ И ОТЧАЯНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Богъ существуетъ, и всѣми въ мірѣ произшествіями разполагаетъ по правиламъ безконечной своей премудрости.

§ I.

Заходящее солнце еще озаряло блѣдными своими лучами; небо было свѣтло и ясно, а я тогда находился въ полѣ. Здѣсь издалека услышалъ жалобный голосъ; приближился, и узрѣлъ человѣка плачуща: разсмотрѣлъ его со вниманіемъ, и узналъ, что это мой другъ. Онъ сидитъ на не большомъ возвышеніи, близъ уединенной рощи, и рыдаетъ. Увидѣвъ меня, встаетъ съ опрометчивостію и ужасомъ, скрежещетъ зубами; пламенные его глаза сверкаютъ подобно молніи; власы его вздымаются; лице

становится блѣднымъ и синимъ; однимъ словомъ, овладѣло имъ отчаяніе. Вдругъ онъ изъ подъ одежды своей извлекаетъ заряженной пистолетъ: я поспѣшно отступаю, думая, что оный долженствовалъ стоить мнѣ жизни; но нещастный смертоносное оружіе приставляетъ къ своему челу, и хочетъ имъ разорвать голову. Уже пружина соскочила; загорѣлось на ружейной замочной доскѣ, но пистолетъ осѣкся. Я тотчасъ прибѣгъ; изторгъ изъ его рукъ ружье, повергъ оное на землю; бросился ему на выю, и обнялъ. Но онъ скоропостижно упалъ назадъ; лице его измѣнилось; глаза остались неподвижными; уста и губы поблѣднѣли; наконецъ онъ разпростерся мертвъ на мѣстѣ... Праведное небо! что была душа моя, когда сей трупъ узрѣлъ я у моихъ ногъ?... Ставъ удаленъ отъ всѣхъ людей, одинъ я былъ въ лѣсу пустынномъ, и разсматривалъ мертвое тѣло лучшаго изъ моихъ друзей.... Слезы лились источниками по моимъ ланитамъ; боязнь и страхъ овладѣли моею душею; сердце мое трепетало, я содрогался отъ ужаса, и каждая капля крови, казалось, волнуется въ моихъ жилахъ....Боже! вѣщалъ я самъ въ себѣ, какой страшной ударъ

поразилъ моего возлюбленнаго и меня! . . .Куда прешла душа за нѣсколько минутъ оставившая сіе тѣло?...— То хотѣлъ я бѣжать и требовать помощи; то препирался съ нерѣшимостію оставить его; . . . дѣлалъ нѣсколько шаговъ, и вспять возвращался; боролся съ самимъ собою; я стеналъ, и умиралъ повсеминутно. . . . Напослѣдокъ я больше приближился, чтобъ еще разъ облобызать блѣдныя и синія уста моего друга. . . . Небо!... Онъ вскрываетъ глаза! . . . Мое смятеніе обмануло меня: онъ не былъ мертвъ, а отъ страха упалъ въ обморокъ; ибо думалъ, что ударъ неизбѣжно слѣдовалъ. Я тотчасъ побѣжалъ къ источнику ключевой воды журчавшей въ смежности, и нѣсколько капель на него бросилъ: скоро силы въ немъ умножились: блѣдное его лице оживилось, и онъ въ совершенное пришелъ чувство. . . . Изъ всего съ нимъ случившагося онъ былъ свѣдущъ только о томъ, что якобы погребли его, и какъ бы въ сновидѣніи явился ему Ангелъ, и привелъ его предъ престолъ Превѣчнаго, на коемъ узрѣлъ сѣдяща Судію вселенныя; тамъ, весь содрогаясь, повергся къ стопамъ, и желалъ отъ Всесильнаго получить прощеніе въ своемъ зло-

дѣяніи: въ тужъ минуту духъ принесъ къ нему книгу, которая въ себѣ замыкала судьбы всѣхъ человѣкъ: но когда онъ незапно нашелъ въ ней свое имя, и хотѣлъ прочесть опредѣленіе своея участи, то сновидѣніе вдругъ разсѣялось, и онъ пробудился отъ страха . . . . . Привидѣніе сіе произошло, можетъ быть, отъ того, что душа, по собственному его сказанію, не задолго предъ симъ была наполнена сими мыслями. Какъ бы то ни было, но я взялъ его за руку, повелъ въ городъ, и привелъ въ свое жилище. Между тѣмъ я замѣтилъ, что по временамъ вырывались слезы у него изъ глазъ, и онъ снова былъ мучимъ всякими печальными мыслями. Неотступно просилъ его открыть мнѣ то нещастное обстоятельство, которое внушило ему столь страшное предпріятіе. . . . Онъ изъ своего кармана извлекъ письмо, и мнѣ сообщилъ оное. Раскрываю его дрожащими руками. Какое было мое изумленіе при чтеніи сихъ словъ: „Государь мой! не ужасайтеся; ваши отецъ „и мать громомъ убиты, и все ихъ „имѣніе истреблено пламенемъ. „ Нельзя мнѣ не открыться, что по прочтеніи не многихъ сихъ словъ возчувствовалъ я въ себѣ сильное содрога-

нїе: однакожъ другу моему не далъ примѣтить моего смущенїя, а началъ входить съ нимъ въ разговоръ. Утѣшалъ его, сколько можно было; представилъ ему все то, что воображенїе мнѣ вдохнуло, и имѣлъ щастїе видѣть, что начала моего утѣшенїя, изустно и на письмѣ ему изложенныя, въ послѣдствїи возъимѣли желаннѣйшее дѣйствїе. Тишина возвратилась въ его душу; слезы изсякли; онъ предался Божїей волѣ, правящей судьбою человѣческою, и пребылъ спокоенъ во всѣхъ положенїяхъ жизни, такъ что я симъ снискалъ себѣ неизъяснимое удовольствїе . . . Съ теченїемъ времени, сказалъ я самъ въ себѣ: есть, можетъ быть, еще и другїе страждущїе, кои имѣютъ нужду въ моемъ врачевствѣ; можетъ быть я въ состоянїи утѣшить ихъ, и укротить терзающїя ихъ болѣзни. . . . Въ слѣдствїе чего, я собралъ всѣ утѣшительныя начала, кои сообщалъ моимъ друзьямъ чрезъ различныя писанїя; и постигаемыя умомъ отдѣлилъ отъ внушаемыхъ намъ вѣрою. . . . Приступая къ открытїю перваго начала утѣшенїя, надѣюсь не упустить ничего, что хотя нѣсколько относится къ сей важной истинѣ.

§ 2.

При должномъ вниманіи къ приключеніямъ, найдутъ, что нѣкоторыя обстоятельства зависятъ отъ силъ человѣка; а другія въ полной отъ него независимости. Сіи улучшивая состояніе человѣка, или дѣлая оное меньше совершеннымъ, споспѣшествуютъ къ тому, что мы называемъ щастіемъ, или нещастіемъ. На примѣръ, Леандръ погруженъ въ нищетѣ, и ежедневно мучимъ отъ своихъ заимодавцовъ; угрожаютъ ему, естьли въ назначенное время не заплатитъ своихъ долговъ. Исполненъ печальными сими мыслями, идетъ онъ прогуливаться по морскому берегу: волны сверхъ чаянія извергаютъ на берегъ ларецъ съ драгоцѣнными вещами; плачевной остатокъ нѣкоего кораблекрушенія. Леандръ открываетъ оной, и находитъ тамъ неоцѣненное богатство... Всякой скажетъ, что это есть дѣйствіе благопріятствующаго щастія. Но пусть представятъ себѣ Кая, среди зимы ходящаго по скользящему льду: онъ ступаетъ со всею живостію, бодростію, и осторожностію: вдругъ упадаетъ, и преломляетъ у себя голень. Здѣсь скажутъ, что нещастіе велѣло сему сбыться надъ

каемъ. Въ обоихъ случаяхъ, обстоятельства сіи постигли не по волѣ тѣхъ, съ коими оныя повстрѣчались. Щастливыя же и нещастливыя приключенія принадлежатъ къ тому, что простой народъ называетъ судьбою: мы его языкомъ будемъ говорить.

§ 3.

Человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ съ троякой точки зрѣнія; то есть 1 е. со стороны его тѣла; 2 е. со стороны души; 3 е. со стороны внѣшнихъ его обстоятельствъ: вотъ черта, которой будемъ слѣдовать въ семъ сочиненіи, и которой отнюдъ не должно упускать изъ виду, когда ищутъ точнаго опредѣленія различнымъ видамъ судебъ. Такимъ образомъ благая человѣка суть: 1 е. блага тѣлесныя, тѣло его усовершающія; 2 е. блага душевныя, усовершающія душу; и 3 е. на конецъ блага внѣшнихъ обстоятельствъ, въ совершенство приводящія внѣшнее его положеніе. Въ первомъ отдѣленіи можно помѣстить жизнь человѣка, его силу, красоту, чувственное удовольствіе, или какъ говорятъ нѣкоторые, плотоугодіе: во второмъ прозорливость, природное здравое сужденіе, веселонравіе, способность къ художествамъ и наукамъ, истинное удовольствіе:

и напослѣдокъ третїе можетъ въ себѣ заключать богатство, чести, знаменитость рода, множество друзей, и тому подобное. Описанїе въ противуположномъ смыслѣ подлежитъ таковомужъ изчисленїю: относительно къ тѣлу, это есть лишенїе жизни, болѣзнь, видъ гнусной и безобразной, сложенїе слабое, недостатокъ удовольствїя чувственнаго, или плотоугодїя: относительно къ душѣ, природная ко всему неспособность, слабой и посредственной умъ, недостатокъ свѣденїй въ знанїяхъ и художествахъ, безпокойство духа, и прочая: относительно къ внѣшнимъ нашимъ благамъ, нищета, дурное мнѣнїе, презорство, неизвѣстность рода, множество враговъ, потеря родственниковъ, и тому подобное. Всѣ обстоятельства относящїися къ симъ послѣднимъ видамъ, и произходящїя отъ Божескаго разпоряженїя, суть изъ числа прискорбныхъ судебъ.

§ 4.

И такъ если Богъ правитъ вообще судьбою людей, то необходимо долженъ онъ втекать въ управленїе и печальныхъ. Всѣ приключенїя сбываются по правиламъ его премудрости: въ нещастныхъ приключенїяхъ найдемъ также слѣды Божїей пре-

мудрости. Изъ сего видно, что безбожникъ есть совершенно глупой человѣкъ; не льзя назвать его иначе потому, что онъ оспориваетъ очевиднѣйшія познанія разума. Крыло Мотылка для умнаго человѣка уже есть доказательство, что Богъ существуетъ. . . Сколько въ ономъ замѣчаетъ цвѣтовъ лучезарныхъ, столько находитъ побужденій вѣрить мудрой и всемощной силѣ. Углубленные мыслями въ нечаянные случаи, разумѣю въ тѣ обстоятельства, кои якобы случиться могутъ безъ довольнаго начала, суть также безъ ума и смысла. Но не будемъ останавливаться на такихъ вещахъ, коихъ нелѣпость всякъ можетъ видѣть. Вопросъ о довольномъ началѣ у любомудровъ уже обращенъ въ правило: а скажу только одно сіе, что истинная причина предубѣжденія въ разсужденіи случайности главнымъ образомъ состоитъ въ невѣжествѣ человѣка. Не безумно ли мыслить и говорить: я не знаю начала вещи; убо и нѣтъ его. Меандръ идетъ; вдругъ упадаетъ камень, которой ранитъ его въ голову: онъ глядитъ во кругъ себя, и ничего не усматриваетъ. Положивъ сіе, не всего ли естественнѣе думать, что обстоятельство сіе было дѣйств.е

случая? однако по истеченіи времени дають ему знать, что сей камень брошенъ мальчикомъ изъ сада, за домомъ разведеннаго. . . Теперь Меандръ почитаетъ себя обманутымъ, и вѣритъ, что случайныхъ событій не бываетъ . . . Такимъ образомъ судьбу людей не льзя производить отъ случая; а есть нѣкая вышшая сила, которая правитъ ею.

§ 5.

Опытъ съ лишкомъ доказываетъ, что безчисленные люди недовольны своею участію. На таковыхъ можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: одни изъ нихъ называются крѣпкими умами, и охуждаютъ премудрость свѣтомъ правящую, уподобляясь симъ буйнымъ исполинамъ, которые покушались взлѣсть на небо, и хотѣли вознестись превыше верховнаго Божества. Они увѣряютъ себя, что умъ ихъ безпредѣленъ: и потому нѣтъ ничего, чегобъ они не порочили, или не считали страннымъ. Еслибъ они находились при сотвореніи міра; то отважились бы дать Богу совсѣмъ другой чертежъ для созиданія вселенныя. За сими слѣдуетъ нѣкоторый родъ честныхъ людей, негодующихъ на свою участь: они трепещутъ и ужасаются, коль скоро случится съ

ними печальное произшествїе: они стенають и проливають слезы о потерѣ малѣйшаго блага: они завсегда жалуются на нещастную участь, Богомъ имъ опредѣленную: они никакого не прїемлють утѣшенїя, если обстоятельства ихъ жизни не соотвѣтствують ихъ желанїямъ: они думають, что Промыслъ отъ вѣка опредѣлилъ угнѣтать ихъ бѣдствїями: они приключенїй своихъ никакъ не могуть согласить съ совершенствами Божїими. Сїи то два рода людей суть предметъ моихъ размышленїй: первые должны будуть сознаться въ своемъ безумїи; а другимъ откроется средство, почерпать изъ оныхъ облегченїе скорби.

§ 6.

Главнѣйшїй конецъ, для котораго Богъ сотворилъ свѣтъ, было явленїе его славы; и всѣ произшествїя суть толикожъ неоспоримыхъ средствъ, соотвѣтствующихъ сему Божїю концу; слѣдственно судьба человѣчества всегда будетъ открывать славу Божества. Сверхъ того не можетъ быть, чтобъ малѣйшее какое произшествїе противорѣчило свойствамъ Божества. И такъ надобно, чтобъ совокупно всѣ совершенства Божїи зримы были въ разпредѣленїи участью людей.

§ 7.

Я потщусь живѣе изобразить понятіе, кое какъ начертанное теперь, и мысли сіи привесть въ большую ясность....Прежде, нежели Богъ приступилъ къ созиданію вселенныя, отъ вѣчности представилъ себѣ всѣ возможные міры: всѣ вещи были присущи его разуму. Потомъ онъ изслѣдовалъ, которой изъ сего множества міровъ былъ самой лучшій, и вящше возвышающь его славу. Между неизщетными онъ нашелъ одинъ такой, которой паче всѣхъ послужитъ къ открытію его совершенствъ. Онъ въ немъ усмотрѣлъ безконечныя красоты, къ которымъ другіе міры имѣли такоежъ отношеніе, какое померкшія звѣзды имѣютъ къ солнцу блистающему. Онъ совокупно созерцалъ и то, что существуетъ, и что долженствовало осуществиться. Онъ сіи перемѣны связалъ такимъ образомъ, что изъ сей связи послѣдовало не только всеобщее цѣлое, но еще такое цѣлое, отъ коего не льзя отдѣлить малѣйшей вещи, не произведя новой вселенной. Такимъ образомъ онъ восхотѣлъ осуществить сей возможный міръ: безконечное его могущество изъ ничего предуготовало тварей; изъ бездны ничтожества незапно возник-

ли дѣйствительныя существа: явился міръ, которой учинился зерцаломъ Божіихъ совершенствъ. Богъ, яко всесильный, конечно могъ иначе расположить вещи; но тогда бы уже не тотъ родился міръ, которой отъ вѣчности онъ представилъ себѣ со всѣми перемѣнами, со всѣми слѣдствіями и обстоятельствами. Тогда бы произшелъ міръ совершенно различный отъ настоящаго и низшій его: слѣдовательно не открылъ бы главной цѣли Божества, которая состоитъ въ явленіи его славы; что есть не возможно; ибо Богъ не силенъ отступать отъ законовъ вѣчной своей премудрости. Пусть однакожъ вообразятъ себѣ, что Богъ попускаетъ сбываться вовсе другимъ обстоятельствамъ, другимъ приключеніямъ, нежели какія искони опредѣлилъ. Что бы изъ сего произошло? произошла бы другая вселенная, которая явно бы потемнила его славу.

§ 8.

Чтобъ живѣе представить себѣ, какимъ образомъ одинъ случай можетъ иногда произвесть чувствительнѣйшую перемѣну, я хочу пояснить сіе примѣромъ . . . Пускай остановятся только на земномъ шарѣ, и предположатъ, что Карлъ VI Римскій Импе-

раторъ не скончался въ то время, когда часъ его приближился: въ такомъ случаѣ сколько бы тысячь перемѣнъ не послѣдовало, которыя однакожъ произведены кончиною сего единаго Государя! Земля бы узрѣла себя едва ли не въ другомъ порядкѣ, нежели въ какомъ теперь видимъ. Множество браней не моглибы имѣть мѣста; множество людей существовало, многія бы земли воспріяли совсѣмъ другой видъ правленія, города и цѣлыя Государства были бы устроены совсѣмъ иначе: сколько мыслей, словъ, разговоровъ о сраженіяхъ; сколько сочиненій, похвальныхъ рѣчей на случай побѣдъ, навсегда бы осталось не умѣстныхъ! Однимъ словомъ милліоны перемѣнъ не сбылись бы, каковые послѣдовали отъ одного сего случая.... Легко дать разумѣть каждому изъ здравомыслящихъ, что, еслибъ та, или другая участь ихъ не постигла, сіе произвело бы важнѣйшую перемѣну во вселенной: ибо когда каждый случай завсегда бываетъ началомъ другаго, и всякое произведеніе раждаетъ новое произведеніе; то послѣдствіе обстоятельствъ одно за другимъ текло бы безпрерывно, такъ что наконецъ міръ совершенно бы измѣнился. Но поелику всѣ вещи свя-

заны между собою; то надлежало бы сему имѣть влiянiе на цѣлой составъ вселенныя.

§ 9.

И такъ не безумно ли желаютъ, чтобъ Творецъ правилъ мiромъ на другомъ вовсе основанiи? они не довольны своею участiю, между тѣмъ какъ все сбывается сообразно цѣли Божiей? они отъ Верховнаго Существа требуютъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ противъ его свойствъ; чтобъ разполагалъ вселенною по глупой ихъ прихоти, чтобъ соорудилъ такой мiръ, которой вмѣсто того, чтобъ служить зерцаломъ, затмѣвалъ бы сiянiе Божескихъ совершенствъ.... Безразсудныя твари! научитесь познавать ваше сердце въ нѣдрахъ терпѣнiя и спокойствiя.

§ 10.

Но се новыя жалобы! все сiе, вопiютъ, подаетъ намъ слабое утѣшенiе. За что мнѣ суждено бѣдствовать въ самомъ лучшемъ изъ мiровъ? почто на позорищѣ земли долженствую ролю мою играть съ плачемъ? мое смятенiе, мои болѣзни, мои скорьби тѣмъ мучительнѣе, что опредѣлено мнѣ страдать во всю жизнь. Что я прiобрѣтаю, живя въ семъ мiрѣ? естьлибъ я находился въ другомъ, гдѣ

судьба моя не была бы такъ печальна, то изъ всѣхъ бы лучшимъ я почелъ оной. И такъ что мнѣ за польза влачить жизнь въ такомъ мірѣ, которой повѣдаетъ славу Всемогущаго? Говорятъ, что судьба моя непреложна: но какъ можетъ сіе утѣшить меня? . . . Тамъ немощной на одрѣ разпростертъ лежитъ и плачетъ; онъ какъ червь извивается на жестокой своей постелѣ. Входитъ врачь къ нему въ покой, и его привѣтствуетъ: немощной жметъ у него руки и рыдаетъ: онъ проситъ бальзаму къ своимъ ранамъ. Но въ утѣшеніе слышитъ, что нѣтъ средства; что зло, терзающее его, есть не излѣчимо. Немощной чрезъ сіе утѣшенъ ли? боль въ немъ укрощена ли, и укрѣпилось ли его сердце?... Почто палъ на меня жребій злополучія? не гораздо ли лучше бы мнѣ не родится? се уже сороковой годъ моей жизни: скорьби, такъ долговременно мучившія меня, суть безчисленны. . . . Сего дня, говорилъ я самъ въ себѣ, авось либо прекратится мое бѣдствіе: но нещастіе мое получаетъ новое приращеніе. Тучи бѣдъ висятъ надо мною. Я уподобляюсь кормчему, которой послѣ множайшихъ бурь еще никакой не усмотрѣлъ звѣзды. Ищу,

и ни на шагъ не приближаюсь къ пристанищу моего спокойствія. Не праведно гонятъ меня; и врагъ, которой меня тѣснитъ, живетъ во храмѣ благоденствія. Его жестокость уже меня утомила. Я въ такомъ точно положеніи, въ какомъ боецъ, долгое время на площади сражавшійся, нападая, и защищаясь; но напослѣдокъ ставъ утружденъ и обезсиленъ, лежитъ распростертъ на земли; такъ что побѣдитель торжествуетъ, и отъ радости возвѣваетъ своею шляпою. Какихъ убо выгодъ не имѣетъ врагъ мой! Я не такоеже ли, какъ и онъ, существо? Почто единъ и тотъ же Промыслъ творитъ его щастливымъ, а меня нещастнымъ? скудное доказательство, что премудрый Богъ располагаетъ моею судьбою!

§ 11.

Умолкни, . . . умолкни, отчаянная душа! ты преогорчеваешь благодѣющаго Творца своего. Хотя бы ты еще столько слезъ лила; но Богъ есть премудръ, и вѣчно таковымъ пребудетъ. Нещастіе твое не такъ велико, чтобы заслуживало быть оплакиваемо. Твое неудовольствіе есть обманчивый огонь, которой со стези совращаетъ путника, и ввергаетъ его въ пропасть. Есть множество началъ,

сильныхъ утолить печаль твою. Ты на Бога ропщешъ, что онъ создалъ тебя, и порицаешъ его премудрость, утверждаясь только на своей нещастной участи. Но воззри на прошедшую твою жизнь, и увидишъ, колико удовольствій ты испыталъ уже, хотя тамъ срѣтается много и огорченій, кои однакожъ ты преодолѣлъ. Размысли о благодѣяніяхъ, кои рука Божія излила на тебя; я увѣренъ, что оныя превзойдутъ всѣ твои злоключенія. Притомъ, какое имѣешъ право сего требовать отъ Бога? почто не хощешъ также благодушно перенесть малаго зла? Смертные никогда не наслаждаются совершеннымъ щастіемъ, и прежде собиранія богатой жатвы потребно орошать землю потомъ своего тѣла. Жизнь наша конечно не есть безоблачное небо. Каждое состояніе сопряжено съ извѣстными досадами, съ извѣстными безпокойствами, съ извѣстными непріятностями. Ограничь себя тѣмъ щастіемъ, что ты содѣлался гражданиномъ сего міра, которымъ Творецъ такъ премудро управляетъ. Ты изъ числа тѣхъ орудій, возвышающихъ славу Божества, и славословящихъ его совершенства, посредствомъ коихъ Богъ хощетъ достигнуть цѣли, отъ вѣка

имъ предуставленной. Всѣ сопровождающія тебя обстоятельства суть слѣдствія премудрости. Изъ каждаго оскорбительнаго для тебя случая блистаютъ лучи Верховнаго Величества и безконечныхъ его свойствъ. Слѣдовательно всякая скорьбь должна клониться къ усовершенію тебя: и естьлибъ сего не происходило, то не открывалъ бы ты, а помрачалъ славу Божїю. Тысяча другихъ огорьчительныхъ приключенїй могли бы подавить тебя; естьлибъ вселенная не была правима мудрымъ существомъ. Коликая милость содѣлаться гражданиномъ лучшаго изъ мїровъ!... Еще и хощешъ окаевать день твоего рожденія? прошу тебя, благодушно предаться во власть Бога: безпредѣльная склонность устроять благополучїе тварей въ немъ есть неизмѣнна. Чтобы съ тобою произошло, ежелибъ Промыслъ не пекся о тебѣ? откудабъ получилъ хлѣбъ для поддержанія остатка дней твоихъ? превратишся въ пепелъ и прахъ, коль скоро Богъ отъиметъ благодать свою. Вотъ какъ облегченъ ты и обезпеченъ! недрѣмлющее Божество воспрїяло на себя всю тяжесть: и хотя иные дни кажутся горестными, но послѣдующїе чрезъ то становятся сладостнѣе. Не-

пріятель твой отнюдъ такъ нещасливъ, какъ признаешъ его; пускай будетъ онъ и того щастливѣе, почто хочешъ вести разчетъ съ Богомъ? око твое проникаетъ ли глубину Божества, и извѣстны ли тебѣ причины, по которымъ безконечная мудрость тому быть попускаетъ? довольствуйся своимъ жребіемъ; и не безпокойся, смотря на другихъ жребій. Что тебѣ за нужда, какія благодѣянія Богъ хощетъ даровать людямъ? ты не имѣешъ права ничего требовать отъ него, и ничего ему не далъ. Благодари всемогущество, что по сіе время не случилось съ тобою большихъ огорченій.... Боже мой! какъ можно жаловаться на свою судьбу, взвѣшивая все сказанное на вѣсахъ внимательнаго разума!

§ 12.

Слава Божія, какъ говорятъ любомудры, есть конечная и главная цѣль; а прочее все, подобно лучамъ солнца, соединяется въ семъ средоточіи. Слава сія есть такъ же величайшее изъ благъ, могущихъ ощастливить и усовершить человѣка. Вся красная земнаго міра, безъ отношенія къ сей точкѣ зрѣнія, суть тѣла безъ душъ, картины безъ подлинниковъ. Человѣкъ предпріемлющій тысячу дѣлъ, и ни въ одномъ не предполагающій себѣ конца сего, пре-

смыкается въ лабиринтѣ суетъ, и никогда не найдетъ выходу оттуда; подобно страннику, цѣлую ночь блуждающему въ лѣсу, и не обрѣтающему исхода. Человѣческія желанія не насытны: богатолюбецъ алчетъ всегда большаго; честолюбецъ непрестанно желаетъ возвышаться; домогающійся многихъ должностей и чиновъ ни чѣмъ не бываетъ доволенъ; его происки безконечны, и любочестіе безпредѣльное. Но предмѣтомъ имѣющій славу Божества преодолѣваетъ всѣ препятствія; онъ достигаетъ конечнаго степени, и тамъ остановляется. . . Знаю, что есмь тварь самаго лучшаго міра, которой столь премудро возвѣщаетъ славу правящаго имъ. Всѣ страданія способствуютъ мнѣ въ достиженіи сей конечной и верховной цѣли. Какая нужда устремляться за тщетными заботами, и сражаться съ уклоняющеюся тѣнію? сытъ я, или гладенъ; бодрствую, или сплю; веселъ или печаленъ: все бываетъ во славу безконечнаго существа. Что желательнѣе, какъ содѣлаться членомъ міра, гдѣ жизнь моя употреблена на славословіе Бога? При всѣхъ сокровищахъ и коронахъ, при всѣхъ почестяхъ и уваженіи, при всемъ вообразимомъ удовольствіи, если не превозношу хва-

лами святаго имени Божества, то чемъ дольше живу, тѣмъ больше удаляюсь отъ верховнаго блага: а существо, въ мірѣ не содѣйствующее славѣ Божіей, ничего не будетъ значить между толикими милліонами существъ.

§ 13

Удивительно, до чего смертный можетъ заблуждать въ отношеніи къ своему Творцу! Еслибъ каждый опирался на утѣшительномъ семъ началѣ, то никакъ бы не льзя предаться смущенію. Кто бы разумѣлъ, что такое есть удовольствіе, еслибъ прежде не испыталъ непріятности? ктобы понималъ сладость, никогда не извѣдавъ ѣдкаго, или горькаго? Цѣну здоровья знаютъ только тогда, когда нѣкую боль ощущаютъ въ себѣ. Не узнаютъ пріятности довольства, какъ послѣ бѣдности. Не вкушаютъ сладости сна, какъ по утружденіи и изнеможеніи членовъ. Не ѣдятъ со вкусомъ, какъ по долговременномъ пощеніи. . . . Естество человѣческое любитъ перемѣны; и Божество цѣлый міръ сообразило съ нашими желаніями. Воздухъ измѣняется; то дождь идетъ; то отъ громовъ и молній стонетъ земля; то небо укрощается. Мы постоянно усматриваемъ тысячу измѣненій: времена года блюдутъ чреду

между собою; древа цвѣтутъ, оцвѣтаютъ, сохнутъ, валятся, въ прахъ и пепелъ обращаются. Поле, которое покрывалось классами и украшалось цвѣтами, теперь заграмождено снѣжными грудами. Рѣки, не давно журчавшія съ толикою для слуха нѣжностію, покрылись льдомъ. Воздухъ иногда растворенъ теплотою, и иногда холоденъ, и все клонится къ удовлетворенію человѣка. Зима также доставляетъ намъ пріятности, каковыхъ лѣто не имѣетъ: пускай извлекутъ изъ сего заключеніе о положеніяхъ жизни. Никтобы изъ человѣкъ не чувствовалъ щастія, естьлибъ никогда не видѣлъ, и самъ собою не испыталъ нещастія. Сіи перемѣны показуютъ намъ явственнѣйшіе слѣды Божіей премудрости. Злополучія уподобляются тѣнямъ, красу картинъ возвышающимъ; или полу-голосамъ для слуха противнымъ, но совокупно съ прочими настроенными струнами влагающимъ въ ушеса трогательнѣйшее чувствіе добрагласія. Другое начало, открывающее Божію премудрость въ злоключеніяхъ, есть сіе: Богъ во вселенной цѣлую природу, случаи и всѣ перемѣны расположилъ такимъ образомъ, что произшелъ оттуда не одинъ всеобщій составъ, но и то еще, что естествен-

ныя причины никогда не лишаются своихъ дѣйствій. Предположимъ теперь, что Богъ ни какому нещастію не попущаетъ касаться человѣка: въ такомъ случаѣ надлежитъ ему ежеминутно творить чудеса: надлежитъ обуздать силы природы, и совершенно остановить дѣйствія причинъ естественныхъ. Еслибъ кто упалъ въ воду, гдѣ погибель была бы неизбѣжна, то для спасенія его, Богу слѣдовало бы сотворить чудо. Еслибъ кого на войнѣ коснулся выстрѣлъ ружья, то надлежалобы Богу воспрепятствовать силѣ всѣхъ пуль и ядеръ. Еслибъ кому случилось быть въ пожарѣ, отъ коего не льзя уходомъ свободиться: то надлежалобы Богу такое дать направленіе молніи, дабы не пала она ни на людей, ни на ихъ имѣніе, ни домы. Можно сослаться на безчисленные примѣры, насъ научающіе, что нужно бы было Богу ежеминутно творить чудеса, дабы отъ людей отвратить всякія непріятности; но сіе противорѣчитъ совершенствамъ его и свойствамъ. И такъ надежно можемъ заключить, что горестная судьба человѣка не испровергаетъ, а ощутительно открываетъ премудрость и славу Божества. . . . Третіе начало есть слѣдующее: Еслибъ Богъ пре-

дохранялъ человѣчество отъ всякой скорьби, то надлежалобы ему превратить всю нашу природу; чтобъ тѣло лишилось всего чувствія, чтобъ ни дождь, ни вѣтръ, ни воздухъ, ни солнце не могли вредить человѣческому тѣлу. Душа долженствовала бы мыслить совсѣмъ иначе, нежели какъ теперь она мыслитъ. Гладъ называлабы она сытостію; скорьбь удовольствіемъ; болѣзни совершенствами.... За всемъ симъ чтобы послѣдовало? Богу надлежало бы сотворить другой міръ, и землю населить не людьми, а безчувственными существами: но сіе очевидно испровергло бы Божественныя его свойства.... Могъ бы я открыть еще другія начала, ежелибъ предположилъ себѣ нарочито заняться симъ предмѣтомъ. Но и изъ вышереченнаго, думаю, явствуетъ, что люди имѣютъ сильнѣйшія убѣжденія быть довольными; и что безразсудно поступаютъ, когда отъ Бога требуютъ, дабы управляя вселенною, не попускалъ онъ сбываться ни одной противной съ ними встрѣчи.

§ 14.

Важнѣйшія безпокойства и заботы людей происходятъ отъ двухъ причинъ: первая, что всегда желаютъ предварительно знать свою судьбу; вторая,

что будущее вообще представляется имъ страшнѣе настоящаго; и вотъ что больше всего мучитъ человѣка. Каково, говорятъ сами въ себѣ, каково будетъ мое положенїе, по истеченїи двухъ или трехъ лѣтъ? я бѣденъ; но сколько еще предлежитъ времени страдать и отчаяваться? богатъ я: но въ минуту, когда меньше всего буду ожидать того, имущество мое можетъ превратиться въ пепелъ. Въ какое прїиду унынїе, если нужда заставитъ истаевать отъ глада, или питаться милостынею? кому извѣстенъ родъ смерти, которой меня ожидаетъ? какой нещастный жребїй будетъ провождать меня за предѣлы здѣшняго существованїя! кто знаетъ, когда наступитъ пагубный день, въ которой земля скажетъ: сего громомъ убило; другаго потопила вода; третьяго умертвили хищные злодѣи; такой то, находясь въ домѣ у себя, помѣшался въ умѣ; иной умеръ отъ паралича: вотъ уже во гробѣ сей, которой былъ еще въ цвѣтѣ своего возраста.... Ахъ! когдабы я зналъ предварительно мою судьбу, можетъ быть оградился бы терпѣнїемъ.... Иногда размышляю: тамъ живетъ волшебница; или такой человѣкъ, которой изъ чертъ руки угадываетъ будущїя событїя, и кото-

рой можетъ предвѣстить, что со мною въ жизни случится. Пойду туда, и извѣщусь, дабы тѣмъ удобнѣе успокоить сердце мое.... Знакъ мудраго человѣка, небоязненно взирать на свое злополучїе, и онъ предварительно знаетъ оное... Несмысленный! безумца знакъ безпокоиться о такихъ вещахъ, каковыхъ частїю не хотѣлъ бы я знать, и которыхъ никто не силенъ мнѣ предсказать. Чтобы послѣдовало, еслибъ небо упало? чтобы послѣдовало, еслибъ я былъ не человѣкъ? что, ежелибъ Богъ не былъ всемогущъ?... Таковыя мысли доказываютъ слабость упованїя на Бога, и недостатокъ свѣденїй о безконечныхъ его совершенствахъ. Не существуетъ ли Верховное существо, судьбою нашею располагающее сообразно своей премудрости? кто вамъ внушилъ, что грядущїя произшествїя будутъ хуждшїя минувшихъ? кто сказалъ, что еще испытаете такое, или такое зло? кто сказалъ, что на всегда лишены вы средствъ стяжать богатство, и многїя еще лѣта наслаждаться щастїемъ и здоровьемъ? приключенїя съ вами не въ руцѣ ли премудраго Бога?... Въ щастїи не превозноситься, и при всемъ возможномъ довольствїи думать, что могутъ случиться прискорбные дни, сїе разумно; но крайняя глупость му-

читься, смущаться, тревожиться тѣмъ, чего не знаютъ достовѣрно. Лучше возложить упованіе на Правящаго нашею судьбою, на сіе Верховное Существо, коему такъ удобно предохранить насъ отъ всякаго противнаго случая.

§ 15.

Для многихъ причинъ люди охуждаютъ правленіе міра, и бываютъ недовольны своею участію; потому что имѣютъ ненасытное желаніе всегда вышшихъ честей, всегда вящщаго уваженія, всегда большаго приращенія богатства, всегда новыхъ удовольствій и прочаго сему подобнаго. Оттуда раждаются всѣ безразсудныя желанія: мы непрестанно желаемъ, чтобы Богъ разполагалъ вселенною сообразно нашей волѣ; и думаемъ, что по исполненіи того или другаго, мы были бы щастливы. Но Богъ не всегда можетъ удовлетворить нашимъ хотѣніямъ. Разумъ нашъ съ лишкомъ ограниченъ, а сердце съ лишкомъ развращено: часто сами не знаемъ, чего требуемъ. Мы живемъ въ разныхъ временахъ, и въ разныхъ обстоятельствахъ: слѣдовательно судьба не должна единообразно дѣйствовать на благосостояніе наше. И такъ надобно, чтобъ мудрое и всевѣдущее Существо не усыпно

бдѣло о происходящемъ въ мірѣ. Сему то существу долженъ всякъ предать себя, дабы не впасть въ конечную гибель. Міръ во всѣхъ бы частяхъ разстроился, ежелибъ Богъ вѣчно приспособлялся къ нашимъ понятіямъ. Пусть вообразятъ себѣ число людей: пусть представятъ себѣ одно только различіе ихъ склонностей и умораспоряженій: какоебъ смятеніе и превратность не царствовали въ мірѣ, когда бы Богъ исполнялъ желанія тварей! одинъ хочетъ себѣ извѣстнаго блага и тысяча другихъ тогожде желаютъ: комуже дать оное? всѣ щитаютъ свои требованія правильными; но удовлетворить всѣхъ не возможно. Равно бы было, какъ естьлибъ Государю пришла мысль хотя одинъ день употребить на здѣланіе всего, чего бы ни пожелали его подданные. Сколькобъ родилось странныхъ прихотей! одинъ потребовалъ бы того, другой другаго: сколько головъ, столько умовъ. И что бы за тѣмъ послѣдовало? Государь въ одинъ день погрузилъ бы цѣлое Государство въ нещастіе, и всѣхъ подданныхъ въ совершенную пагубу.... Совмѣстно ли умному человѣку болѣзновать о томъ, что Богъ устрояетъ благополучіе, а не злополучіе наше? Помысли, человѣкъ! что существуетъ мудрое Суще-

ство, которое правитъ вселенною, и правитъ ею соображаясь съ мудростїю.

§ 16.

Миридъ, одинъ изъ наперсниковъ Государя, непрестанно углублялся въ печальныя мысли свои, считая невозможностїю когда либо достигнуть цѣли своея надежды. Онъ воображалъ, что люди были бы щастливы, еслибъ все въ мїрѣ сбывалось по ихъ желанїямъ. Государь не могъ угадать печали, доколѣ самъ Миридъ ему не открылъ ея. О! возкликнулъ сей мудрый Государь, которой чувствовалъ всю неосновательность сихъ мыслей; не безпокойся, будь веселъ по прежнему; довольно есть средствъ къ успокоенїю твоихъ желанїй. Что тебѣ угодно, Государь вопрошаетъ его? чего ни потребуешъ, все будетъ исполнено.... Тотчасъ любимецъ объявилъ, что желалъ бы онъ во владѣнїи у себя имѣть прекрасное помѣстье близъ города, гдѣбы можно провождать дни въ покоѣ и мирномъ удовольствїи.... Въ минуту желанїя его удовлетворены, и въ короткое время украсилъ онъ отдѣленїя прекраснаго своего замка... Онъ началъ тамъ жить уединенно и спокойно. Но едва нѣсколько недѣль протекло, какъ уже наскучила ему жизнь сїя.... Государь пришелъ туда, чтобъ узнать,

какъ онъ находится, получивъ желаемое. Но скоро усмотрѣлъ, что новое безпокойство поселилось въ его душу. И потому вопросилъ: чтобы еще могло возмущать его покой? ахъ! Государь, отвѣтствовалъ онъ, какъ могу щастливъ неисходно живя, подобно отшельнику, въ сей пустынѣ? весьма бы я доволенъ былъ моимъ состоянїемъ, когда бы не смущало меня новое мученїе. Я люблю Кларису, такую красоту, каковую свѣтъ рѣдко производитъ. Она любезна, прелестна, весела, быстраго и пылкаго разума; она стройна, богата, изящныхъ свойствъ и знаменитаго поколѣнїя. Мы другъ друга любимъ съ самаго младенчества: мы уже бы и соединились, естьлибъ отецъ ея не старался разстроить нашихъ замысловъ; я былъ бы благополучнѣйшій изъ человѣкъ, когда бы обладалъ Кларисою. Хорошо, сказалъ Государь, да будетъ исполнено твое желанїе.... Миридъ сочетался бракомъ съ своею возлюбленною....Спустя нѣсколько мѣсяцовъ Государь вторично туда воспрїялъ путь, чтобъ узнать, щастливъ ли его наперсникъ. Миридъ на встрѣчу ему бѣжитъ весь во слезахъ; жалуется, что онъ злополучнѣйшій изъ человѣкъ, что супруга его величава и отъ него требуетъ раб-

скаго повиновенія; что наслажденіе его покой и удовольствія, изчезли, равно какъ и свобода, и что онъ связанъ на всегда; что красота жены его, разумъ, имущество и знаменитость рода суть вѣчные упреки, кои огорчаютъ его.... О Миридъ! сказалъ Государь, не знаешъ, чего желаешъ себѣ. Почто тебѣ безпрерывно мучиться тысячею безпокойствъ и суетныхъ заботъ? не исполнилъ ли я твоихъ желаній? и такъ подражая мнѣ научись быть доволенъ своимъ жребіемъ.... Ахъ! отвѣчалъ Миридъ, и я жилъ бы покойно, естьлибъ былъ Государемъ. Вы достигли благополучія, выше коего не возносятся желанія смертнаго. Вамъ стоитъ только повелѣть; и всѣ приказанія въ дѣйство приведены; а я.... Изрядно, прервалъ рѣчь Государь; да будетъ еще по твоему жаланію. Отъ нынѣ имѣешъ чрезъ три года управлять моею державою: я хочу уступить тебѣ всю власть мою.... Тотчасъ Миридъ покрылся златомъ и царскою багряницею. Едино мановеніе созываетъ тмочисленныхъ тѣлохранительныхъ воиновъ, готовыхъ исполнить его волю. Глава его украшена вѣнцемъ, а въ рукѣ блещетъ скипетръ. Государь повелѣваетъ всемѣстно обнародовать,

чтобъ подданные его отселѣ покарялись законамъ Мирида.... Всѣ у ногъ его ползаютъ съ уничиженіемъ рабства, но внутренно каждый желаетъ ему смерти. Онъ замѣчаетъ, что весьма многіи завиствуютъ его благополучію. Столъ его превеликолѣпенъ; но всѣ яствы возбуждаютъ въ немъ досаду и отвращеніе; и уже во всякой изъ оныхъ мнитъ усматривать ядъ и смерть. Безпрестанно мучась отъ заботъ правленія, не наслаждается и нощнымъ покоемъ: онъ трепещетъ, когда на утвержденіе представляютъ ему приговоръ смерти. Онъ долженъ издавать указы соотвѣтственные пользамъ Государства, и не разумѣетъ науки царствовать. Боязнь нарушить совѣсть напослѣдокъ удерживаетъ его отъ предписанія законовъ народу.... Ахъ! вскричалъ Миридъ, сколь я злополученъ! сколь безумны мои желанія!... Едва восемь дней протекло, какъ бѣжитъ онъ повергнуться къ стопамъ Государя, и возвращая ему скипетръ и корону, униженнѣйше проситъ такъ жестоко не истязывать его вторичнымъ ввѣреніемъ ему трехлѣтняго правленія Государствомъ. Онъ клятвенное далъ обѣщаніе ничего больше не желать, возвратиться въ свое помѣстье, и живъ тамъ мирно,

ставъ опытомъ убѣжденъ, что честолюбецъ никогда не бываетъ доволенъ своею судьбою, какъ бы онъ ни былъ щастливъ.

§ 17.

Вотъ какъ иногда случается съ нами нещастными людьми! мы не престаемъ желать; но всѣ желанія безполезны, а часто предосудительны бываютъ. Мы хочемъ наслаждаться всѣмъ, для глазъ пріятнымъ; когда же вникнемъ, то находимъ одну суету и глупость. Нѣтъ пламени такъ чистаго и свѣтлаго, чтобъ не предшествовали ему пары и дымъ. Пусть съ надлежащей стороны разсмотрятъ удовольствіе человѣка; надобно будетъ признаться, что оно смѣшано со многими неудобствами и досадами.... Жители міра сего! почто вамъ огорчаться невыгодными для васъ случаями? почто негодовать на свою судьбу, назначаемую такимъ существомъ, коему не безъизвѣстно, что наипаче вамъ сродно?... Слѣпецъ нѣкогда жаловался на слѣпоту свою. Другіе за руки водили его; и онъ ходилъ безбѣдно. Совсѣмъ тѣмъ не преставалъ роптать на лишеніе зрѣнія. Спустя не много искусный врачь ему возвратилъ оное. Теперь то, сказалъ, щастливъ я; уже не буду

больше ходить ощупью и медленно. Но съ лишкомъ онъ положился на свои силы: однажды со всею опрометчивостію низходилъ, съ лѣстницы оступился, и сломилъ себѣ голову.... Такимъ то образомъ и съ нами бываетъ: чего не имѣемъ, того желаемъ; а полученіемъ желаемаго ускоряемъ свое бѣдствіе. Мы никогда не мыслимъ о послѣдствіяхъ; желаемаго никогда не сличаемъ съ другими предмѣтами; прилѣпляемся къ единой токмо поверхности, которая блеститъ и ласкаетъ нашимъ чувствамъ; а во внутренность не вникаемъ.... Но почто сіи желанія? и отъ чего происходитъ, что мы не испытуемъ истинной природы вещей? Ахъ! Я не могу сказать; самихъ васъ надобно о томъ вопросить.... Дитя видитъ горящую свѣчу: стремительно бѣжитъ къ столу, и хочетъ перстомъ коснуться свѣта. Отецъ препятствуетъ ему, дитя плачетъ. Угрожаютъ ему, показуютъ розгу; однако ничто не остановляетъ желанія и слезъ дѣтскихъ. Напослѣдокъ отецъ предаетъ его собственной волѣ. Дитя тотчасъ простеръ руку, ожегся и заплакалъ.... Вотъ живое изображеніе нашихъ поступковъ! Иной проливаетъ слезы, рыдаетъ, упадаетъ на колѣна, и проситъ Верховное существо, дабы

попустило тому, или другому сбыться по его желанію. Богъ нѣкогда попускаетъ; но человѣкъ изъ послѣдствій видитъ, колико несмысленны были его моленія.... Безумные! Не сопротивляйтесь теченію Божія провидѣнія, и будьте довольны его направленіемъ. Возблагодарите всемогущество, что хотѣнія ваши не всегда исполняемы бываютъ. Многажды койчего желалъ я; и не могъ склонить небо на мою сторону: но будущее вразумило, что естьлибъ Богъ внялъ моему прошенію, подвергсябы я величайшему бѣдствію.

§ 18.

Человѣческій умъ подлежитъ безчисленнымъ слабостямъ. Часто мы обладали благомъ; но тѣмъ не меньше были не довольны. Въ продолженіе трехъ, или четырехъ дней ощущаемъ удовольствіе; но далѣе отъ пресыщенія оно превращается въ омерзѣніе. Наконецъ привыкаемъ ко всему; и тогда раждаются новыя требованія. Слѣдовательно во всю жизнь не достигаемъ края нашихъ надеждъ. Съ нами происходитъ точно тоже, что и съ искателемъ сокровищъ, коему прорицалищный прутъ указуетъ златую жилу: въ самомъ началѣ онъ веселится: но, чтобъ ему

возпользоваться, какихъ не долженъ онъ преодолѣть трудовъ? Стенанія его тѣмъ горестнѣе, что въ изрытомъ рвѣ часто ничего не находитъ кромѣ поту, которой онъ вотще пролилъ.

§. 19.

Вся наша жизнь есть ничто иное, какъ сцѣпленіе великихъ усилій и докукъ. Мы предполагаемъ себѣ осуществить безчисленные, притомъ не неважные, замыслы. А чрезъ то бременимъ себя всегда новыми заботами, и утомляемъ разумъ. Мы въ своемъ воображеніи зиждемъ новые міры, и, какъ весьма хорошо сказано, строимъ воздушные замки. . . .Тутъ, можетъ быть, есть часть Америки; хочу я открыть ее. Пущусь въ Океанъ, и испытаю опасность морей. Тамъ усматриваю два острова; желательно мнѣ ихъ застроить. Вотъ города, кои хочу покорить. Подъ сѣвернымъ полюсомъ живутъ народы, коихъ очень нужно усмирить. Хочу еще выиграть столько то сраженій, и столько то лѣтъ наслаждаться моимъ благополучіемъ. Хочу также получить то или другое достоинство. Займу ученыхъ прѣніемъ. Это есть такая истинна, которая еще никому на мысль не приходила. Пот-

щусь доказать ее неоспоримыми началами. Тѣмъ или другимъ способомъ, но имя мое учиню безсмертнымъ. Уже умственно созерцаю потомство, и вижу сонмъ мудрецовъ, которые въ Академическихъ засѣданіяхъ соплѣтаютъ мнѣ вѣнецъ хвалы. . . .Но всѣ наши затѣи суетны: всѣ намѣренія и всѣ желанія явились тщетными: мы сооружали воздушные замки, и въ пескѣ искали золотыхъ горъ. Много лѣтъ погрузилось въ вѣчности между тѣмъ, какъ мы еще ничего отмѣннаго не здѣлали. Состарѣваемся, увядаемъ, и наконецъ во гробъ низлагаемся. Тогда сбываются слова одного изъ замысловатыхъ стихотворцевъ: „Я хочу пѣть Ироя, котораго подвиги заслуживаютъ безсмертіе: какіяжъ дѣянія, кои отъ толпы отличили сего подвижника? Онъ ѣлъ, пилъ, жилъ, женатъ былъ и умеръ.„

§ 20.

Другой живетъ спокойно и съ твердымъ упованіемъ на Промыслъ: онъ доволенъ малымъ щастіемъ: не заботится о умноженіи сокровищъ и мореплаваніи. Но вдругъ представляется случай, которой извлекаетъ его изъ уничтоженія и неизвѣстности. . . .Почто безпокоиться о томъ, что не зависитъ отъ моихъ силъ?

мнѣ ли предписывать высочайшей мудрости правила, какъ она долженствуетъ располагать обстоятельствами моея жизни? могули перемѣнить чертежъ, произшедшїй отъ безконечнаго разума? Богъ навсегда пребудетъ Богомъ, а я есмь не больше какъ человѣкъ. Какая нужда предполагать себѣ такїя дѣла, въ успѣхѣ коихъ я не удостовѣренъ? одно обстоятельство можетъ до основанїя испровергнуть все, что я соорудилъ съ толикимъ раченїемъ. Одинъ ученый былъ въ саду, и видѣлъ тамъ мравникъ: сїи насѣкомыя трудились на маломъ возвышенїи, и хотѣли составить новое общество. Всѣ на перерывъ дѣйствовали: одинъ приносилъ, другой сограждалъ; тотъ отходилъ, сей возвращался; иной приходилъ съ зерномъ песка, другой влекъ пылинку; десять, двадцать, тридцать прибѣгали, и двигали тѣмъ, чего одинъ не могъ тащить. Напослѣдокъ скорѣе, нежели въ часъ, все совершено: но всѣ ихъ старанїя учинились безплодными: сей философъ ступая, наткнулся на бугорокъ, надъ коимъ трудились миллїоны существъ; и все рушилось.... Подобно симъ насѣкомымъ и люди обманываются въ своихъ замыслахъ; они много кое-чего затѣва-

ютъ, но Превѣчный съ сожалѣнїемъ взираетъ на ихъ глупости. . . .Вавилонская башня по предположенїю долженствовала досящи неба своею главою; потомство, судя по огромности зданїя, не можетъ довольно надивиться чудесному труду своихъ предковъ. Ничего не достаетъ къ тому, чтобь воздвигнуть стѣны, могущїя презирать вѣчность самую. Высочайшая сила отъ небесъ низводитъ взоръ на безразсудное сїе предпрїятїе смертныхъ; разумѣетъ слабость тварей; и единымъ хотѣнїемъ все обращаетъ въ ничтожность. Одно простѣйшее средство, смѣшенїе языковъ, служитъ вѣчнымъ посрамленїемъ всѣхъ ихъ начинанїй.

§ 21.

Я доволенъ, и стою на высотѣ щастїя. Чести, богатство, утѣшенїе, сокровища и все желательное въ моемъ теперь разпоряженїи. Надобно соорудить великолѣпный домъ; ибо настоящая моя хижина съ лишкомъ мала и не прилична. Каменьщики, художники, плотники стекайтесь, и осуществите мнѣ планъ со всевозможною поспѣшностїю. Вотъ злато, которое васъ ожидаетъ. . . . Все стремится къ исполненїю моихъ велѣнїй: увеселительной домъ уже довершенъ;

здѣсь то я начну провождать дни съ пріятностію. Сочеловѣки! удивляйтесь моему щастію; разсматривайте красоты блистательнаго моего замка! чудитесь богатѣйшему убранству... , Увы мнѣ! о Боже! сколь безразсудны были мои желанія! На другой день пышное зданіе мое объято пламенемъ, и въ пепелъ превращено со всѣми моими сокровищами.... Другой ублажаетъ свой жребій тѣмъ, что ввѣрена ему важная должность; напослѣдокъ онъ украшенъ кавалеріею: онъ столько полагается на сдѣланныя ему отличія, что благополучіе свое щитаетъ непоколебимымъ. Но въ то время, когда онъ чаетъ еще больше усилиться, Государь и благодѣтель его скоропостижно кончается, а преемникъ престола низвергаетъ его съ высоты честей, и смѣшиваетъ съ толпою.... Иной говоритъ самъ въ себѣ: я есмь Ирой, и усмиритель моихъ супостатъ. Таковъ побѣдитель, какъ я, неотъемлемое имѣетъ право на вѣнецъ отъ пальмовыхъ вѣтвій: лавры безсмертія конечно будутъ украшать мой гробъ, ежели по истеченіи многихъ лѣтъ принужденнымъ найдусь лишиться жизни. Что скажетъ свѣтъ, отечество мое, другъ мой? Что скажетъ самой Государь,

когда бранная труба возгласитъ о моей силѣ, о моихъ трофеяхъ и завоеванїяхъ? Какое для меня блаженство, когда за вихрями войны послѣдуютъ зефиры мира, и я начну пожинать плоды моихъ трудовъ! Сколько воспоютъ пѣсней въ честь моихъ подвиговъ! Сколь нѣжно обыметъ меня супруга, когда возвращусь, увязенъ цвѣтами и лаврами! хочу еще сразиться, и врагъ падетъ подъ лезвеемъ меча моего. Потомъ съ распущенными знаменами, и при сладкогласїи гремящей музыки, вниду во врата столицы, и буду съ любезнымъ семѣйствомъ разглагольствовать о моихъ побѣдахъ. . . . Безумецъ! радость твоя и всѣ твои движенїя суетны. Тамъ въ непрїятельскомъ станѣ простой воинъ заряжаетъ свой мушкетъ; всаждаетъ туда пулю, которая заутра постигнетъ тебя, и поле битвы воскурится отъ твоей крови. . . . Князь крови восходитъ на наслѣдственный престолъ, и издаетъ радостные крики: отъ придворнаго шума устранясь въ кабинетъ, коликое, вѣщаетъ самъ въ себѣ, благополучїе зрѣть главу свою украшенну дїадимою! Се рабы ползающїе у ногъ моихъ; тамъ подданные лобжутъ мой скипетръ. Здѣсь земли и цѣлыя царства

внемлютъ гласу моему; тамъ находятся новыя страны, кои должны будутъ склонить выю подъ иго моихъ законовъ. Колико воинства усматриваю! Ето суть исполнители моея воли: они ступаютъ твердо, и удвояютъ шагъ; всѣ они подъемлютъ чело, и становятся въ прямую линїю; они уставляютъ ружья, и извлекаютъ штыки. Одинъ человѣкъ дѣлаетъ движенїе, и купно съ нимъ цѣлые ряды и баталїоны. Вотъ избраннѣйшїй соборъ Ироевъ. Кто можетъ стать противъ меня? Тамъ жительствуетъ нѣкто изъ Князей; пойду, и сражуся съ нимъ. Здѣсь вблизи господствуетъ мой сосѣдъ; съ нимъ то долженъ я заключить договоръ союза... Монархъ! всѣ твои начинанїя излишны. Единому токмо Богу свойственно править землею. Прежде нежели солнце скроется подъ горизонтъ, ты можетъ быть, самъ снидешь во гробъ. Народы оплачутъ смерть твою; но отнюдъ не будутъ веселить ихъ твои побѣды.

§ 22.

О когда бы люди ежечастно размышляли, что они не суть творцы, ниже блюстители, ниже правители вселенныя!... Почто намъ не достаетъ нужнѣйшаго знанїя сообразоваться волѣ мїроздателя? Почто предприни-

мать такія дѣла, о успѣхѣ коихъ остаемся въ крайнемъ невѣденіи? Почто не дѣлаемъ наблюденій, дабы узнать превратность благополучія и злополучія? . . .Дарій учинился Государемъ чрезъ конское ржаніе: Давидъ на пажить изводитъ овецъ своего отца, и помазуется на царство. Ксерксъ совершенно разбитъ, когда онъ всего больше кичился многочисленностію своея арміи: Крезъ хочетъ за деньги цѣлый стяжать свѣтъ, и принужденнымъ находится заплатить дань природѣ: кто почиталъ себя благополучнѣйшимъ изъ человѣкъ, тотъ возложенъ на костеръ. . . Праведное небо! Сколь превратны дѣйствія щастія! Одинъ хочетъ пріобрѣсть новыя земли; и въ тоже время лишается своихъ собственныхъ: другой страшится потерять корону, и присоединяетъ къ ней новыя. Десять тому лѣтъ назадъ, какъ я видѣлъ цѣлыя семѣйства въ цвѣтущемъ состояніи, а теперь дѣти оныхъ просятъ милостыни. Одинъ чаетъ спастись отъ бури морской, и въ волнахъ утопаетъ; другой представляетъ ее гробомъ себѣ, и безбѣдно достигаетъ пристани. Сей думаетъ еще долго жить, и скоропостижно умираетъ: тотъ ежеминутно чувствуетъ при-

ближенїе смерти; и все еще живетъ.... Откудажъ происходятъ сїи столь странныя событїя? Отъ чего Греки въ маломъ количествѣ разбиваютъ миллїоны Персовъ? Отъ чего сей бѣднякъ, котораго за десять предъ симъ лѣтъ мы отталкивали отъ прага нашихъ дверей, теперь живетъ въ нашемъ домѣ, и подаетъ милостыню? Отъ чего Iосифъ, сей младый Евреянинъ, лишъ только освободившийся узъ и темницъ, сидитъ подлѣ Египетскаго Государя, и надъ Египтянами господствуетъ? Отъ чего Аманъ на томъ же самомъ древѣ повѣшенъ, которое онъ повелѣлъ водрузить для Мардохея? Отъ чего разбойникъ, которой нѣсколько тому лѣтъ какъ меня ограбилъ, теперь, а не прежде, колесуется? Отъ чего врагъ мой со всевозможнымъ рвенїемъ, искавши моей погибели, теперь, такъ сказать, ползаетъ у ногъ моихъ? Отъ чего злодѣй, которой за три года предъ симъ измѣннически низринулъ человѣка въ воду, самъ на послѣдокъ погибъ въ той же рѣкѣ? Отъ чего сей сирота, которой изъ сожалѣнїя взысканъ и воспитанъ въ чуждомъ домѣ, теперь облегчаетъ участь дѣтей своего благодѣтеля. . . . На всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: Правосудный

Богъ управляетъ міромъ, и сообразно правиламъ своея премудрости.

§ 23.

Дерзновенные человѣки, порицающіе существо Верховное! посмотрите на небо, и изочтите звѣзды. Воззрите на безконечный рядъ солнцевъ, среди толикихъ міровъ блистающихъ, и вникните въ теченіе планетъ, измѣрьте предѣлы тверди, кои къ величайшему удивленію умовъ, непонятно изчезаютъ изъ виду въ пространствахъ воздушныхъ. Изочтите песокъ вскрай моря, и капли воды въ нѣдрахъ Океана. Ниспуститесь въ толщу земли, и обозрите чудеса природы. Изслѣдуйте тамъ первородные источники, откуда возникаютъ на землю столь многовидныя и многочисленныя рѣки. Разсмотрите въ горахъ рудники, откуда изходитъ толико богатѣйшихъ жилъ злата и сребра. Протеките долины и равнины, и опредѣлите число цвѣтовъ на оныхъ. Взойдите на вершину горъ, и откройте тамъ страну свѣта, куда обращенное око не насыщается зрѣніемъ, но всегда алчетъ далѣе идалѣе проникнуть. Возмите въ руку цвѣтущій стебель, и посудите о стволахъ съ толикимъ искусствомъ устроенныхъ, посредствомъ коихъ пита

тельная влага отъ корья въ верьхъ восходитъ. Удивляйтесь изящному строенію вашего тѣла, и размыслите о непостижимомъ Существѣ вашея души. Изочтите милліоны существъ, которыя съ вами движутся на поверхности земнаго шара. Вопросите самихъ себя, способны ли вы создать хотя единъ стебель злака; и возможно ли, чтобъ атомы чрезъ случайное ихъ соединеніе произвели столь прекрасный міръ? Размыслите сами въ себѣ, откуда сіи существа воспріяли свое бытіе, продолженіе, разпорядокъ, кругообращеніе, рожденіе и приращеніе. Изыщите, для чего сіи существа не возвращаются въ первобытную свою ничтожность, и что въ нихъ дѣйствующимъ началомъ столь ощутительныхъ измѣненій. Взвѣсьте на вѣсахъ разума сіи милліоны жителей земнаго шара, кои при всемъ различіи наклонностей и при всей противоположности дѣйствій, не удержно стремятся къ выполненію своихъ намѣреній. По таковомъ и толикомъ наблюденіи, не принуждены ли будете признать слѣды Божеской и безконечной мудрости, свѣтомъ управляющей? Почто же умъ вашъ охуждаетъ то, чего малѣйшей части проникнуть не можетъ? Почто негодовать, что не

все въ мірѣ соотвѣтствуетъ вашему образу умствованій и желаній? Вы сомнѣваетесь о Промыслѣ? Убо жизнь ваша подобна обуреваемому кораблю, которой никогда не достигнетъ тихаго пристанища. Нещастіе ваше есть праведная месть; и пекущійся о вашей судьбѣ отвратитъ лице свое отъ васъ. И такъ изгоните сомнѣнія, которыя опечаляютъ вашу душу, а разумъ наполняютъ смущеніемъ. Есть Существо, которое премудро управляетъ міромъ; слѣдственно ваши желанія не умѣстны. Благополучія вашего не приписуйте вашимъ заслугамъ; зане плоть изсыхаетъ, яко сѣно, и всякая пышность земная уподобляется цвѣту сельному. Вь нещастіи же утѣшайтесь тѣмъ, что печаль ваша когда нибудь должна кончиться. Все премѣняется, и напослѣдокъ мы сами сокрываемся подъ нагробной камень, которой есть послѣдняя участь Государей и подданныхъ. Смерть тасуетъ карты, и изводитъ вмѣстѣ королей и валетовъ.

§ 24.

Богъ одарилъ нась умомъ, которой можетъ намъ служить во всѣхъ горестныхъ случаяхъ жизни. Его долгъ вникать въ разпорядокъ всѣхъ вещей, побуждать насъ къ терпѣнію,

и сообщать намъ начала спокойствія. При видѣ животныхъ, мы всякую минуту должны краснѣть отъ стыда. Однажды я сѣлъ подлѣ окна, чтобъ принять въ себя свѣжаго воздуха. Лишь только я открылъ глаза, какъ увидѣлъ паука. Онъ набиралъ основу, и составлялъ изящнѣйшее полотно, которое открывало высочайшую мудрость. Еще не довершивши своей работы уже хотѣлъ онъ возпользоваться плодомъ своихъ трудовъ. Онъ сѣлъ въ средоточіи своего дворца, ждяй ловитвы; и хотя голодъ жестоко мучилъ его, однако онъ не преставалъ быть миренъ и спокоенъ. Часъ бьетъ, и другіе преемственно наступаютъ; солнце находилось уже среди своего бѣгу, и отъ лучей, кои оно бросало на ухищренный его лабиринтъ, всѣ нити пробнаго его мастерства здѣлались такъ очезрительны, что добыча или устранялась тенеты, или улетала изъ оной. Полику дѣла отзывали меня въ другое мѣсто, то принужденъ я былъ прервать мои наблюденія; возвратясь съ опрометчивостію, бросился смотрѣть паука; онъ еще ничего не изловилъ. Ночь наступала, и я шелъ покоиться, какъ вдругъ пришло мнѣ на мысль еще разъ посѣтить сего насѣкомаго;

но нашелъ его въ томъ же положенїи; и весьма спокойнымъ, хотя вь продолженїе цѣлаго дня ни одной не получилъ добычи. Жалѣлъ я о немъ, и говорилъ самъ въ себѣ: бѣдная тварь, колико ты страждешь! на другой день разставленныя имъ сѣти были наполнены мертвыми тѣлами. Въ чемъ природа ему отказала въ предъидущїй день, то съ избыткомъ отдала въ послѣдующїй. Сїе презрѣнное животное, размышлялъ я въ себѣ, дѣлаетъ стыдъ многимъ тысячамъ человѣкъ. Сколько такихъ, кои непрестанно досаждаютъ небу своими прозьбами, и не знаютъ, какъ ожидать потребной имъ помощи! Они ропщутъ и жалуются, они порицаютъ правленїе свѣта, предаясь малодушїю, и безъ всякаго вниманїя къ путямъ вѣчной премудрости. . . .О человѣкъ! потерпи не много; время всѣ вещи измѣняетъ. Помысли, что Всевышняго промыслъ бдитъ надъ приключенїями твоея жизни, и безъ его воли ни что не бываетъ. Знаю, что я есмь человѣкъ; ибо мыслю; есмь малой мїръ, составленный изъ тѣла и души разумной; слѣдовательно я благороднѣе, нежели тысячи другихъ тварей меня окружающихъ. Но промыслъ Божїй удивительно

сколь делеко простирается! Тамъ въ саду у меня растетъ цвѣтъ, котораго сей Промыслъ проясняетъ; здѣсь по воздуху летаетъ птица, и поетъ; всемогущество питаетъ ее ; она пѣнїемъ величаетъ Создателя. Индѣ, подъ травою ползетъ червь съ своими дѣтьми; мїроправитель во время свое даетъ имъ пищу . Въ такой то овчарнѣ родился юный агнецъ; небо насыщаетъ его, и покрываетъ мягкою волною; онъ прыгаетъ, когда въ первой разъ увидитъ поле; онъ веселится о Бозѣ , столь премудро устроившемъ вселенную. Въ ту даже минуту, когда сїе пишу, прилетаетъ муха, и садится предъ моими глазами: разсматриваю сїю малую тварь, которую человѣкъ не удостоиваетъ своего вниманїя , и отъ наблюденїя ощущаю въ себѣ особливое нѣкое удовольствїе. Сїе бѣдное животное усматриваетъ кусокъ сахару на моемъ столѣ, и вдругъ оживляется сладостїю : обоняетъ сладость природы, насыщается , и съ жужжанїемъ улетаетъ въ поле, какъ бы для принесенїя благодарности Творцу своему.... Естьлибъ равнодушно смотрѣлъ я на таковыя явленїя; то конечно бы не зналъ, что живу я для славы Превѣчнаго. Сколько мыслей представ-

ляется моему уму, которыя утѣшають и упокоивають въ злополучіи. Говорю я самъ въ себѣ: коликая разность между всѣми сими существами, и между мною! Со всѣмъ тѣмъ, правящій землею, и о сихъ тваряхъ печется: то возможно ли, чтобь провидѣніе его не простиралось до человѣка, которой одаренъ разумною душею? Положимъ, что бывають такіе прискорбные случаи, кои, кажется, не легко переносить: но есть и утѣшенія источникъ. Не скоро паду я подь бременемъ моего несчастія. Разумъ мнѣ служить полярною звѣздою, при свѣтѣ коей не льзя совратиться съ пути; разумъ научаеть, что существуеть Богъ, и о мірѣ печется. И что еще показуеть мнѣ разумъ? то, что премудрое Существо печется и о моей судьбѣ.

§ 25.

Усмотрѣвъ творца и раздѣлителя участей толикую милость къ себѣ, уже не буду больше охуждать чертежи, по которому Богъ править вселенною; не буду безпокоить себя пустыми и тщетными намѣреніями. Отнюдъ не возропщу, когда желанія мои останутся безъ удовлетворенія; ибо они ускорили бы мое бѣдствіе.

Предаюся волѣ того, его же благость безначальна и безпредѣльна. Хочу вѣчно жить подъ надзоромъ недрѣмлющаго ока, и выну отверстаго на меня. Какое благополучіе, когда самъ Богъ есть заступникъ мой, и хранитель и промыслитель! При всѣхъ непріятностяхъ, почто впадать въ уныніе, когда онѣ произходятъ отъ руки столь благаго Существа? Отецъ дѣтямъ своимъ не можетъ желать бѣдствія: равно и Промыслъ не можетъ здѣлать меня нещастнымъ. Подчиненный не признаетъ ли себя благополучнымъ, когда правитъ имъ мудрый и сильный властелинъ? Благополучія моего не увеличиваетъ ли то, что самъ Богъ мнѣ покровительствуетъ? Оставимъ невѣдящимъ Бога жаловаться на судьбу; я признаю его бытіе; и отъ всего, что служитъ къ поддержанію моея жизни, душа моя ощущаетъ живѣйшую радость; душа моя вкушаетъ неизъяснимое удовольствіе, потому что предана своему Творцу. Сердце мое спокойно, поелику вѣрю, что со мною Всевышній, безъ воли коего ни власа главы не могутъ у меня восхитить. Одинъ я кажется въ моемъ покоѣ; но предо мною Богъ: уединяюсь въ мрачные лѣса; но Божіе присутствіе покры-

ваетъ меня своимъ осѣненіемъ. Говорю ли, мыслю ли, молчу ли, стою или хожу; во всѣхъ положеніяхъ мнѣ присущь правитель моея судьбы. За предметъ всѣхъ мыслей, словъ, удовольствія и утѣшенія беру себѣ одного моего создателя. Вкушаю ли радость? Благодарю его за то: плачу? Слезы мои суть изочтены: воздыхаю во внутренности моея души? Воздыханія суть жертвы, коихъ Богъ не уничижитъ. Нищетствую? Но обрѣтохъ благодать у Бога. Имѣю безчисленныхъ враговъ? Но другомъ нарицаетъ меня самъ Превѣчный. Ищутъ моей пагубы? Но Промыслъ побораетъ по мнѣ. Болѣнъ я? Но врачь у меня есть Всесильный. Не почтенъ я, и не уваженъ въ свѣтѣ? Но отцемъ себѣ имѣю Верховное Существо. Всѣ покровители оставляютъ меня? Но не оставитъ Превѣчный. Всѣ стихіи вооружаются противъ меня; но Творецъ ихъ есть Богъ. Смерть приходитъ восхитить меня? она преселитъ въ кровы Всемогущаго. Нещастие по крайней мѣрѣ отъемлетъ жизнь у меня; очень хорошо: но все упованіе мое въ Богѣ, которой располагаетъ моею участью по правиламъ безконечной своей мудрости.

§ 26.

Не остается больше какъ преодолѣть еще нѣкія трудности. Главная причина, для которой человѣкъ въ своемъ злополучіи ощущаетъ такъ мало утѣшенія, есть оскорбительное сомнѣніе о промыслѣ Божіемъ. Первое возраженіе основано на томъ, что попеченіе Божіе о мірѣ часъ отъ часу стѣсняется въ своихъ предѣлахъ, то есть, что мы повсемѣстно слышимъ жалобы на нещастіе временъ. Воображаютъ себѣ, что наши предки видѣли больше знаковъ сего промышленія. Но кто можетъ сказать, чтобъ премудрый міра Правитель былъ къ нашимъ отцамъ милостивѣе, нежели къ намъ самимъ? Кто можетъ сказать, чтобъ провидѣніе Божіе ослабло въ наши дни, а въ минувшихъ вѣкахъ было дѣйствительнѣе? Любовь его къ роду человѣческому пребываетъ неизмѣнна, и міроправленіе толикожъ чудесно нынѣ, какъ и въ предъидущіе годы. Поля производятъ такіяжъ растѣнія, луга такіежъ цвѣты, дерева, тѣже плоды. Воздухъ избыточествуетъ птицами, лѣса звѣрьми, моря рыбами: овцы одѣяны такою же волною; шелковичныя черви пускаютъ изъ себя шотъ же

шелкъ. Ежегодно открываютъ рудники золата и серебра, и груды денегъ возрастаютъ ежедневно. Чеканятъ ихъ въ столь многихъ земляхъ, что не удивительно, если возвышается цѣна товаровъ: ибо сребро часъ отъ часу умножается. Сколько лѣтъ одинъ рубль переходитъ изъ рукъ въ руки прежде, нежели возвратится въ плавительный горнъ, чтобъ изъ него здѣлать другое употребленіе? Но ненасытны желанія людей. Захотятъ ли сравнивать блага съ количествомъ сребра; естественно слѣдуетъ предкамъ нашимъ быть беднѣе насъ, цѣнятъ ли блага по изобилію вещей; мы не такъ богаты, какъ они; потому что отнятое у одного переходитъ къ другому двойною мѣрою. И такъ причиною нашихъ смущеній не Богъ, а мы сами, въ своемъ безуміи мучащіе себя. Роскошь, пышность, гордость, сластолюбіе, расточительность здѣлали толико приращенія въ семъ вѣкѣ, что мы больше предковъ подвержены нуждамъ. Отцы наши питались гроздіемъ дикаго винограда, а дѣти ихъ чрезъ то получили оскомину. . . . Теперь признаютъ себя убогими, когда не могутъ покрыть своей одежды позу-

ментами или битью золотою; или покрайнѣй мѣрѣ когда не могутъ оной часто перемѣнять. Считаютъ себя бѣдными, ропщутъ, жалуются на свою участь, коль скоро не достаетъ имъ средствъ отягчать желудокъ нѣжною пищею, и ласкать гортани крѣпкими напитками, кои разумъ притупляютъ, а тѣло лишаютъ способности къ труду. Жалуются, негодуютъ, что въ домѣ у себя не видятъ множества слугъ, тунеядцовъ, кои вашъ хлѣбъ ѣдятъ, и всякому здравомыслящему человѣку въ тягость бываютъ. Не только мы, даже слуги и лошади наши должны блистать внѣшностїю, и носить знамя нашея гордости и расточительности. Предкамъ нашимъ не былъ извѣстенъ сей разорительный обычай; слѣдственно не правильны жалобы на истощенїе природы. Лучше скажу, что Богъ гораздо къ намъ щедродательнѣе, нежели какъ онъ былъ въ отношенїи къ нашимъ отцамъ; и еслибы мы были благороднѣе, то легко бы усмотрѣть, что отъ него получили безконечно болѣе, нежели предшественники, земныхъ и тѣлесныхъ благъ. . . . Безразсудные! престаньте охуждать мудрое Творца прозрѣнїе о мїрѣ, и

научитесь цѣнить милости, коими оно каждой день насъ надѣляетъ.

§ 27.

Человѣкъ есть очень малое существо, если начать сравнивать его съ цѣлою поверхностїю земнаго шара. Коль скоро обратится въ землю, изъ нея же взятъ бысть: то вся величина тѣла его сравнится съ горстїю праха. Дѣйствительно не многаго требуется къ насыщенїю его. Въ свѣтѣ есть твари гораздо сильнѣе и больше его. Носорогъ и Слонъ несравненно больше, нежели человѣкъ употребляютъ для поддержанїя ихъ жизни; со всѣмъ тѣмъ ни одно изъ сихъ безсловесныхъ животныхъ не истаеваетъ отъ гладу. А люди непрестанно жалуются на голодъ, жажду и алѣянїе! Отъ чего сїе происходитъ? Богъ ужели къ симъ тварямъ благосклоннѣе, нежели къ мыслящимъ существамъ? Нѣтъ, не онъ виною нуждъ; а сладострастїе, пышность и распутство людей. Есть множество такихъ, кои живутъ только для одного стола, и сей опасной сласти предаются дотолѣ, доколѣ не расточатъ всего имущества, и впадутъ въ нищету. Природа наша очень малымъ довольствуется, но безумецъ въ

одинъ разъ пожираетъ столько, сколько довлѣло бы употребить въ продолженіе трехъ, или еще болѣе, дней. Таковаго поступка мы не замѣчаемъ въ животныхъ: они по насыщеніи отходятъ, и уже ни чему не прикасаются. Но человѣческая утонченность употребляетъ всѣ извороты для прельщенія нашихъ склонностей, и чтобъ снова заохотить вкусъ. Не бываютъ, въ противность предкамъ, довольны однимъ родомъ яствъ: надобно, чтобъ разточительность льстила нашему зрѣнію. Какая разновидность снѣдей на столѣ богатыхъ и великихъ людей! многихъ сотенъ рублей стоитъ одинъ столъ, отъ котораго половина повреждается, или ее пожираютъ собаки. Человѣкъ, на подобіе крота, роется въ пропастяхъ земныхъ. Нѣтъ растѣнія, нѣтъ корня, нѣтъ плода, ниже ягоды или гриба, чтобы его избѣжало. Онъ преплываетъ моря и рѣки; онъ проходитъ мрачнѣйшіе лѣса; взлѣзаетъ на вершину высочайшихъ горъ, чтобъ открыть новыхъ тварей, и принесть ихъ въ жертву разточительности и нѣгѣ. Зовутъ ли кого на пиръ; то вѣчно заняты бываютъ сокращеніемъ его жизни. Пресыщаются неизчислимыми видами

яствъ; подносятъ то за языкъ пріятно щиплющій кусокъ, то сладкой, то горькой. Въ желудкѣ у себя дѣлаютъ такую смѣсь, отъ которой раждаются всѣ роды безпорядочныхъ броженій, порчу въ крови производящихъ. Одинъ пирогъ часто начиненъ бываетъ безчисленными неудобоваримыми приправами, наипаче когда въ составъ онаго входитъ сахаръ, миндаль, кора лимонная, пряныя коренья, дичина, грубыя мяса, масло, вино, мука и проч: и проч. Противъ воли должны бываемъ ѣсть, и пить, такъ что заутра неизбѣжно чувствуемъ болъ въ головѣ и желудкѣ, разслабленіе, и другіе очень многіе припадки. Многіе за честь вмѣняютъ, безмѣрнымъ своимъ позывомъ на пищу восторжествовать надъ всѣми сопиршественниками; обжора кичится больше ироя одержавшаго множество побѣдъ. Оттуда произходятъ безчисленные роды болѣзней, коимъ не подлежатъ животные; ибо сіи большею частію привыкаютъ къ одному роду пищи. Сколько различныхъ лихорадокъ раждается отъ сихъ не простительныхъ излишествъ! Такъ; одна малая часть тѣла часто бываетъ одержима почти безчисла болѣзнями и припадками. Такимъ обра-

зомъ не основательны жалобы на міроправленіе, когда человѣкъ самъ виновникомъ своего нещастія; и никто бы не умиралъ съ голоду, еслибъ пышность и объяденіе были изгнаны изъ общежительствъ. Прося насущнаго хлѣба мы разумѣемъ не то, что нужно для поддержанія жизни, въ чемъ природа ни одному изъ земныхъ существъ не отказываетъ, когда трудятся; но что льститъ нашему сладострастію и нашему распутству. И потому не удивительно, что праотцы наши столь долголѣтны были; они довольствовались не многимъ, и питались простою и умѣренною яствою. Чѣмъ больше изобрѣли способовъ усиливающихъ чувственность, тѣмъ примѣтнѣе сократили жизнь человѣческую.

§ 28.

Другое возраженіе, противъ міроправленія чинимое, и навлекающее нѣсколько сомнѣнія относительно къ Божіей премудрости, есть неравный раздѣлъ даровъ щастія. Сіе неравенство служитъ намъ предлогомъ быть не довольными, что Богъ почести, богатство, уваженіе предназначилъ людямъ въ различныхъ степеняхъ. Одинъ одѣянъ багряницею, другой

рубищемъ. Сей живетъ въ великолѣпномъ домѣ, тотъ въ презрѣнной хижинѣ. Одинъ обладаетъ несмѣтными сокровищами, другой безъ ничего. Тотъ ликовствуетъ, и утучняетъ свое тѣло; сей труждается какъ невольникъ, и не зритъ конца своимъ надсадамъ. Одинъ стоитъ на чрезвычайной высотѣ честей, другой лежитъ во прахѣ, и угнѣтенъ презрѣнiемъ. Не лучше ли, какъ говорятъ многiе, когда бы всѣ люди равно были надѣлены? Естественно судя всѣ мы человѣки: всякъ изъ насъ есть гражданинъ и обитатель мiра сего: со стороны нашего существа, всѣ имѣемъ одни и тѣже преимущества. Для чего одинъ все въ избыткѣ имѣетъ, а другому и нужнаго не достаетъ?...Сомнѣнiе безъ основанiя; ибо если когда, то въ семъ наипаче случаѣ удивляюсь я очезрительнѣйшимъ слѣдамъ Божеской премудрости. Пусть умственно представятъ себѣ мiръ, въ которомъ дары щастiя были бы раздѣлены на равныя части; такъ чтобъ одни Вельможи, Князья въ немъ находились, и всякъ бы оставался въ независимости: во всѣхъ концахъ таковаго мiра ни одинъ бы не нашелся, которой пожелалъ бы служить другому, ниже помочь ему

въ крайнѣй нуждѣ. Ибо при однихъ и тѣхъ же преимуществахъ, никтобы не захотѣлъ быть полезенъ другому. Чтобы оттуда воспослѣдовало? Нещастіе горшее самаго рабства: корабль земнаго благополучія опустился бы на дно, и люди весьма бы мало, или вовсе не наслаждались спокойствомъ, удовольствіемъ и выгодами....Надлежало бы каждому самимъ собою угобжать нивы, воздѣлывать землю, кормить скотину, словомъ: принимать на себя всѣ тяжкія и черныя работы. Слабосильный и немощной погибъ бы отъ скудости; ибо самъ трудиться былъ бы не въ состояніи, и никтобы не простеръ руки помощи... Сколь премудро все во вселенной устроено! житель лѣсовъ съ радостію подъемлетъ и опускаетъ свою сѣкиру; а богачь свои сокровища употребляетъ на снисканіе прохлады и покоя. Каждой человѣкъ, въ своемъ кругѣ, труждается ревностно, ожидая возмездія своихъ стараній. Кто же не созерцаетъ блистающихъ лучей высочайшей мудрости, которая міръ населила великими и малыми, богатыми и убогими, Государями и подданными?

§ 29.

Есть еще много началъ утверждающихъ сїю истинну. Самое неравенство бѣдныхъ и богатыхъ тѣмъ тѣснѣе связуетъ гражданъ земли. Одинъ не можетъ жить безъ другаго; всѣ сближены взаимными нуждами. Оттуда возникаютъ цвѣтущїя Республики и великїя Государства; благосостоянїе жителей прозябаетъ, и пускаетъ не изчислимыя плодовитыя отрасли. Цѣлый мїръ уподобляется такой цѣпи, которой кольца зависятъ одно отъ другаго, и нераздѣлимо соединены между собою. Склонность къ богатству даетъ жизнь торговлѣ: отдаленнѣйшихъ странъ народы научились взаимно познавать себя. Одинъ другому доставляетъ плоды своея земли; и люди тѣмъ ревностнѣе трудятся. Лѣнивый становится безполезнымъ бременемъ, и подобенъ бываетъ журчалу, которое потомъ трудолюбивой пчелы питается. Въ заключенїе всего, предъидущее возраженїе есть ничто иное, какъ игра мыслей. . . . Равное раздѣленїе даровъ щастїя не возможно въ дѣйствительномъ мїрѣ: ибо завсегда найдутся разточители своего имущества, а за расточи-

тельностію не посредственно слѣдуетъ скудость. Одинъ можетъ имѣть больше нуждъ нежели другой; и при искуствѣ легко восхитить часть чуждаго достоянія; слѣдственно онъ здѣлается сильнѣе. Какой убо нечестивецъ дерзнетъ охуждать мудрое распредѣленіе судьбою смертныхъ?

§ 30.

Третіе возраженіе противъ сего утѣшительнаго начала взято изъ обстояній жизни, кои повидимому противорѣчатъ свойствамъ Божества. Вопросятъ: какъ можно, чтобъ мудрое существо правило вселенною, когда часто встрѣчаются случаи очезрительно противные правосудію, благости, мудрости, святости и прочимъ совершенствамъ Божіимъ? Не рѣдко процвѣтаютъ величайшіе злодѣи, а добродѣтельнѣйшіе особы претерпѣваютъ жестокую участь. Міръ отнюдь не есть зерцало совершенствъ Божіихъ; напротивъ того онъ есть недообразованное зрѣлище, на которомъ произходятъ тысячи неустроеній. Все сбывается по неизбѣжному слѣдствію добра и зла. Еслибъ Богъ существовалъ, то попустилъ ли бы толь страшныя произшествія? Оставимъ опыту говорить....Такъ мыслятъ и говорятъ всѣ тѣ, надъ коими из-

дѣваясь, обыкновенно называютъ ихъ крѣпкими умами.

§ 31.

Возраженіе сіе, которое почти всѣмъ общее, и паче всѣхъ препятствуетъ видѣть совершенства Божіи, которое даже когда бы было основательно, отъяло бы у насъ всю надежду утѣшенія, скоро будетъ испровергнуто слѣдующими началами. Вопервыхъ отвѣтствую: отъ созданія человѣка и до днесь существуетъ непрерывный обычай, развращеннѣйшихъ часто принимать за самыхъ честныхъ людей, и добродѣтельнѣйшихъ за злодѣевъ. Опытъ представляетъ разительные тому примѣры. . . Во вторыхъ: никто не можетъ правильно судить объ одномъ случаѣ, не относя его къ цѣлому міру: ибо міръ есть сцѣпленіе всѣхъ измѣняющихся вещей, кои тѣсную связь имѣютъ между собою. Когда же всѣ существа сопряжены одно съ другимъ; то каждый случай и каждое событіе съ человѣкомъ неминуемо должны втекать въ самой составъ міра. Изъ не совершенства частей ничего не льзя заключить о не совершенствѣ цѣлаго. Всего смѣшнѣе умствованіе сіе: земля въ себѣ замыкаетъ множество зла; но она есть

часть вселенныя: слѣдовательно вселенная въ себѣ замыкаетъ множество зла. Это тожебы было, какъ еслибъ путешественникъ вздумалъ презрѣть Моголъ, основавшись только на семъ, что на границахъ онаго повстрѣчались съ нимъ скудныя и нестройныя хижины. Какая нелѣпость, когда бы онъ началъ такъ умствовать: вижу теперь образчикъ сего горделиваго Государства, которое мнѣ толико выхваляли: изъ онаго могу достовѣрно заключить, что воображенїе мое обмануто. Толикожъ безразсудны наши заключенїя о градѣ и царствѣ Существа Верховнаго. Изъ всѣхъ шаровъ сїяющихъ въ воздушныхъ пространствахъ, земля, можетъ быть, принадлежитъ къ числу самыхъ посредственныхъ, какъ въ разсужденїи ея величины, такъ и качествъ. Или, чтобъ воспользоваться мнѣ другимъ сравненїемъ, такой умствователь уподоблялся бы муравїю, которой изшедъ изъ своего малаго мїра, остановился на песчаномъ холмѣ; и изъ пространства, какое могутъ объять его глаза, захотѣлъ бы вообразительно рѣшить о величинѣ всего земнаго шара. Равно безразсудно, и еще гораздо безумнѣе бы было, когда бы червь человѣкомъ имянуемый, о

не измѣряемой громадѣ свѣта началъ судить, примѣняясь къ мѣсту своего жилища; или совѣтуясь только съ одними чувствами. . . .Третіе: иное добро часто можетъ намъ казаться въ видѣ зла: также что для меня есть истинное зло, то для другаго истинное благо; и обратно. Умъ нашъ крайне ограниченъ, и мы не въ состояніи даже разпознавать вещей: вотъ отъ чего на многія произшествія взираемъ изумленными очами. О семъ предмѣтѣ изъясню́сь пространнѣе. Четвертое: предположивъ, что нѣкоторыя вещи суть дѣйствительное зло, можемъ ли мы судить о нихъ? Мы вѣчно не познаемъ видовъ промысла, ниже началъ, почему сіе, а не другое что сбывается. Проницательность наша весьма поверхностна: только слегка касаемся предмѣтамъ нашихъ разсужденій. Обстоянія жизни въ тѣснѣйшей находятся связи даже отъ начала вѣковъ. Земля очень не много содержитъ въ себѣ, въ отношеніи къ цѣлому міру; но изъ сего малаго круга существъ, едвали не половина сокрыта отъ нашихъ чувствъ. Кто безъ удивленія можетъ взирать на заплѣсневеніе хлѣба? Тамъ зрится поле покрытое растѣніями, которое

цвѣтетъ, отцвѣтаетъ, созрѣваетъ по правиламъ, и величайшій хранитъ порядокъ временъ. Вѣроятно, что существуютъ милліоны тварей, коихъ люди не могутъ различать. Пыль на крылахъ мотылька не представляетъ ли нашему зрѣнію чистѣйшихъ и прекрасныхъ перьевъ? Каждое тѣло, свой образъ живописующее въ нашихъ глазахъ, должно имѣть опредѣленную длину и широту; иначе мы бы онаго не видѣли. Но Богъ толикожъ великолѣпенъ въ большихъ вещахъ, колико самъ онъ великъ, и особливо въ мѣлочныхъ вещахъ. Тоже съ нами случается въ естественномъ, какъ и нравственномъ мірѣ. Видимъ только сущее предъ нашими очами, и еще ту минуту, въ которой живемъ. Когда бы могли мы сличать и дѣйствительно сличали настоящее съ прошедшимъ или будущимъ: то возъимѣли бы такъ же явственнѣйшіе признаки Божеской премудрости. Но здѣсь меркнетъ свѣтъ разума. Еслибъ человѣкъ завсегда былъ свѣдущъ о намѣреніяхъ Бога, и началахъ событій: то я увѣренъ, что при видѣ мудраго распредѣленія нашими участьми, онъ только бы удивлялся, и никогда бы не порицалъ промысла въ неспра-

ведливости. Хочу пояснить сїю истинну иносказательнымъ повѣствованїемъ, каковое читалъ я въ древней книгѣ: нравоученїе онаго да возбудитъ умъ моихъ читателей, коихъ я, можетъ быть, уже слишкомъ усыпилъ.

§ 32.

Два любомудра, для наблюденїя нравовъ и обычаевъ разныхъ странъ сѣли на корабль; но по нещастїю буйными вѣтрами брошены были на утесистую скалу, гдѣ нашли изходъ примыкающїйся къ острову, дикими Неграми населяемому. Страшась насильственной смерти, ушли въ лѣсъ, и скрылись въ прїосѣненной чащѣ. Одинъ изъ сихъ любомудровъ вдали усмотрѣлъ младое дитя сихъ островитянъ, довольно стройное, которое лежало въ рощѣ, и покойно спало подъ древомъ. Не много спустя, близъ сего младаго Негра пробиралась толпа охотниковъ, въ числѣ коихъ одинъ казался достопримѣчательнѣе прочихъ, и которой при видѣ сего дѣтища приближается къ нему, натагаетъ свой лукъ, и пускаетъ стрѣлу въ сердце сего бѣдняка, откуда кровь тотчасъ полилась струями. Наши путешественники трепетали, думая, что это были разбойники, и что сами, можетъ быть, подвер-

гнутся такойже участи: но Негры сіи на оленяхъ своихъ поскакали, и далеко ушли во внутренность лѣсовъ. Нужда часто сихъ двухъ любомудровъ вызывала на брегъ моря: однажды посчастливилось имъ увидѣть Голландское судно, въ Китай плывущее. Сей корабль спасъ ихъ отъ бѣдствія, и вмѣстѣ съ другими чужестранцами тутъ находившимися, отвезъ въ предуставленное мѣсто. Они прибыли въ Пекинъ, столицу онаго Государства. Тамъ размышляя о приключеніи на островѣ произшедшемъ, которому были самовидцы, не могли понять, для чего бы попустилъ Богъ дикому варвару такъ не щадно умертвить невинное дитя, которое никакого зла ему не причинило. Уже начинали сомнѣваться о промыслѣ и правосудіи Божескомъ... Въ таковыхъ мысляхъ, вошли они въ церковь для благодаренія Богу за избѣжаніе належавшей имъ опасности. Тамъ вѣропроповѣдникъ говорилъ слово съ жаромъ достойнымъ послѣдователя Христова: онъ увѣщевалъ своихъ слушателей бѣгать идолопоклонства, и просилъ Бога, дабы на конецъ онъ благоизволилъ явить впечатлѣтельное и достопамятное знаменіе, при видѣ коего Богохульники вэйдя въ

себя, воздержались бы отъ всѣхъ предательствъ, а особливо не дерзали бы осквернять святыню имени Божія. Жаръ слова еще увеличивался, какъ вдругъ упадаетъ молнія, и мгновенно умерщвляетъ проповѣдника. При видѣ сего нечаяннаго и печальнаго произшествія, всѣ слушатели оцѣпенѣли отъ ужаса: а особливо два любомудра. Какъ можно согласить сіе съ премудростію Бога, говорили они между собою, испуская глубочайшіе вздохи?...По истеченіи нѣкотораго времяни, они оставили Китай, опять сѣли на судно и возвратились въ Европу. Они пристали къ Италіанскому городу. Одинъ изъ нихъ остановился въ домѣ, гдѣ жилъ, по его догаткамъ, честнѣйшій старикъ. Сей праведный старецъ, коего самый видъ извѣщалъ о добродушіи, принялъ странника усердно. Спустя нѣсколько минутъ, посѣщаетъ его жена сего добраго старца, которая казалась быть еще въ цвѣтѣ возраста и силъ, и любомудру здѣлала безчисленныя учтивости....Въ вечеру, послѣ ужина, наблюдатель природы человѣческой, предался покою, и отъ утружденія спалъ столь глубокимъ сномъ, что за утра онъ пробудился уже очень поздно. Будучи отзываемъ

нѣкоторыми дѣлами, разпростился съ симъ старцемъ въ изъявленіи нѣжныхъ чувствій съ обѣихъ сторонъ. Онъ расказалъ другу своему о ласковомъ пріемѣ, и молилъ Превѣчнаго, да обильно вознаградитъ сего добраго старца за страннолюбіе....Въ вечеру тогоже дня купно съ другомъ своимъ возвратился въ домъ, дабы показать ему столь великодушнаго страннопріимца; но при входѣ въ оной, все изчезло и измѣнилось. Печальной свѣтильникъ горѣлъ на столѣ, и дряхлой старикъ висѣлъ пригвожденъ къ стѣнѣ, такъ что весьма трудно было на его лицѣ разпознать малѣйшія черты сея привѣтливости и сего добросердечія, кои при жизни такъ хорошо его отличали. Отъ ужаса они пали на колѣни, не могши представить себѣ, какъ бы согласить такія произшествія съ правосудіемъ Божіимъ. Сіи недоумѣнія на долгое время, и такъ сильно обезпокоили любомудровъ, что размышленія ихъ часъ отчасу становились тягостнѣе; они погрузились въ оныя... Напослѣдокъ чувствуя, что сіе превышало ихъ разумъ, и думая что безсмертныя и преобразованныя души въ грядущемъ вѣкѣ гораздо лучшее возъимѣютъ понятіе о свойст-

вахъ Божества и его мiроправленiи, условились, чтобъ кто изъ нихъ двухъ прежде умретъ, непремѣнно явиться другому, и истолковать глубочайшее таинство мiроправленiя . . . . Спустя нѣсколько лѣтъ одинъ изъ нихъ занемогъ, палъ подъ тяжестiю болѣзни, и умеръ. Другой тотчасъ узналъ о кончинѣ своего друга, вспомнилъ о здѣланномъ договорѣ. Не буду входитъ въ изслѣдованiе, могутъ ли невидимые духи дѣйствовать на тѣло человѣка, или силенъ ли Богъ еще нынѣ, какъ въ протекшiя времена, ради явленiя славы своея вразумлять смертныхъ чрезъестественными видѣнiями: хочу ограничить себя только тѣмъ, что повѣствуетъ бытописанiе. . . . Въ живыхъ оставшiйся любомудръ при вечерней зарѣ, сидѣлъ нѣкогда уединенъ въ своемъ покоѣ, и размышлялъ какъ о смерти своего друга, такъ и о бывшихъ обстоянiяхъ своея жизни. Снѣдаясь всякаго рода огорчительными сомнѣнiями, молилъ Превѣчнаго проливая источники слезъ, да благоволитъ избавить его отъ сего ужаснаго безпокойства, и открыть: Онъ ли самъ правитъ вселенною? Или злу опредѣлено быть въ ней неизбѣжно? Еще не кончилъ онъ сей молитвы, какъ погрузился

въ глубокое усыпленіе, которое удовлетворило его достопримѣчательнымъ сновидѣніемъ. Ему казалось, что онъ былъ пренесенъ въ мѣсто исполненное пріятностей; все тамъ прельщало, приводило въ восторгъ, и чувства симъ Божественнымъ очарованіемъ были плѣнены безконечно больше, нежели что язычники приписуютъ своимъ Елисейскимъ полямъ, и что стихотворцы воспѣваютъ въ толикомъ восхищеніи и съ толикою силою. Тамъ ему мечталось быть среди долины устланной зеленью, и видѣть своего друга, какъ смерть блѣднаго, стоявша подъ тѣнистою липою. Не мало изумился онъ, что отшедшій отъ жизни паки воспріялъ на себя образъ человѣческій. Между тѣмъ временемъ тѣнь друга приближилась, и вѣщала тако: велѣніемъ живаго Бога являюсь тебѣ, какъ и обѣщался; престань на послѣдокъ, безразсудный смертный! охуждать пути Всевышняго. Колико заблуждаютъ люди, когда хотятъ разсуждать о вещахъ безконечно превышающихъ силы ихъ разумѣнія! Дѣйствія Божества, когда еще жилъ я въ вашемъ земномъ мірѣ, и блуждалъ въ царствѣ смертныхъ; дѣйствія Божества, скажую, были для меня задачею, гдѣ

нынѣ созерцаю только лучи мудрости съ той минуты, какъ призванъ я во святый градъ, и наслаждаюсь сожительствомъ вышшихъ и лучшихъ существъ. Я хочу нынѣ открыть тебѣ сіе непостижимое таинство, и ты долженъ будешъ согласиться, что поступалъ, яко несмысленный, обвиняя Творца въ несправедливости только по тому, что не понималъ коего чего, или что глаза твои не могли проникать во святилище верховнаго существа. Колико праведенъ есть Богъ, ты узриши, когда изъясню нещастныя приключенія, коихъ мы оба очевидцами были на земли живыхъ. . . Сей ловчій на острову, толико почтеннымъ казавшійся, былъ правитель тоя страны; а невинное дитя, которое онъ немилосердо умертвилъ, и которое ты издалека почелъ за Негра, была одѣтая обезъяна, которая на семъ островѣ пожрала груднаго младенца, и скрылась въ лѣсу. Священникъ громомъ убитый, былъ лицемѣръ; онъ издавна имѣлъ намѣреніе отрещись отъ правовѣрія, и многихъ другихъ склонить на свою сторону. . . Веревка, на которой повѣшенъ старикъ, толь почтеннымъ тебѣ казавшійся, для тебя была приготовлена; ибо онъ почелъ тебя за

Голландскаго купца много денегъ при себѣ имѣющаго. Сїя молодая, дюжая женщина, вшедшая къ тебѣ въ покой, была не жена его, но переодѣтый въ женское платье злодѣй, коего старикъ нанялъ, въ ту самую ночь удавить тебя, но ничего при тебѣ не нашедши, когда ты спалъ, сей молодой человѣкъ не посягнулъ на жизнь твою, а поелику не хотѣлъ отдать ему тѣхъ денегъ, кои были цѣною твоея смерти, то между ними произшелъ столь жестокой споръ, что молодой повѣсилъ старика на той же самой веревкѣ, которая была опредѣлена тебѣ, равно какъ и другимъ пришельцамъ,, . . . Лишь только духъ престалъ вѣщать, то радость и страхъ тотчасъ возбудили любомудра. Онъ палъ на колѣни, просилъ у Бога прощенїя въ лживомъ своемъ высокоумїи, и послѣ того никогда не охуждалъ мїроправленїя; на противъ того еще старался рѣшить другихъ недоумѣнїя, начинавшїя возмущать сердце ихъ и разумъ.

Изъ сего повѣствованїя усматриваемъ, что когда уму человѣческому естественно любить справедливость, кольми паче верховное существо ничего на земли не оставитъ безъ на-

казанія. Протечемъ мысленно пространнѣйщія поля бытописанія; мы тамъ найдемъ тысячу примѣровъ Божескаго, какъ и человѣческаго, правосудія. Мы восхищаемся при чтеніи повѣсти о казни преступника, которой никакого не достоинъ сожалѣнія; душа вкушаетъ неизъяснимое удовольствіе, видя, что правота ея, оскорбленная злодѣйствомъ, удовлетворена.

Карлъ, Герцогъ бургонскій прозванный отважнымъ, обладая пространными землями, присоединенными нынѣ къ Французкой державѣ, осыпалъ милостями и дарами Клавдія Ринсолта, которой былъ Нѣмецъ, и служилъ ему въ сраженіяхъ противъ нападенія сосѣдственныхъ княжествъ. Большая часть Зеландіи была тогда покорена сему Герцогу, отмѣнно доброму и правосудному Государю. Ринсолтъ, кромѣ храбрости, никакого больше не имѣвшій дарованія, былъ довольно скрытенъ, чтобъ недостатка своего не дать примѣтить благодѣтелю, которой думалъ о немъ, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ, и чуждомъ всякаго пристрастія. Герцогъ предубѣжденный въ его пользу, ввѣрилъ ему правленіе столицею Зеландіи. Ринсолтъ лишь только принялъ

на себя сію должность, то и устремилъ взоръ свой на прекрасную Сапфиру, жену одного изъ богатыхъ въ городѣ купцовъ, Павелъ Данвелтъ именуемаго. Сверхъ сильной страсти къ женщинамъ еще не недоставало ему и умѣнія вкрадываться въ ихъ душу. Онъ понималъ удовольствіе обладать сердцемъ красоты; но вовсе не разумѣлъ благопристойности, скромности и пріятства, неразлучныхъ съ любовію въ добрыхъ душахъ. Со всѣмъ тѣмъ, довольно находилось разумѣющихъ такой языкъ, которой обыкновенно движетъ слабѣйшими изъ прекраснаго пола; и онъ умѣлъ устами выражать страсть, коей не ощущалъ въ своемъ сердцѣ. Онъ былъ изъ числа сихъ изверговъ, которыя могутъ находить удовольствіе въ обольщеніи и опороченіи самыя невинности, безъ малѣйшаго сожалѣнія, или любви къ предмѣту своихъ утѣхъ. Неблагодарность есть порокъ неотлучный отъ похотливаго человѣка: за пресыщеніемъ, когда въ женщинѣ ищутъ одного только удовлетворенія страсти, всегда слѣдуетъ омерзѣніе и отвращеніе. Ринсолтъ все въ дѣйство произвелъ, дабы вкрасться въ жену Данвелтову;

но зная его уморасположенїе и виды, она ничего не забыла, что служило къ избѣжанїю поставленной для нея сѣти. Удостовѣрясь въ невозможности успѣть когда либо обыкновенными путями, мужа ея засадилъ въ тюрьму, подъ предлогомъ, что яко бы велъ онъ переписку съ Государственными врагами, и обязался измѣннически здать имъ городъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ его чаянїю: за день предъ казнїю, определенный мнимому преступнику, жена нещастнаго Данвелта появляется въ залѣ Губернатора, гдѣ повергшись къ его ногамъ, объемлетъ колѣна, и проситъ пощады. Ринсолтъ, чтобъ скрыть удовольствїе, которое ощущалъ, смотря на нее, принялъ на себя видъ строгїй, и съ притворною важностїю приказалъ ей встать, и слѣдовать за собою въ кабинетъ, напередъ допросивъ ее, знаетъ ли она почеркъ письма, которое вынулъ изъ своего кармана, и громко сказавши: если вы хотите услужить своему мужу, то должны безъ малѣйшаго укрывательства извѣстить меня о всемъ, что знаете относительно сего заговора, и разказать имена его соумышленниковъ; ибо всѣ увѣрены, что онъ любитъ васъ больше, нежели чтобъ

скрывать отъ васъ какую тайну. Потребовавъ къ себѣ Сапфиру для выслушанія, принялъ на себя видъ кроткій и привѣтливый, самъ здѣлался просителемъ, и издѣвался надъ ея грустью, отъ которой такъ легко могла она избавиться. Проникнувъ злой его умыслъ, старалась отвратить его отъ онаго сильными убѣжденіями, и залившись слезами заклинала уважить невинность ея мужа. Разпутство равно какъ и честолюбіе, господствуетъ надъ всѣми тѣлесными и душевными способностями, и разполагаетъ ими на гласъ своихъ прихотѣй. Плачь жены, горесть сердечная, сила рѣчи сообщали ей различныя тѣлоположенія, кои возвышали черты ея красоты, и паче и паче воспламеняли законопреступное желаніе въ Губернаторѣ. Едина страсть сія въ немъ подавила всякое чувство человѣчества; такимъ образомъ не обинуясь ей сказалъ, что доколѣ ею не будетъ обладать, почитаетъ себя великимъ нещасливцемъ; что неиначе, какъ сею цѣною можетъ она искупить жизнь своего мужа, и что приговоръ жизни, или смерти единственно отъ нея зависитъ. Послѣ столь жестокаго объявленія когда усмотрѣлъ ее довольно

тронутою и въ положенiи способномъ внушить простому народу, что разговоръ ихъ былъ совсѣмъ о другомъ предметѣ, онъ потребовалъ къ себѣ слугъ, дабы проводить ее за ворота. Отягченная скорбiю, пошла прямо въ темницу, гдѣ мужу своему открыла все съ нею случившееся, и несносную борьбу нѣжности съ вѣрностiю къ нему. Супругъ стыдясь признаться въ томъ, что въ него вдыхала боязнь при наступленiи смерти, проговорилъ нѣсколько словъ, изъ коихъ легко было уразумѣть, что принужденное дѣйствiе онъ отнюдъ не вмѣнитъ ей въ безчестiе. Услышавъ скрытное позволенiе спасать его жизнь, которою не имѣлъ мужества пожертвовать своей чести, простилась съ нимъ.

На другой день, поутру, нещастная Сапфира явилась къ Губернатору, и предалась его волѣ. Ринсолтъ хвалилъ ея прелести, ласкался впредь имѣть свободное съ нею сообщенiе, и съ видомъ восторговъ любовныхъ исполненнымъ сказалъ ей, чтобъ она пошла извести мужа своего изъ тюрьмы: но, присоединилъ, моя любезная красавица не должна огорчаться, естьли я принялъ мѣры, дабы впредь безпрепятственны были

наши свиданія. Сіи послѣднія слова предвѣщали ей жалостную участь мужа, котораго по приходѣ своемъ въ тюрьму, уже нашла казненнымъ по насланному отъ Губернатора приказанію.

Сапфира во слезахъ и стенаніи провождавшая все время сего тяжкаго искушенія, не испустила ни жалобы, ни вздоха при видѣ столь лютаго зрѣлища. Возвратившись въ домъ свой, и на помощъ призвавъ того, кто рано или поздо, но всегда отмщеваетъ угнѣтенную невинность, рѣшилась искать случая, дабы тайно могла объясниться Герцогу. Красота лица, и важность вида, каковую сообщаетъ горесть небрегущая о приказныхъ обрядахъ, доставили ей свободной до него доступъ. Представши предъ него, изъяснилась такимъ образомъ: „Великій Государь! Се зришъ предъ собою ту нещастную, которой жизнь стала скучна, хотя доселѣ жила она въ невинности, и точномъ выполненіи своихъ обязанностей. Ты не можешъ отвратить ея бѣдствій; но силенъ отмстить за нихъ. Естьли покровительство нещастныхъ и наказаніе виновныхъ могутъ занимать великаго Государя, то Герцогу Бургонскому предлагаю

удобнѣйшій случай и поддержать честь свою, и мнѣ нанесенное поруганіе загладить.

Еще не окончивши сея рѣчи, вручила Герцогу записку, съ изложеніемъ печальнаго съ нею приключенія. Онъ читалъ ее со всѣми движеніями, каковыя негодованіе и жалость могутъ возбудить въ Государѣ ревнительномъ о своей чести, и любящемъ благополучіе своихъ подданныхъ.

И такъ Ринсолтъ былъ истребованъ ко двору, и сведенъ на очную ставку съ Сапфирою въ присудствіи нѣсколькихъ Членовъ совѣта, и самаго Государя, которой вопросилъ его, извѣстна ли ему сія особа? Ринсолтъ послѣ таковаго пораженія пришедъ въ себя, отвѣчалъ Герцогу, что можетъ жениться на ней, естьли его Высочеству только угодно будетъ сей поступокъ признать достаточнымъ къ тому, дабы изгладить преступленіе. Герцогъ казался быть тѣмъ доволенъ, и тотчасъ повелѣлъ бракъ въ дѣйство произвесть. Потомъ сказалъ Губернатору: ты склонился на сіе, изъ повиновенія моей власти; и я никогда не повѣрю, чтобъ въ согласіи участвовала любовь; покрайней мѣрѣ дотолѣ буду такъ думать, доколѣ не отдашь ей всего твоего

имѣнія, дабы по смерти могла она имъ наслаждаться. По заключеніи двухъ сихъ договоровъ, Герцогъ, бывшій тому самовидцомъ, обратился къ Сапфирѣ, и сказалъ: Теперь не остается мнѣ больше, какъ ввести васъ во владѣніе имуществомъ, которымъ надѣлила васъ любовь вашего мужа; и за симъ отдалъ приказъ немедленно казнить Ринсолта.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Всѣ произшествія суть самыя лучшія, какъ во всеобщей связи міра, такъ и въ отношеніи къ каждому изъ насъ.

§ 33.

Не льзя не признаться, что многимъ читателямъ сіе покажется странно и неимовѣрно. Но какая тому причина? Погрѣшительное наше сужденіе о вещахъ, и невѣденіе лучшаго. Мы обыкли на все смотрѣть тусклыми глазами чувствъ: малѣйшее приключеніе дѣлаетъ умъ нашъ столь опрометчивымъ, что всегда бываемъ готовы охуждать образъ міроправленія. Мы вмѣшиваемся проникнуть въ круги возможныхъ міровъ, и хотимъ вразумить Бога, что могъ бы онъ избрать гораздо лучшій міръ. Непщуемъ также въ дѣйствительномъ открывать множество недостатковъ и несовершенствъ; и дерзновенно заключаемъ, что міръ толикихъ золъ исполненный, неможетъ быть лучшій

изъ всѣхъ возможныхъ. Все намъ въ видѣ зла представляется, между тѣмъ какъ нѣтъ ни какого: а изъ сего должно заключить, что предполагаемое въ дѣйствительномъ мірѣ зло существуетъ въ одномъ только воображеніи: ибо малое зло, въ отношеніи къ гораздо большему, почитается благомъ и совершенствомъ.

Естьлибъ не угодно было Богу предпочтительно избрать того, что мы зломъ нарицаемъ; то надлежалобы послѣдовать выбору гораздо большаго зла. Такимъ образомъ зло въ настоящемъ мірѣ есть истинное совершенство. Богъ въ полной ясности созерцающій всѣ возможные міры, совсѣмъ иначе взираетъ на то, что мы зломъ считаемъ. Мы видимъ малѣйшую точку громады сего свѣта, и хотимъ однакожъ открыть въ немъ многіе недостатки!!!

§ 34.

Для лучшаго удостовѣренія въ сей истиннѣ, изложеніе сего начала утѣшенія раздѣлю я на три части; и каждую особливо, но сокращенно буду разсматривать. Начну съ вопроса: въ мірѣ больше ли зла нежели добра находится? или больше счастливыхъ, нежели нещастныхъ событій? За симъ покажу, что весьма часто мы

обманываемся въ своихъ сужденїяхъ, и что наипаче споспѣшествуетъ нашему благосостоянїю, то почитаемъ бѣдствїемъ; какъ напротивъ того, источникъ и вину нашея гибели не рѣдко относимъ къ благоуспѣшнымъ случаямъ. Напослѣдокъ докажу, что огорчательныя обстоятельства, кои истекаютъ изъ премудрой воли Творца, всегда добромъ оканчиваются. Симъ образомъ надѣюсь открыть плѣнительные виды къ успокоенїю раздраженной чувствительности.

§. 35.

Его есть всеобщїй предразсудокъ думать, что на земли яко бы больше зла нежели добра имѣется. Многїе ученые, кои выдаютъ себя за большихъ знатоковъ въ философїи, предложенїе сїе простерли столь далеко, что въ Богѣ не признаютъ даже силы могущей создать такой мїръ, которой больше бы добра, нежели зла въ себѣ вмѣщалъ. Подлѣ Верховнаго разпредѣлителя нашихъ участей поставляютъ они самобытное и самостоятельное начало всякаго зла, которое первый непрестанно смѣшиваетъ съ добромъ. Языческїе любомудры уже были упоены сими заблужденїями, кои они выводили изъ преданїй о паденїи Адама, и

частію изъ погрѣшительнаго мнѣнія о вѣчности вещества.

§ 36.

Слово: міръ, можно брать въ двоякомъ смыслѣ: въ первомъ значеніи разумѣется совокупность всѣхъ существъ; во второмъ одинъ только шаръ земный. Держася перваго, не льзя ничего вообразить не лѣпѣе сего заключенія, что въ мірѣ яко бы больше зла нежели добра было. Сколь ограничена извѣстная намъ страна свѣта! и земля колико скудная часть вселенныя! Солнце, которое освѣщаетъ планету нами обитаемую, въ столь удивительномъ отъ насъ находится разстояніи, что естьли вѣрить вычисленіямъ славнѣйшихъ Астрономовъ, бомба пущенная изъ мортиры, при одной и тойже скорости, дольше двадцати пяти лѣтъ оставалась бы въ воздухѣ, прежде нежели долетѣла бы до солнца. Какая ужасная величина планетъ Сатурна и Юпитера, въ сравненіи съ нашимъ шаромъ! Неподвижныя звѣзды въ необъятной отъ насъ отдаленности; такъ что теряются почти всѣ лучи, коими онѣ въ нашихъ очахъ блистаютъ. Онѣ намъ кажутся не больше, какъ точками когда разсматриваемъ ихъ безъ пособія зрительной

трубы. Онѣ такъ непонятно отдалены отъ нашей планеты, что звѣзда, которую называютъ созвѣздіемъ пса, по выкладкамъ Гюйгеня, отстоитъ отъ насъ въ дватцать седмь тысячь шесть сотъ шестьдесятъ четыре раза дальше, нежели солнце. Изъ сего естественно заключить, что солнце ихъ не освѣщаетъ; поелику Сатурнъ, который вращается въ самыхъ дальнихъ крайностяхъ нашей системы, представляетъ блѣдный свѣтъ; а относительно судя, не такъ еще далекъ отъ насъ. И такъ надобно, чтобъ онѣ сами по себѣ были огненные и свѣтлые шары, кои обыкли мы называть солнцами. Но число ихъ столь велико, что въ изчисленіи ихъ умъ вовсе теряется. Млечный путь составленъ изъ толико малыхъ звѣздъ, что для опредѣленія ихъ количества потребны несмѣтныя тысящи. Естьли убо по естеству своему онѣ суть толикожъ солнцевъ, то должны по примѣру нашего, отъ коего мы получаемъ свѣтъ, озарять другіе міры. Ибо для чего бы въ нихъ не быть одинакому съ нашимъ солнцемъ назначенію, когда одна и таже причина производитъ однѣ и тѣже дѣйствія? Можно ясно доказать то Кометами, которыя протекають

сквозь планетной нашъ міръ, и чрезъ отступленіе теряются въ кругѣ звѣздъ неподвижныхъ. Когдаже въ нашей системѣ находится шеснатцать планетъ; то удобно изъ сего понять, какое удивительное множество шаровъ вращается надъ нами. Всѣ сіи шары заключа подъ названіемъ міра, отдаленнѣйшіе предѣлы цѣлой вселенныя простру́тся даже въ безконечность; слѣдовательно безумно заключать что либо о всей громадѣ міра, когда еще весьма не совершенно познаемъ малѣйшій міръ. Одна песчинка не можетъ образовать горы; равно и земля никогда не составитъ цѣлой вселенной.

§ 37.

Возмутъ ли слово: міръ, во второмъ знаменованіи, и захотятъ подъ онымъ разумѣть одну только землю: то и въ семъ случаѣ надобно будетъ также замѣтить нѣкоторое изъятіе. Предположимъ, что больше зла, нежели добра свѣтъ имѣетъ; но сія малая горсть людей должна почти за ничто быть признана, въ сличеніи съ неизмѣримостію Верховнаго Существа, сравнительно со всѣми духами и другими твореніями. Надобно судить о вещи основательнѣе, и разсматривать во всѣхъ ея

видахъ. Безпрестанныя слышатся жалобы, что человѣкъ есть бѣдная тварь, что во всю жизнь угнѣтенъ бѣдствїями, убожествомъ, смущенїями и болѣзнями: ни на часъ не бываетъ свободенъ отъ страданїй, съ земною жизнїю сопряженныхъ. . . . Сїе справедливо, естьли разсуждать о насъ, какъ о испорченныхъ существахъ. Въ послѣдствїи коснусь сего предмѣта, когда начну говорить о суетствїяхъ сего свѣта. Прежде всего разсмотримъ человѣка съ самыхъ выгоднѣйшихъ сторонъ. Не льзя отрицать, чтобы онъ не былъ благороднѣйшее и драгоцѣннѣйшее изъ творенїй; кромѣ грубаго тѣла, онъ въ себѣ вмѣщаетъ духъ безсмертный, украшенный разумомъ и свободною волею. Чрезъ умъ можетъ онъ размышлять о тверди, открывать шествїе звѣздъ, и пространство нашего шара измѣрять отъ одного до другаго полюса. Проникаетъ въ преисподняя земли, и дѣлается обладателемъ потаенныхъ сокровищь природы; извлекаетъ злато, сребро, металлы, блестящїе камни, и пр. и пр. Хитрѣйшихъ и лютѣйшихъ звѣрей умѣетъ укротить, и во всѣхъ отношенїяхъ поработить своимъ хотѣнїямъ. Левъ трепещетъ въ тенетахъ; и коварный

волкъ бѣжитъ при видѣ пастуха. Человѣкъ цѣлую природу покаряетъ своимъ законамъ ; и все окрестъ его сущее, знаетъ согласить съ своими видами. Онъ обладаетъ птицами небесными, и рыбами морскими, протекаетъ Океанъ, восходитъ на неприступнѣйшія горы: вѣтры и воды, небо и земля, воздухъ и огонь, горы и холмы, напослѣдокъ все существующее, кажется, сотворено на его службу. Солнце во дни, а луна нощію работаютъ ему; на морѣ звѣзды, на сушѣ животныя служатъ. Онъ можетъ воздѣлывать поля, разводитъ древа, ядомую зелень, растѣнія, цвѣты, и для своего удовольствія сооружать увеселительные замки. Онъ тѣмъ ближе становится къ Божеству, чѣмъ ревностнѣе усовершаетъ безсмертную душу свою. Одно сіе составляетъ важное преимущество, и покрываетъ тысячу недостатковъ, усматриваемыхъ въ человѣкѣ, когда съ противной стороны смотрятъ на него.

§ 38.

Всѣ мы въ томъ погрѣшаемъ, что нѣкоторыя вещи представляемъ себѣ всегда въ увеличенномъ видѣ и въ худшемъ, нежели какъ онѣ въ

самомъ дѣлѣ суть. Добро дѣйствительно смѣшано со зломъ; но знать надобно, не превосходитъ ли одно другаго. На земномъ шарѣ находится множество тварей, многимъ превышающихъ число людей: но конечно никто не скажетъ, чтобъ между ними зло избыточествовало. По зрѣломъ разсужденіи, зло нарочито уменьшится: ибо больше найдется честныхъ людей, нежели бездѣльниковъ; больше чертоговъ, нежели домовъ смирительныхъ; больше памятниковъ въ честь добродѣтелей воздвигнутыхъ, нежели висѣлицъ; больше царствъ цвѣтущихъ, нежели градовъ въ прахъ обращенныхъ. Живетъ несмѣтное число почтенныхъ старцевъ и добродѣтельныхъ мужей; и многія изъ тѣхъ особъ, коихъ признаютъ несправедливыми, не престаютъ быть честнѣйшими въ свѣтѣ людьми. Оскорбители бываютъ не столько отъ злости, сколько отъ желанія улучшить свой жребій. Больше сыщется друзей человѣчества, нежели убійцъ; чаще бываетъ изобиліе нежели безплодіе; чаще благораствореніе и ясность въ воздухѣ, нежели туманъ и дождь; больше домовъ отъ огня спасаемыхъ, нежели погибающихъ; меньше слѣпотствующихъ, нежели

пользующихся зрѣнїемъ; больше статныхъ и благовидныхъ, нежели безобразныхъ; больше здоровыхъ, нежели больныхъ.

§ 39.

Изъ всего сказаннаго очень легко заключить, что заблуждаютъ тѣ, кои доказываютъ, что въ жизни больше печальныхъ, нежели прїятныхъ участей. (Я говорю о тѣхъ приключенїяхъ, кои человѣка на земли дѣлаютъ нащастнымъ; а не вообще о превратности и суетѣ человѣческой жизни.) Ето правда, что въ свѣтѣ больше увидишъ бѣдныхъ, нежели богатыхъ; больше обыкновенныхъ, нежели красивыхъ лицъ; больше подданныхъ, нежели Государей; больше землепашцевъ, нежели благородныхъ; больше невѣждъ, нежели смышленныхъ. Но вопрошается: сїи разности, большею частїю, не суть ли тѣ мечты нашего воображенїя, которыя никогда не составятъ прямаго нашего щастїя? Возраженїе съ одной стороны правдоподобно, когда вообразятъ себѣ смерть людей. Здѣсь скажутъ: сколько восхищено младенцевъ изъ самой колыбели! Сколько отроковъ не достигло лѣтъ юношества! сколько тысячь невинныхъ людей убито! колико градовъ

опустошено заразою! коликіе милліоны воиновъ погибли на войнѣ отъ начала міра! коликія тысячи куплю дѣющихъ уже претерпѣли въ морѣ кораблекрушеніе! колико утопшихъ въ рѣкахъ! колико поглощено дикими звѣрьми! колико скончавшихся за свою вѣру! колико посягнувшихъ на собственную жизнь, или отъ неожиданныхъ случаевъ оной лишившихся! сколько тысячь обезглавлено, заживо погребено, посаждено на колъ, повѣшено, сожжено, изрублено, убито изъ ружья, или другою какою либо насильственною смертію умучено на мѣстѣ преступленія и казни! Естьлибъ захотѣть изчислять всѣхъ тѣхъ, кои отъ начала свѣта пали подъ бременемъ нещастій, то число ихъ было бы неизъяснимо. Но я отвѣтствую: колико странъ, колико Государствъ, колико княжествъ, гдѣ ни война, ни моровое повѣтріе, ни гладъ, ни другіе бичи жизни искони не свирѣпствовали! Не всегда возжигается пламень брани; и поле битвы вообще не столько бываетъ устлано головами, сколько въ теченіи года людей умираетъ въ цѣломъ Государствѣ. Сомнѣніе о семъ хочу отвратить четырьми слѣдующими началами. И во первыхъ: число можетъ быть велико

въ отношенїи къ самому себѣ; но чрезвычайно уменшится, коль скоро будетъ ему противуположено другое гораздо большее. Миллїонъ есть величайшее количество, но сличенный со сто тысячами миллїоновъ, становится крайне малымъ. Предположивъ, что сбывается не мало обстоятельствъ человѣку пагубныхъ; надобно также допустить безчисленность такихъ, отъ коихъ онъ получаетъ основу своему благоденствїю. Пусть будутъ многїя тысячи смертныхъ случаевъ, въ коихъ преждевременно жизни лишаются; но сїе число несравненно меньшимъ окажется, когда изочтемъ, коликїе миллїоны заплатили дань природѣ естественною смертїю, и притомъ достигнувши самой глубокой старости. Никто не будетъ столько безуменъ, чтобъ рожденїе свое отнести къ числу нещастныхъ приключенїй. Уваженїе жизни утверждается на благороднѣйшихъ началахъ. Прехожденїе изъ круга возможныхъ въ кругъ дѣйствительныхъ существъ, есть величайшая милость Творца.

Во вторыхъ отваживаюсь доказать, что изъ всѣхъ смертныхъ случаевъ самомалѣйшее число должно быть отнесено къ нещастнымъ про-

изшествіямъ. Ибо небольшое зло, какъ выше уже упомянуто, всегда почитается добромъ, въ отношеніи ко злу безконечно оное превышающему. Темница, куда заключенъ злодѣй, долженствующій умереть поноснымъ и мучительнѣйшимъ образомъ, пусть на канунѣ его казни обрушится и задавитъ его; всѣ отзовутся: это былъ щастливой случай для сего бездѣльника. Другой упадаетъ съ верху башни, и преломляетъ себѣ ногу; всякъ скажетъ: счастливъ, что не смертельно ушибся. Скоро буду пространнѣе говорить о семъ предмѣтѣ.... Третіе, изъ злополучія могутъ возникнуть тысячи пріятныхъ послѣдствій. Погибнетъ ли на войнѣ отличенный полководецъ; тогда не одна сотня чиновниковъ въ цѣлой арміи восходятъ на вышшій степень. Умретъ ли скоропостижно богачь; другіе въ наслѣдство получаютъ его имѣніе, и чрезъ то поправляютъ свое состояніе . . . . Четвертое, смерть отнюдъ не можно почесть за зло. Ибо человѣкъ долженъ умереть; онъ это знаетъ. Въ послѣдствіи дамъ замѣтить, что мы былибъ пренесчастныя твари, когда бы Богъ позволилъ намъ вѣчно жить на земли.... Можно ли вообразить что сладо-

стнѣе кончины добродѣтельнаго человѣка, которой внезапу умираетъ, или пораженный громомъ, или отъ рукъ злодѣя? Онъ умираетъ со всѣмъ должнымъ приготовленіемъ; не страждетъ отъ боли, или и чувствуетъ ее, но мало и весьма не долго. Онъ свободенъ отъ той горести, чтобъ на смертномъ одрѣ внимать стенаніямъ семѣйства, дружества. Вотъ по чему скоропостижная смерть для благочестивой души есть истинное благодѣяніе, и отнюдъ не должна считаться между нещастными приключеніями. Добрый воинъ, мгновенно пораженный выстрѣломъ, скончавается на одрѣ славы; и со свѣтомъ разстается спокойнѣе, нежели какъ бы въ другое время испустилъ духъ свой съ жесточайшими мученіями. И въ дѣйствительной связи вещей, смерть признается для него выгоднѣйшею.

§ 40.

И такъ я прейду ко второй части, въ которой яснѣе будетъ изложено мое начало утѣшенія; и скажу: полезнѣйшія для насъ событія часто представляются намъ въ печальномъ видѣ; а что ускоряетъ наше бѣдствіе, то принимаемъ за щастливой случай. Кто начнетъ сіе оспоривать,

тотъ вовсе не знаетъ свѣта. Я сошлюсь только на опытъ для убѣжденія въ сей истинѣ.... Богатство, чины, уваженіе суть въ очахъ нашихъ истинное совершенство; ибо мнимъ въ нихъ находить и наше довольство, и наше благополучіе. Убожество, низкое состояніе, лишеніе чувственныхъ забавъ кажутся намъ несовершенствомъ; понеже чрезъ то дѣлаемся нещастными. Но разсудокъ нашъ долженъ вовсе слѣпотствовать, ежели то допуститъ. Слава, щастіе, почтеніе многимъ людямъ больше вредны, нежели полезны быть могутъ. Убожество и посредственная жизнь для многихъ въ тысячу кратъ предпочтительнѣе всѣхъ сокровищь, коими кичатся великіе Вельможи; ибо всегда надлежитъ быть внимательному къ разпорядку обстоятельствъ, въ которыхъ Богъ того, или другаго, поставилъ. Благополучіе есть состояніе всегдашняго удовольствія: слѣдовательно тотъ и благополучнѣе, кто въ свѣтѣ наслаждается большимъ и продолжительнымъ удовольствіемъ. Но смѣю утвердить теперь, что посредственное, а часто и мало значущее состояніе, иногда доставляетъ человѣку несравненно больше пріятностей, нежели когда бы онъ

находился среди великолѣпнѣйшаго Двора. Пусть вообразятъ себѣ огромные чертоги Вельможъ, на кои неразуміе смотритъ завистливымъ и изумленнымъ окомъ. Безпогрѣшительно скажу, что не рѣдко живутъ тамъ нещастнѣйшія особы. Какихъ безпокойствъ не терпитъ человѣкъ, озабоченный довѣренностію своего Государя, и въ рукахъ держа кормило правленія толикими тысячами людей? Земныя пріятности, кои должны облегчать бремя его власти, мало дѣйствуютъ на его душу; потому что измлада пріобыкъ къ нимъ; сидя за столомъ, украшеннымъ тысячею роскошныхъ яствъ онъ не вкушаетъ съ такою пріятностію, какъ живущій въ хижинѣ, гдѣ голодъ грубѣйшую пищу приправляетъ такъ, что для всякаго бываетъ взманчива. Каждой алмазъ въ вѣнцѣ Монарха кажется ему терніемъ; ибо вѣнецъ не столько украшаетъ, сколько бременитъ его главу. Отличитъ ли кого достоинствомъ, которое не больше, какъ одному даровать можно, вызываетъ тѣмъ враговъ противъ себя: одинъ чтитъ его, но тысяча другихъ, желавшихъ себѣ тогоже, питаютъ въ сердцѣ предосудительнѣйшія къ нему чувствія. Сколько ночей безъ сна надоб-

но провесть, когда видитъ, что честолюбецъ домогается его короны и скипетра? Какія пріятныя мысли можетъ имѣть, при видѣ нашествія непріятельскихъ войскъ въ его владѣнія, такъ что не было бы ни времени, ни средствъ противостать ихъ силѣ? Почему ни сколько не удивительно, что Селевкъ воскликнулъ:,, О корона! когда бы знали, колико ты тягостна, то никто бы не пожелалъ украшаться твоимъ блескомъ.,, Что же безпокоитъ воздѣлывающихъ землю, которыхъ по неразумію нашему почитаемъ бѣднѣйшими тварями? Правда они извнѣ не блещутъ, какъ народные кровопійцы; но отъ того не бываютъ нещастнѣе. Они ядятъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, и находятъ его гораздо лучшимъ роскошнаго брашна Вельможъ, излишествомъ сокращающихъ свои дни. Они покойно сидятъ въ убогихъ своихъ хижинахъ; располагаютъ своими полями, и не меньше другихъ веселятся, особливо когда небо вознаградитъ ихъ труды обильною жатвою. Они собираютъ хлѣбъ въ житницы свои, и воздухъ наполняютъ радостнѣйшими восклицаніями, видя хранилища свои избыточествующи потребностями жизни. Они наслаждаются совер-

шеннымъ здоровьемъ, и долголѣтіемъ; утѣшаются благотворительностію природы, любятъ чадъ своихъ, и воспитываютъ ихъ въ невинности и благородной простотѣ. Старецъ среди ихъ дышетъ сладостнѣйшимъ удовольствіемъ, когда во кругъ стола своего зритъ длинный рядъ дѣтей и внучатъ; онъ съ нѣжною улыбкою смотритъ на свое въ нихъ возрожденіе, и умираетъ покойно, ибо послѣ себя оставляетъ добродѣтельное потомство: между тѣмъ какъ сильные земли во слезахъ разстаются съ пышнымъ зрѣлищемъ сего свѣта.... Почто же оплакивать свой жребій, что не принадлежимъ къ роду ни Вельможъ, ни богачей, ни Князей вѣка сего? Почто жаловаться, если какое приключеніе ввергаетъ насъ въ нищету, или спасаетъ отъ обманчивыхъ приманокъ, кои, можетъ быть, кончились бы нашею пагубою? Я говорю о богатствѣ, честяхъ, знаменитости, услажденіяхъ и о всѣхъ тщетныхъ удовольствіяхъ земныхъ.

§ 41.

Всякаго изъ насъ, великаго или малаго, богатаго или убогаго, мудреца или невѣжду, Богъ поставилъ въ такихъ точно обстоятельствахъ, что никто не лишенъ права и возможно-

сти пользоваться существеннымъ довольствомъ. Человѣкъ въ услуженіи живущій, отнюдъ не чувствуетъ печалей и безпокойствъ, каковыя можетъ имѣть его господинъ: его увеселенія часто превышаютъ радости того, кто имъ повелѣваетъ. Онъ нѣсколько разъ въ день насыщается, не имѣя нужды заботиться, чѣмъ за утра будетъ утолять голодъ и жажду свою. Работница гораздо довольнѣе бываетъ рублемъ, нежели госпожа въ наслѣдство получившая всѣ доходы своего мужа. Слуги воспѣваютъ и веселятся не рѣдко во весь день, между тѣмъ какъ господинъ ихъ, заключась въ кабинетѣ предается печальнымъ размышленіямъ о своихъ дѣлахъ. Повелѣвающіе не больше имѣютъ причинъ негодовать на свою судьбу, естьли извѣстятъ свои преимущества надъ другими. Богъ каждому даровалъ силу и случай упражнять свои способности, и расширять тотъ кругъ благополучія, въ коемъ кто поставленъ: и се! доказательство вышепомянутой истины, что всѣ произшествія суть самыя лучшія какъ во всеобщей связи міра, такъ и въ отношеніи къ каждому изъ насъ.... О чемъ плачете худородная земли? О томъ, что другимъ служите, и

чрезъ трудъ должны снискивать пищу и одежду себѣ? Посовѣтуйтесь съ самими собою. Состоянїе ваше ужели нещастно, когда не знаете заботъ, насущной хлѣбъ имѣете, хорошо спите, и въ вожделенномъ здоровьѣ находитесь? Навыкъ содѣлываетъ руки смышлеными, а ноги легкими. Навыкъ всѣ вещи творитъ сносными для насъ; и наши чувства со временемъ привыкаютъ ко всему. Плѣнникъ, сперва неутѣшно плакавшїй, забавляется послѣ своими оковами; воинъ, которой на первомъ сраженїи трепеталъ при каждомъ выстрѣлѣ, на конецъ съ надменностїю выступаетъ предъ строемъ армїи. Пусть свѣтъ говоритъ о тебѣ, сколько ему угодно; рано или поздо, но заставятъ его молчать. Что съ тобою случилось; то съ тысячею другихъ случиться можетъ. Щастїе также кругло, какъ и свѣтъ. Множество рабовъ здѣлалось господами; и множество господъ рабами. Время и щастїе измѣняютъ лице земли. Мїръ есть зрѣлищная палата, въ которой то Вельможа играетъ ролю слуги, то слуга представляетъ ироя.

§ 42.

Чистосердечно признаемся: часто совсѣмъ другое воображаемъ, нежели

что въ самомъ дѣлѣ есть; и почти завсегда погрѣшаемъ въ своихъ сужденїяхъ о благополучныхъ, или злополучныхъ встрѣчахъ. То, или другое называемъ щастїемъ, не вникая ни въ начало, ни въ причины. Что для одного есть добро, то другому во зло обратиться можетъ; потому что онъ живетъ совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ. Такимъ же образомъ, что теперь дѣлаетъ меня щастливымъ, въ другое время можетъ ускорить мою гибель; ибо тогда не буду уже находиться въ предъидущемъ положенїи. Съ теченїемъ времяни, склонности и движенїя души совершенно измѣняются. Познанїя наши безъ числа разнообразны; въ разныя времена одна и таже вещь не рѣдко представляется намъ подъ тысячею разныхъ видовъ....Сей вступаетъ въ отличительное званїе, и не преcтаетъ быть скроменъ; тотъ получаетъ равное достоинство, но становится горделивцемъ. Одинъ при великомъ богатствѣ щедръ; другой наслѣдуетъ оное, и дѣлается скрягою.

§ 43.

Мы уподобляемся больному, имѣющему отвращенїе отъ лѣкарствъ, потому что они противны вкусу; и которой не думаетъ, чтобъ помощїю

ихъ возстановилось его здоровье. Богъ изъ любви къ человѣчеству не рѣдко мнимымъ зломъ наказуетъ грѣшника. Предположивъ, что правосудїе Божїе мстительную мещетъ молнїю на нечестивца; сей рокъ тѣмъ не меньше благопрїятственъ, въ отношенїи ко всему цѣлому. Коликїя тысячи душъ берутъ примѣръ съ нещастїй, коими промыслъ удручаетъ родъ человѣческїй, и чрезъ то отвращаетъ отъ зла? И такъ весьма обманываемся, когда печальною участїю признаемъ то, что клонится къ прямому нашему благополучїю. Не смѣшно ли бѣлое называть чернымъ, а черное бѣлымъ? Имѣть открытые глаза, и ничего не видѣть? Кто не зрѣлъ такихъ примѣровъ, что богатѣйшїе впадали въ крайнюю нищету? Но кто изъ нихъ не алчетъ злата, славы, уваженїя и подобныхъ вещей? Кто на убожество и низкое состоянїе не взираетъ окомъ жалости, или еще и презрѣнїя.

§ 44.

Вообще за великое безчестїе признается, лишиться жизни отъ рукъ палача. Почти вошло въ правило, что человѣка не можетъ постигнуть ужаснѣе судьба, какъ умереть на лобномъ мѣстѣ. И потому удивля

ются, и вмѣняютъ Богу въ величайшую несправедливость, что попущаетъ онъ невинности быть на смерть осужденной; однако ничего нѣтъ безразсуднѣе сего, и мученіе, которое она терпитъ, есть мученіе минутное. Человѣкъ скоро умираетъ; а притомъ большая часть уже полумертвыхъ влекома бываетъ на мѣсто казни. Не все ли для насъ равно, на снѣдѣніе червямъ или птицамъ небеснымъ предано будетъ наше тѣло? Умеръ ли кто; уже больше не чувствуетъ, а душа его находится въ новыхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, когда кто невинно пострадалъ; когда душа его чиста, и раскаяніе искренно; таковый долженъ успокоиться въ чаяніи вѣчныхъ благъ. Не лобное мѣсто, но преступленіе безславитъ человѣка.

§ 45.

И такъ для избѣжанія погрѣшности, надлежитъ разсматривать произшествіе во всѣхъ его видахъ. Надлежитъ настоящее сличать съ будущимъ, и искать, какое изъ того можетъ послѣдовать вліяніе на жизнь, дабы не считать погибшимъ наше благосостояніе. Поступая такимъ образомъ, скоро дойдутъ до начала, оправдывающаго славу Божію, и открывающаго безпредѣльную его

мудрость. Одаренный превосходными качествами разума, рожденіемъ своимъ почти всегда обязанъ бываетъ недостаточнымъ родителямъ; и, что кажется быть для него бѣдою, часто споспѣшествуетъ его благополучію. Нужда, въ которой находится, поощряетъ его къ большимъ трудамъ и усиліямъ, природныя дарованія употребить на пользу ученаго свѣта. Естьли бы онъ родился отъ богатыхъ родителей, то вмѣсто труда, можетъ быть, занялся бы расточеніемъ имущества и времяни. Тысяча событій поставили нещастливцевъ на путь, ведущій къ достоинствамъ и славѣ. Многіе отцы и матери навсегда лишились сына въ самомъ цвѣтѣ его жизни, сына, на котораго была устремлена вся ихъ нѣжность; ибо Богъ предвидѣлъ, что сіе дитя больше бы зла, нежели добра произвело, и даже было бы причиною собственнаго нещастія. Многіе изъ дѣтей весьма преждевременно теряютъ родителей; и сія потеря награждается случаемъ отъ другихъ быть воспитану въ добродѣтели, въ назиданіе не малаго числа людей. У того, или другаго смерть изъ объятій нечаянно восхи-

шила нѣжно любимую супругу: но отыскиваетъ онъ другую, которая не только имѣетъ всѣ прелести первой его жены, но еще превосходитъ оную искуствомъ домоводства и воспитанія дѣтей своего мужа. Естьли сія вторая жена поведеніемъ своимъ заставляетъ жалѣть о прежней, то сколько для мужа случаевъ показать свое терпѣніе, воспомянуть о добродѣтеляхъ преставльшейся, и примѣромъ ея вразумить, и на путь добродѣтелей поставить настоящую жену, которая съ онаго можетъ быть совращена дурнымъ воспитаніемъ, а не отъ природы. Правда, что сей подвигъ весьма тягостенъ и труденъ: но хотя бы и безуспѣшенъ остался, никакъ бы не уменьшилъ достоинствъ мужа, которой среди всѣхъ досадъ можетъ утѣшаться сею мыслію, что исполнилъ свой долгъ.

У сего похищены деньги; деньги дѣлали его порочнымъ человѣкомъ, и онъ не зналъ употребить ихъ на лучшее. Богатство его обращается теперь въ рукахъ многихъ неимущихъ, которые своею оборотливостію извлекаютъ оттуда величайшія себѣ и ближнему выгоды. Тотъ нечаянно впадаетъ въ болѣзнь, дабы по очищеніи внутренности тѣла могъ онъ

наслаждаться продолжительнѣйшимъ здоровьемъ. Убитъ воинъ на сраженіи: естьли бы онъ въ живыхъ остался; то, можетъ быть учинился бы вреднымъ для общества, и заслужилъ бы висѣлицу или ешафотъ. Добродѣтельнѣйшій внезапу умираетъ отъ громоваго удара среди толпы развратниковъ, дабы сіи взяли примѣръ съ его смерти, и дабы предохранить его отъ заразы нечестиваго свѣта. Такія и такія земли бѣдствуютъ отъ потопленія; воды покрываютъ и поля ихъ и луга: но сія печаль претворится имъ въ радость. Отъ наводненій земли здѣлаются плодоноснѣе, и сторицею вознаградятъ уронъ. Во многихъ странахъ свирѣпствуетъ моровое повѣтріе, но настаютъ послѣ благорастворенныя и щастливыя времена. Впрочемъ, кто бы отважился увѣрять, чтобъ сей бичь, яко необходимое слѣдствіе состава нашего шара, не заключалъ въ себѣ никакой пользы? Бичи войны поражаютъ цѣлыя царства; но исправляютъ несмѣтное число гражданъ, которые до того предавалися пороку съ явнымъ безстрашіемъ. Всѣ сіи участи не суть ли самыя лучшія, какъ относительно къ намъ, такъ и ко всему міру. Я

могъ бы распространиться больше, когда бы вознамѣрился подробнѣе говорить о семъ предмѣтѣ.

§ 46.

Всѣ участи человѣческія имѣютъ полезную цѣль. Первое основанїе, на которомъ утверждается сїя истинна, состоитъ въ томъ, что печальныя произшествїя часто воздерживаютъ отъ пороковъ, и примиряютъ съ Верховнымъ Существомъ. Богъ толико увеселяется благосостоянїемъ своихъ тварей, колико безконечна его благость. Непостижимый его разумъ отъ вѣка въ виду у себя имѣлъ такой мїръ, которой наиболѣе споспѣшествовалъ благополучїю и частному и общему. Изъ неизчислимыхъ возможныхъ мїровъ, былъ сотворенъ одинъ, въ которомъ лучи Божїей благости блещутъ отовсюду. Богъ есть Существо съ безчисленными и безпредѣльными совершенствами; и между духами стоитъ на высочайшей степени. Это есть такое Существо, которое радуется, когда разумныя твари болѣе и болѣе подходятъ къ Его совершенствамъ. Хотя сотворенный духъ никогда не сравнится съ несотвореннымъ; однако въ теченїе цѣлой вѣчности можетъ онъ непрестанно возвышаться. Херувимъ го-

раздо въ меньшемъ разстояніи отъ Божества, нежели душа смертнаго: и по сей причинѣ всякая тварь, могущая усовершиться, должна быть драгоцѣнна въ очахъ Всемогущаго. И такъ удивительно ли, что радостныя и печальныя участи предуставлены для отвращенія насъ отъ пороковъ, и для большаго всегда усовершенствованія? Должно ли изумлять насъ, что Богъ, правящій вселенною, всѣ приключенія жизни располагаетъ такимъ образомъ, что мы дѣлаемся и щастливѣе и подобнѣе Ему; однимъ словомъ, больше достойны Его?

§ 47.

Обозрѣвая свѣтъ, можемъ сравнить его съ пространнымъ зрѣлищемъ, на которомъ усматриваемъ людей съ различными склонностями. Немногіе успѣваютъ на пути щастія; большая часть плѣняется суетами вѣка. Смятеніе страстей оглушаетъ наши чувства; и сіи, часто противъ воли, склоняютъ насъ на зло. Мы прилѣпляемся къ однимъ только внѣшностямъ, ни мало не углубляясь во внутренность. Ухо слышитъ шумъ мірскихъ увеселеній; языкъ вкушаетъ неизчислимыхъ родовъ яствы, блескъ злата и пышность вельможъ насъ ослѣпляютъ; и люди всемѣрно щщат-

ся сокрыть сопряженныя съ оною благовидностїю свои скорьби и страданїя. Мы все то щитаемъ за истинное благополучїе; и отъ того становимся ловитвою земныхъ призраковъ. Мы, какъ слѣпцы, всегда ощупью ходимъ; ибо у насъ помрачены умственныя очи. Подъ конецъ дѣлаемся тѣми сумозбродами, у которыхъ такъ сказать, надъ головою домъ горитъ, а они не оставляютъ дремоты сладостнаго ихъ воображенїя; и мнимую прїятность почитаютъ существеннымъ удовольствїемъ. Но коль скоро сїи безумныя мысли прервѣтъ какое нибудь злоключенїе, то мы отъ страха пробуждаемся; уясняемся, и усматриваемъ грозящую намъ опасность. Ахъ! сколь неисповѣдима милость Творца, что попущаетъ иногда людямъ находиться въ смутныхъ обстоятельствахъ! Многїе остались бы нещастливы, когда бы тѣлесныя скорьби не ускорили ихъ смерти: опытъ есть неотметный свидѣтель сея истинны. Новѣйшїе равно какъ и древнїе памятники научаютъ насъ, что добродѣтель весьма часто вела свое произхожденїе отъ нещастїя: мы имѣемъ также примѣры добродѣтельнѣйшихъ мужей, чрезъ всю жизнь воевавшихъ съ бѣдствїями,

и кто не видѣлъ людей, въ щастїи предающихся прежнимъ своимъ порокамъ; а другихъ, коихъ нещастїе облагонравствовало? . . . Чуденъ мїроправитель, который самое зло обращаетъ намъ во благо!

Аристидъ есть такой богачъ, которой больше миллїона получаетъ годоваго дохода; онъ живетъ въ великолѣпнѣйшемъ домѣ, на которой мимоходящїй смотритъ съ удивленїемъ. Окрестъ его стоятъ рабы, всѣ въ позлащенныхъ одеждахъ: двѣнаттцать слугъ пышно убранныхъ трудятся надъ тѣмъ, что одинъ бы могъ исполнить. Онъ здоровъ, и можетъ ходить; но велитъ возить себя не меньше, какъ на шести лошадяхъ; столъ его весь уставленъ нѣжными яствами, изъ коихъ едва двадцатой части, и то слегка онъ коснется. Онъ дѣлается сладострастнымъ, слѣдовательно и порочнымъ человѣкомъ: онъ молодъ, и своєю расточительностїю можетъ быть полезенъ свѣту; но трудиться не любитъ; потому что не имѣетъ въ томъ нужды. Во кругъ себя видитъ множество друзей, кои веселятся на его щетъ: домъ его есть зборище ласкателей. Наконецъ онъ имѣетъ все, что извнѣ можетъ человѣка учинить щастливѣй-

шимъ.... Но какой ударъ для Аристида!...Среди ночи слышитъ онъ воздымающуюся бурю: начинаетъ сверкать молнія, громъ гремитъ. Аристидъ содрогается, и тщетно желаетъ избѣгнуть пораженія. Онъ простираетъ къ Богу теплыя молитвы свои, но пышный чертогъ его уже во пламени; чрезъ нѣсколько часовъ весь въ прахъ превращенъ....По щастію заимообразно далъ онъ тридцать тысячь червонцовъ честному человѣку, которой на другой день по утру ему возвращаетъ. Такимъ образомъ еще осталась при немъ возможность жить безбѣдно. Онъ покупаетъ другой домъ, не такъ великихъ иждивеній стоющій, но покойной; отъискиваетъ слугу, которой ему вѣренъ и усерденъ. Вмѣсто множества блюдъ уже только три подается на его столъ; но онъ находитъ ихъ очень вкусными. Одежда на немъ не пышная, но благопристойная: любитъ трудиться, учреждаетъ свои дѣла, и съ того времени, какъ не видитъ у себя ни тунеядцовъ, ни ласкателей, живетъ весьма спокойно....Пусть же скажутъ теперь, сіе нещастное приключеніе не отвлекло ли Аристида отъ его разпутства, и не къ пользѣ ли его клонилось.

§ 49.

Второе начало доказывающее, что Богъ въ нещастныхъ для человѣка обстоятельствахъ предполагаетъ себѣ конецъ полезный, есть то, что Онъ ихъ употребляетъ какъ средства къ благопоспѣшеству Высочайшихъ намѣренiй и удивительнѣйшихъ дѣлъ. По довольномъ размышленiи, жизнь всякаго человѣка представится чистымъ зерцаломъ, въ которомъ живо изображено бытiе Божества; особливо когда воззримъ на теченiе судебъ его. Малѣйшее обстоятельство, подобно цѣпи, связано съ важнѣйшими: всякое произшествiе есть причина другаго. Настоящее событiе завсегда познается чрезъ предъидущее, когда обращаемся къ протекшимъ временамъ. Смертные! вы лишаете себя величайшаго удовольствiя, если не внемлете сей важной истинѣ; и ежели безъ всякаго размышленiя управляетесь случаемъ. Мудрый протекаетъ умственно всѣ приключенiя своей жизни; ищетъ причинъ, для которыхъ то или другое съ нимъ случилось; но благоговѣетъ, когда слышитъ гласъ Божiй; ибо сей гласъ отвѣтствуетъ на каждой вопросъ его, когда онъ сличаетъ настоящее съ прошедшимъ....Въ мiроправленiи не

рѣдко представляются такія обстоятельства, кои можно истолковать не прежде, какъ по прошествіи тысячи лѣтъ, а инныхъ начало сокрыто въ вѣкахъ протекшихъ. Причины завсегда убѣгаютъ, и въ своемъ стремленіи непрестанно дѣйствуютъ; доколѣ на конецъ не возникнетъ то, чему надлежало сбыться отъ содѣйствія неизчислимыхъ причинъ. Одни виды вещей усиливаются, а другіе оскудѣваютъ или и вовсе изчезаютъ: причина сихъ явленій обнаруживается на конецъ чрезъ длинный рядъ лѣтъ или вѣковъ, когда достопримѣчательное произшествіе своею необыкновенностію поражаетъ наше зрѣніе.... Мы приходимъ въ свѣтъ, и играемъ нашу ролю въ опредѣленное время. Въ цѣпи всемірныхъ произшествій мы открываемъ не больше, какъ одно звѣно, то есть мгновеніе, въ которое живемъ; слѣдовательно не должно удивляться, ежели не проникаемъ всеобщаго цѣлаго. Въ семъ случаѣ уподобляемся приходящимъ въ комедію, когда уже половина піесы представлена: сіи не въ состояніи судить о красотѣ цѣлой піесы; равно и намъ не льзя увѣрительно рѣшить множество сомнѣній. Христофоръ Колумбъ открываетъ новый міръ: Гишпанцы

толпами стекаются къ брегамъ отдаленной страны. Больше побуждаемы гнусною корыстїю и алчбою злата, нежели славою Христїанства, они убиваютъ несмѣтныя тысячи Американцовъ, и дѣлаются обладателями ихъ сокровищъ. Какой ужасной ударъ для сей нещастной земли! Издыхающїя тѣла несутся по волнамъ, и ихъ кровь вопїетъ на небо о отмщенїи: Они море представляютъ свидѣтелемъ лютой жестокости сихъ кровожаждущихъ варваровъ, которыхъ учинились не повинными жертвами.... Какоежъ добро было сопряжено съ симъ плачевнымъ произшествїемъ? Правда въ очахъ Божїихъ всегда ненавистны были гоненїе, кровопролитїе и смертоубивство; но чрезъ сихъ самыхъ людей, такъ злодѣйски поступавшихъ въ величайшей части земли, стало на конецъ испровергнуто царство мрака и суеверїя, и вѣра основана. Число Христїанъ составлявшее тогда едва ли четвертую часть населяющихъ землю половиною было умножено чрезъ продолжавшееся обращенїе язычниковъ сего новаго свѣта. Я простираю взоръ свой на послѣдствїе временъ, и вижду страшныя знаменїя Божїя правосудїя.... Протекая бытописанїя новѣйшихъ вѣковъ, усма-

триваю, что спустя много лѣтъ, отъ береговъ Гишпанскихъ выступаетъ въ море сильный и не побѣдимый флотъ: его намѣреніе напасть на щастливый островъ, и покорить себѣ жителей онаго. Флотъ сей на крылахъ вѣтра несется въ видѣ не смѣтной силы саранчи, которая еще издалека грозитъ странѣ нещастіемъ... Но какая ужасная и нечаянная гроза открывается вдали, и дѣлаетъ меня внимательнымъ! Появляется штурмъ на морѣ, воздухъ воспламененъ тысячею молній, одна за другою послѣдующихъ; вѣтры и волны ополчаются противу флота: и се корабли сокрушаются; многія тысячи человѣкъ погибаютъ бѣдственно. Какую злополучную участь влекла за собою гибель цѣлой страны....Боже мой! Естьлибъ было позволено мнѣ, мнѣ сущему предъ тобою пепелъ и прахъ, съ дерзновеніемъ приникнуть во святилище вѣчныхъ твоихъ судебъ: то я сказалъ бы, что праведный Твой гнѣвъ чрезъ толико лѣтъ открылся единственно въ отмщеніе за угнѣтенной народъ; за толикія милліоны людей избіенныхъ, и большею частію поглощенныхъ волнами морскими. Сколько невинной крови еще было бы пролито!...Вотъ какимъ

образомъ Богъ осуществляетъ Высочайшія свои намѣренія, попуская иногда нещастныя событія: я хочу чрезъ то доказать, что Богъ всегда справедливъ и всегда благъ; даже тогда, когда насылаетъ огорчительныя приключенія.

§ 50.

Третіе начало, утверждающее сію истинну, состоитъ въ томъ, что Богъ нещастіе людей употребляетъ средствомъ къ освобожденію ихъ отъ большаго злополучія. Человѣкъ подлежитъ безчисленнымъ злоключеніямъ: тѣло его составлено ни изъ желѣза, ни изъ стали; это есть хитросплетенное и нѣжнѣйшее сцепленіе плоти и кости, весьма подверженное порчи извнѣ, такъ что даже удивительно, какимъ образомъ столь долго торжествуетъ онъ надъ смертію. Вникая во внутренность нашего тѣла, нельзя не чудиться нѣжности сосудовъ, жилъ и тончайшихъ трубочекъ, въ коихъ кругообращается кровь, и которыя почти ежеминутно готовы прерваться. Ежели разсмотримъ внѣшнія наши части, то увидимъ, что они также подлежатъ неизъясненнымъ опасностямъ: малѣйшее излишество, легчайшее даже дуновеніе вѣтра въ состояніи

сдѣлать насъ больными, и низложить во гробъ. Смерть непрестанно вьется предъ нашими глазами; самая малость довлѣетъ къ порожденїю въ насъ болѣзней и прискорбїй, могущихъ пресѣчь нить жизненную. Сколько событїй можно представить, кои въ состоянїи еще другимъ образомъ содѣлать людей нещастными! Пусть только обратятъ вниманїе на разные роды припадковъ, на безчисленные виды огорченїй, на множество прискорбныхъ обстоятельствъ возмущающихъ душу; на различныя стеченїя, кои извнѣ дѣлаютъ насъ не совершенными, и восхищаютъ у насъ честь, имѣнїе, друзей и прочее сему подобное: поистиннѣ надобно признаться, что человѣкъ въ настоящемъ его положенїи подлежитъ многимъ бѣдствїямъ. Но уступятъ такъ же, что одно нещастїе завсегда гораздо меньше, нежели другое: ибо сохраненїе жизни кто бы не предпочелъ щастїю? и кто бы не пожелалъ лучше перенесть тягчайшую болѣзнь, нежели подвергнуться легчайшей казни злодѣевъ? Такимъ образомъ попущать меньшее зло въ намѣренїи избѣжать большаго, значитъ имѣть спасительную цѣль. Во разпредѣленїи нашихъ участей находимъ очевидныя

тому доказательства; часто сами себя подвергаемъ величайшей опасности, въ которой мы бы погибли, естьли бы не повстрѣчался чудесный случай, сверьхъ всякаго ожиданія, предохранившій насъ отъ пагубы. Часто также, не подавъ тому причины, находимся въ такихъ обстоятельствахъ, кои привели бы насъ въ бѣдственное состояніе, естьлибъ Верховный распредѣлитель жребія нашего не отклонилъ бури, висѣвшей надъ нами. Одинъ богатой купецъ приближаясь къ лѣсу, впалъ въ нечаянную и тяжкую болѣзнь; что заставило его для излѣченія возвратиться къ гостинницу. Люди его изъ сожалѣнія оплакивали сей непріятный случай; но онъ имъ отвѣтствовалъ: что весьма доволенъ своею участью....Подъ конецъ дня пришелъ на ночлегъ бѣдной, но добродѣтельной человѣкъ, которому купецъ приказалъ дать милостыню, и которымъ онъ былъ узнанъ. Благодарите Бога, вскричалъ старецъ, что занемогли въ пути своемъ. Ибо разбойники во весь день стояли на засадѣ въ рощѣ, чтобъ ограбить и умертвить васъ. Безъ сомнѣнія, ежедневно бываетъ множество такихъ событій, чрезъ кои мы избѣгаемъ большаго нещастія;

прискорбно только то, что не всѣ оныя доходятъ до нашего свѣденія. Когда бы могли мы знать, въ теченіе нашей жизни отъ коликихъ опасностей спасены, которыя однакожъ не минуемо бы насъ постигли, естьлибъ не испытали меньшаго зла: конечно бы ужаснулись, и со трепетомъ поверглись предъ попечительнымъ Божествомъ. На примѣръ, разсмотримъ младенца въ самомъ цвѣтѣ нѣжнѣйшаго его возраста, и увидимъ, коликимъ страхамъ онъ подвергаетъ себя: ибо прозрѣніе Верховнаго Существа не льзя лучше узнать, какъ чрезъ приключеніе съ сими птенцами: ибо они отъ невѣденія и рѣзвости не рѣдко вдаются въ величайшую опасность, однакожъ рѣдко видно, чтобъ они бѣдствовали. Отваги ихъ по большей части оканчиваются малымъ окровавленіемъ, или просто оцарапаніемъ головы....

Нѣкогда прогуливаясь по пристани, увидѣлъ я на кораблѣ обезьяну, которая у матросской жены исхитила груднаго младенца, и забавлялась съ нимъ на самой вершинѣ мачты: при пронзительномъ воплѣ матери, обезьяна тотчасъ опустилась, и дитя уложила въ колыбель, не причинивши ему никакого вреда.

§ 51.

Но гдѣ найти много такихъ людей, кои разсуждали бы о сей истинѣ? Никто мнимаго зла не различаетъ отъ зла существеннаго; никто не разсматриваетъ вещи во всѣхъ ея видахъ. Одни наружности управляютъ нашимъ сужденїемъ: мы совѣтуемся со своими чувствами, и прїемлемъ ихъ за путеводителей себѣ. И такъ не надобно удивляться множеству заблужденїй, когда ежеминутно попускаемъ себѣ обманываться....Путешественникъ спотыкнувшись, зритъ предъ собою ящикъ потерянный: открываетъ оный, и не видя ничего кромѣ мѣлкаго каменья; котораго не разумѣетъ цѣны: какъ я обманулся, говоритъ самъ въ себѣ, и далеко отъ себя бросаетъ ящикъ....За нимъ послѣдуетъ другой, которой его поднимаетъ съ земли: будучи умнѣе перваго, приноситъ мѣлкое каменье къ торгующимъ Галантерейными вещами, и узнаетъ, что это суть изумруды, рубины и прочее. Подобно сему заблуждаемъ, судя о приключенїяхъ нашея жизни. Каждой огорчительной случай устрашаетъ насъ при первомъ на него воззрѣнїи. Прикладываютъ понятїя свои къ поня-

тіямъ о злѣ, смотрятъ только на зло, а на добро никогда; полагаются на свидѣтельство своихъ страстей; и наконецъ дѣлаются невольниками своихъ чувствій....Стучится у воротъ посланной: онъ извѣщаетъ Петронію о печальномъ произшествіи. Еще не совсѣмъ выслушавши, начинаетъ она взадъ и впередъ ходить по покою, слагаетъ руки на крестъ, раздираетъ покрывало свое, терзаетъ власы, рыдаетъ, и пришедъ въ отчаяніе, жалобный испускаетъ вопль: Ахъ! сколь я нещастлива! Увы! смерть предстоитъ! Превѣчный поражаетъ меня своимъ громомъ! Наконецъ враги мои торжествуютъ! Я нещастливѣе всѣхъ тварей въ подсолнечной!...Что же значатъ сіи сумозбродства? Къ чему служатъ?--Къ большему стѣсненію ея сердца, къ умноженію смятенія. Для чего бы не повременить, чтобы осмотрѣть вещь со всѣхъ точекъ зрѣнія? Для чего на помощь не призвать разсудокъ? Для чего не размыслить, не клонится ли сіе къ большему для меня щастію? И что представляется мнѣ въ видѣ зла, естьли таково въ своей сущности? Сколь легко людямъ обмануться, судя по однимъ только наружностямъ? Подъ кожею яростнаго льва часто

скрывается мирный агнецъ. Почто такъ сильно превожиться отъ случаевъ неизбѣжныхъ; особливо когда уныніемъ, вмѣсто облегченія, еще отягчается наша судьба? Нѣкогда загорѣлся домъ: музыкантъ, которому оной принадлежалъ, видя, что нѣтъ способу спасти его отъ огня, ухватилъ свою скрипку, вышелъ вонъ, сѣлъ насупротивъ, заигралъ, и воспѣлъ: какъ пришло, такъ и пошло.

§ 52.

Весьма утѣшительно для человѣка не предвидѣть заключеній ему угрожающихъ. Чувствіе причиняемое зломъ удивительно слабѣетъ, когда сіе бываетъ скоропостижно. Казнь злодѣя, которому отрубаютъ голову, сверхъ всякаго чаянія, гораздо легче, нежели того, кому приговоръ смерти объявляютъ за нѣсколько часовъ прежде....Почему солдатъ на войнѣ былъ съ толикимъ безстрашіемъ? Потому что не предвидѣлъ, что надобно было ему погибнуть. Почему купецъ сѣлъ на судно съ такою веселостію и поспѣшностію? Потому что отъ свѣденія его сокрыто было кораблекрушеніе. Такимъ образомъ прозрѣніе Божества ясно тѣмъ доказывается, что отъ очей нашихъ сокры-

ло будущія напасти. Но предположивъ извѣстность оныхъ, долгъ благоразумія не предаваться смятенію, а для укрощенія своей скорби употреблять слѣдующія средства: Первое, избѣгать грозящаго нещастія, или какимъ нибудь способомъ стараться оное предупредить. Когда искусной Генералъ открываетъ подкопъ, тотчасъ назадъ отступаетъ. Богъ не хощетъ, чтобъ мы безразсудно вдавались въ опасность: а на противъ того употребляли бы всѣ наши силы, или всю нашу расторопность, дабы отклонить ее отъ себя....На сихъ дняхъ, восходя на мостъ, гдѣ работа производилась, я увидѣлъ упавшаго въ воду человѣка: сіе приключеніе побудило меня возвратиться вспять. Нѣкогда въ лѣсу услышалъ я вой дикаго звѣря, и взялъ предосторожность, не входить туда....Второе, видя, что нѣтъ никакого способа избѣгнуть опасности, должно предаться волѣ Создателя. Вотъ заключеніе умнаго человѣка: Верховное Существо насылаетъ на меня скорбь; но выборъ Его останавливается завсегда на лучшемъ.... Третіе, вопрошая себя, въ какомъ намѣреніи Богъ попущаетъ то или другое, и уразумѣвъ оное, стараться

жить сообразно желанію безконечной мудрости. Многіе прилѣпляютъ сердце свое къ суетамъ земнымъ; Богъ хощетъ ихъ отклонить отъ сего отнятіемъ случаевъ.... Четвертое, мудрый совѣщается съ разумомъ, и испытуетъ, какое добро сопряжено съ непріятностію. Онъ говоритъ самъ себѣ: можетъ быть я избѣгнулъ гораздо большаго нещастія. Изъ двухъ несовершенствъ меньшее для меня есть добро. И дѣйствительно претерпѣваютъ бѣдствіе съ удовольствіемъ, зная, что чрезъ сіе спаслись отъ большей напасти. Больной, у котораго Антоновъ огонь точитъ руку, мужественно простираетъ ее врачу, и велитъ оную отрѣзать.... Пятое, онъ раздробляетъ послѣдствія каждой печальной встрѣчи, и вопрошаетъ себя, какое имѣютъ они вліяніе на будущія обстоятельства. Домъ мой згорѣлъ до основанія: робѣть не должно, чрезъ то созижду новой. Лишаюсь родителей: возьму терпѣніе; Богъ творитъ меня наслѣдникомъ ихъ имѣнія. Я могу употребить оное въ его славу. Несутъ дѣтей моихъ въ могилу: ну что же! Не буду больше заботиться о ихъ участи. Посылаютъ меня въ заточеніе; утѣшаю себя тѣмъ, что имѣю случай соста-

вить для себя щастїе въ другой землѣ....Шестое, мудрецъ беретъ примѣръ съ тѣхъ, кои еще его жалостнѣе: и подобно имъ содержитъ себя въ готовности сносить всѣ печальныя приключенїя, даже самую смерть не устрашимо. Тотъ, или другой терпитъ большее бѣдствїе, и терпитъ благодушно; для чего мнѣ не быть его подражателемъ?

§ 53.

Для приведенїя сихъ средствъ въ дѣйство, человѣкъ желающїй себѣ облегченїя въ своихъ нещастїяхъ, имѣетъ самъ себя вопрошать такимъ образомъ: Для чего сїе огорченїе мнѣ случилось? Зломъ, или нѣтъ, называть его надобно? Воображенїе не обманываетъ ли меня? Былъ ли бы я щисливѣе, естьлибъ сїе не постигло. Положенїе мое больше ли къ совершенству, или несовершенству подходитъ? Сїя ли участь не можетъ сдѣлаться основою благополучїя? Сносна ли она, или несносна? Такова ли въ самомъ дѣлѣ, каковою себѣ представляю? Какое имѣетъ отношенїе къ другимъ обстоятельствамъ моея жизни? Какое ея влїянїе на совокупность другихъ событїй? Не нахожу ли въ ней какихъ слѣдовъ, доказательствъ, знаковъ премудрости

и благости Божїей? Почто мнѣ проливать слезы? Чрезъ ропотъ не учинюсь ли я виновнымъ? Не оглушенъ ли ревомъ моихъ страстей, которыя препятствуютъ внимать гласу разума, и въ положенїи моемъ узрѣть славу Божества и мое благосостоянїе? Нельзя ли чувствїй подчинить разсудку? Что помыслятъ о мнѣ, естьли я уныванію, какъ безумный? Достойно или нѣтъ, бѣдствую? Лишаюсь ли чрезъ то надежды улучшить мой жребїй? Чѣмъ наконецъ кончится моя печаль? Перемѣнятся ли мои обстоятельства отъ того, что заливаюсь слезами? Не лучше ли терпѣливо переносить угнѣтающїе обороты судьбы, и взирать на нихъ, какъ на наказанїе Высочайшаго Существа? Можетъ быть я не орудїе ли, чрезъ которое возвѣщается слава Творца? Такимъ образомъ зло сїе, не естьли зло мечтательное, и не клонится ли къ моей пользѣ?

§ 54.

Почто убо огорчаться? Почто роптать на участь? Да удалится безпокойствїе, которое мучитъ меня, и возмущаетъ сердце. Теперь знаю, что все надо мною збывается по волѣ промысла, который и самое зло обращаетъ во благо: Господь даде,

Господь и отъя. Для чего сокрушаться потерею мнѣ не принадлежащаго? Сколь я ни скуденъ, но всегда имѣю нужное. Богатство измѣряется не количествомъ сребра, но отношенiемъ къ обстоятельствамъ, въ которыхъ люди находятся. Государь убогъ при ста тысячахъ гульденовъ: крестьянинъ богатъ, когда имѣетъ тысячу ефимковъ. Все имѣю, имѣя потребное для моего состоянiя. Излишество не пользуетъ. Богатъ тотъ, кто весьма не многаго желаетъ; а зарывшiйся въ кучахъ золота, и всегда томимый алчбою онаго, поистиннѣ бѣднѣйшiй человѣкъ. Кратесъ, мудрецъ Өивкiй, все свое золото и дорогiя каменья бросилъ въ море; ибо ему казалось, что збереженiе ихъ было ему въ тягость, и что онъ непрестанно мучился боязнiю ихъ потерять. блаженъ, кто умѣетъ малымъ быть доволенъ! Одинъ философъ садился на корабль для отплытiя въ отдаленныя страны: каждый изъ его сопутниковъ приносилъ съ собою какой нибудь запасъ, состоящiй изъ разныхъ товаровъ, или изъ другихъ сокровищъ; удивляясь, что сей любомудръ пускается въ дальный путь безъ ничего, вопросили, гдѣ его дорожныя потребности?

Онъ отвѣтствовалъ: Все съ собою ношу.

§ 55.

Я неученъ; но недостатокъ сей награждаю добрымъ поведенїемъ. Прямая душа несравненно предпочтительнѣе надутой пустыми мечтами головы. Выдающихъ себя за ученыхъ можно уподобить разстроенным органамъ, коихъ звукъ непрїятенъ; однакожъ издаютъ изъ себя большой гулъ, когда вѣтръ дуетъ въ трубочки.

§ 56.

Я не разъѣзжаю въ блистательномъ экипажѣ; но не совращаюсь также со стези добродѣтели. Не будутъ упрекать меня въ томъ, что роскошь моя осуждаетъ на сухоядение многихъ честныхъ людей, чтобы прокормить большое стадо лошадей. Я не облеченъ въ пышныя достоинства; но въ замѣну сего не есмь невольникъ. Я не громокъ въ мїрѣ, но за тѣмъ не страшуся низверженїя и всегдашняго безпокойства отъ завистливыхъ. Высокїя древа и крутыя горы всего больше подвержены жестокимъ бурямъ; между тѣмъ какъ вѣтръ слегка только касается смиренныхъ рощицъ и низ-

кихъ долинъ. Чѣмъ выше стоятъ, тѣмъ тягостнѣе паденіе; чѣмъ больше должностей, тѣмъ больше требуется предосторожностей. Я ублажаю мой жребій. Добродѣтель есть величайшее благородство нашей души; и одобреніе чистой совѣсти изящнѣе всѣхъ почестей.

§ 57.

Друзья мои превышаютъ меня имуществомъ: тѣмъ лучше. Все, что другой имѣетъ излишняго, ему не принадлежитъ. Провидѣніе снабдило его потому, что онъ лучше меня знаетъ употребить оное въ пользу. Для чего мнѣ завиствовать? никакое богатство недостаточно къ тому, чтобъ удовлетворить движеніямъ великодушнаго, благотворительнаго сердца. Пусть бочки золота ежедневно къ нему катятся: онъ легко освободится отъ нихъ.

§ 58.

Мой врагъ тѣснитъ меня. Изрядно! Я лобызаю у него руки. Онъ испытуетъ мое терпѣніе, и заставляетъ больше прилѣпиться къ Богу: онъ устрояетъ мое блаженство въ вѣчности, между тѣмъ какъ друзья усыпляютъ меня. Да

будетъ онъ долголѣтенъ, и счастливъ до самой маститой старости....Клевещутъ на меня, и стараются повредить честь мою: Ахъ! былъ бы я совершенной безумецъ, естьлибъ началъ симъ огорчаться.... Ежели хула моихъ враговъ основательна, то благодарю имъ, ибо исправлю себя; ежели же не основательна, въ такомъ случаѣ позволяю злымъ людямъ говорить, что хотятъ. Буду ли совершеннѣе, ежели меня похваляютъ ласкатели? Унизятъ ли мое достоинство, когда станутъ порочить меня? . . . Часто приходитъ вкрадчивый слуга, который меня хвалитъ; превозноситъ мои заслуги, привѣтствуетъ мнѣ всѣми возможными учтивостями. Я смотрю на него, и говорю, ты не иное что, какъ льстецъ....Тотъ достоинъ похвалъ, кто слушая ихъ краснѣетъ; и равнодушенъ бываетъ, когда его злословятъ....Друзья наши никогда, или рѣдко говорятъ намъ правду; непріятели же пристально смотрятъ на всѣ наши недостатки. Начиная съ великаго Могола, даже до невольника, который служитъ у него привратникомъ, никто не изъятъ отъ порицанія; и когда вѣнчанныя главы и мудрецы должны терпѣть отъ

клеветы; то для чего мнѣ быть малодушнымъ? Аристотель былъ гораздо просвѣщеннѣе меня; однакожъ имѣлъ порицателей. Сократъ былъ добродѣтельнѣе; со всѣмъ тѣмъ не спасся отъ злорѣчїя и безславїя. Сей любомудръ видѣлъ, что добродѣтели его и достоинства чрезъ происки зложелателей привели его въ посмѣянїе; однако не преставалъ быть великодушнымъ и умнымъ: мало сего; онъ никогда не пропускалъ комедїи Аристофановой, которая была играна на его щетъ. Враги наши суть бичи въ руцѣ Божїей; умной человѣкъ не къ жезлу, но къ рукѣ онымъ дѣйствующей, дѣлаетъ вниманїе. посягающїй на жизнь своего врача уподобляется такому дитяти; которое разсердясь, сожигаетъ прутья, не помышляя, что остается еще много прутья на свѣтѣ.

§ 59.

Померли мои покровители, и я уже не имѣю больше милостивцевъ. Чтожъ за симъ? не имѣю также, кому бы долженствовалъ ласкательствовать, ни страшиться кого. Не буду грустить, какъ случалось сїе, когда замѣчалъ, что ихъ благосклонность сверхъ всякаго ожиданїя начинала колебаться. Не буду принужденъ

извѣшивать моихъ словъ, ни страшиться, дабы моя униженность не была дурно протолкована. Я лишенъ удовольствія, на лицѣ моего покровителя видѣть пріятное помазаніе головы и улыбку; но въ замѣну сего не тревожусь, что со мною случалось, когда спустя часъ, онъ казался прихотливымъ и своенравнымъ. Одинъ у меня повелитель; это есть Высочайшее Существо. Почто убо опираться мнѣ на ломкомъ тростникѣ, когда имѣю твердую подпору? . . . Діогенъ Циникъ не былъ такъ простъ, какъ обыкновенно его воображаютъ себѣ. Когда Александръ Великій пришелъ посмотрѣть его, и позволилъ ему просить у себя милости: тогда онъ отвѣтствовалъ, что проситъ его только устраниться; ибо тѣнь его лишала свѣта солнечнаго.

§ 60.

Множество людей ропщутъ, и жалуются, что природою обезображены. Глумятся о мнѣ говоритъ иной, и я стыжусь быть въ обществѣ; ибо дѣлаюсь предмѣтомъ всеобщей издѣвки. Но почто стыдиться того, чего самъ не причиною? Богъ образовалъ его, и промыслъ бдитъ надъ нимъ равно, какъ и

надъ прочими твореніями. Это суть безумцы, жалкіе глупцы, которые издѣваются надъ его дурнотою. Благоразумные люди пожалѣютъ о его участи, и въ облегченіе оной постараются вспомоществовать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Какая ему нужда, что безумецъ осуществляетъ внушенія своея глупости? Ежели только находится въ насъ прекрасная чета души и разума, то да не скорбимъ о безобразіи нашего тѣла.

§ 61.

Теперь то я злополучный человѣкъ! на прошедшихъ дняхъ прохаживался, и переломилъ себѣ руку.--- Что до того? Благодарю небо, что не смертельно ушибся . . . . Однакожъ надобно мнѣ лежать въ постели, страшась сдѣлать малѣйшее движеніе: тоскую, мучусь, и несносною нахожу ощущаемую боль. Многія недѣли, а можетъ быть и мѣсяцы протекутъ, прежде нежели освобождусь отъ нещастія. Какъ могу увѣриться, чтобъ сіе приключеніе было изъ лучшихъ для меня!...Ахъ! будь терпѣливъ въ твоихъ страданіяхъ; ибо сіе нещастіе есть средство, чрезъ которое Богъ хощетъ тебя при-

влечь къ себѣ. Многїе люди берутъ примѣръ отъ твоего злоключенїя; они душевно сожалѣютъ о твоей участи, и сожалѣнїе дѣлаетъ ихъ наилучшими твоими друзьями! Тотъ, кто прежде едва ли мыслилъ о тебѣ, нынѣ наслаждается прїятнѣйшимъ удовольствїемъ посѣщать тебя, и облегчать твою горесть.... Ежели болѣзнь изъ числа тягчайшихъ; обыкновенно должна быть непродолжительна. Легкая? слѣдовательно сносна. Есть много людей жалостнѣе тебя. Сколь плачевно страждутъ немоществующїе каменною болѣзнїю и подагрою, или другими ужасъ наводящими припадками! Одному Ирландцу неминуемо надлежало побывать въ Англїи: при входѣ его въ шлюбку, изъ веревокъ составленная лѣстница порвалась, и своимъ паденїемъ переломила у него ногу.... Ахъ! возопилъ онъ, благодарю тебя, великїй Боже! ибо сей случай есть самый благопрїятный. Друзья его симъ изумленные, возразили ему: какимъ образомъ могло быть то для него полезно, когда онъ принужденъ сталъ отложить нужнѣйшую отлучку изъ дома, а сверхъ того еще ноги лишился? Но какъ они ужаснулись, услышавши, что на поло

винѣ пути шлюбка утонула со всѣмъ грузомъ!

§ 62.

Я еще молодъ, и надлежало мнѣ еще долго жить: но увы! видя себя простерта на болѣзненномъ одрѣ, чувствую, что долженъ умереть въ самомъ цвѣтѣ моея юности!...Утѣшься; сїе опредѣленїе есть для тебя самое лучшее, равно какъ и для цѣлаго мїра. Богъ предвидитъ, что ты уже не полезенъ на земли; преемникъ твой въ состоянїи лучшїя оказать обществу услуги. Благодари Верховное Существо, что освободило тебя отъ зла неразлучнаго съ настоящею жизнїю....Ахъ! какъ бы я счастливъ былъ, ежелибъ смерть теперь же пришла восхитить меня. Во гробѣ мирно покоятся; и се мѣсто, отнюду же отбѣже всякое злоключенїе! Добродѣтельный человѣкъ взираетъ на смерть, какъ на Ноева голубя, приносящаго масличную вѣтвь въ знакъ мира.

§ 63.

Родители, братья, сродники, лучшїе изъ друзей отъяты у меня немилосердою судьбою. Сижу при гробѣ ихъ, и горестно рыдаю: слѣдую за мертвыми ихъ тѣлами, и не могу воздержаться отъ стенанїя:

прихожу къ могилѣ ихъ, и заливаюсь слезами....Смертный! къ чему служатъ твои прискорбія? Возбудишь ли отъ смертнаго сна блѣдныя и померкшія сіи тѣла своими стенаніями? Потерпи не много; когда друзья твои скроются въ землѣ: тогда и слезы твои изсякнутъ; ибо по большой части оплакиваемъ умершихъ дотолѣ, доколѣ они находятся предъ нашими глазами. Сверхъ того, почему странною тебѣ кажется потеря друзей! или ты не зналъ, что они были смертны; это есть дань, которую всякой изъ насъ рано или поздо долженъ заплатить. Почто жалѣть о кончинѣ тѣхъ, коихъ когда нибудь надобно было лишиться? Что изъ того, что они восхищены ранѣе или позже нѣсколькими часами? Смерть ихъ посѣкла; будь доволенъ, что тебя въ число ихъ не включила, и прежде ихъ надъ тобою не свершила своего удара. Ты ежедневно видишь мертвыя тѣла; и удивляешся, когда другъ твой платитъ дань природѣ. Мы люди, а не Боги. Сего дня я, завтре ты; а спустя нѣсколько, всѣ мы въ прахъ превратимся. Жизнь наша премѣняема: одинъ умираетъ, другой раждает-

ся; и въ теченіи ста лѣтъ земля представляетъ новый міръ. Сколько находится людей, могущихъ содѣлаться намъ друзьями, кои, можетъ быть, еще большее возмутъ участіе въ нашей судьбѣ, нежели ближайшіе изъ родственниковъ?....Умеръ у тебя отецъ; не отчаявайся: истинный твой Отецъ никогда не умретъ. Промыслъ никогда не оставляетъ вдовъ; и сироты суть предмѣтъ особенныхъ его попеченій...Многіе люди не были бы ни столь просвѣщенны, ни столь благополучны: когда бы за благовременно не потеряли отцовъ и матерей своихъ: съ другой стороны безмѣрная привязанность къ семейству и дружеству бываетъ великимъ намъ предосужденіемъ. Меланія, отличнѣйшая и добродѣтельнѣйшая изъ женъ, вдругъ лишилась супруга и двухъ сыновей.... Жалостная участь, поражающая прелестнѣйшую особу слабаго пола! Какихъ мучительныхъ безпокойствій не должна была чувствовать! Сколько могла роптать на отяготившаго ея судьбу! Напротивъ того, она поверглась на землю, и возопила: Боже праведный! теперь то хощу я кланятися Тебѣ съ большею прежней горячностію; ибо Ты отвратилъ мое

сердце отъ предмѣтовъ, кои я съ лишкомъ страстно любила.

§ 64.

Но какія пронзительныя жалобы ударяютъ въ мой слухъ, и дѣлаютъ меня столь внимательнымъ! Это суть болѣзненные крики узника. Я невиненъ, говоритъ онъ, а меня ввергаютъ въ оковы: я долженъ подвергнуться казни за преступленіе, коему ни мало не причастенъ: содержусь въ мрачной темницѣ и рыдаю. Невольника осужденнаго на галеры по крайней мѣрѣ солнце освѣщаетъ; а я отчужденъ лучей сего благодѣтельнаго свѣтила, и почитаютъ меня недостойнымъ даже дышать чистымъ воздухомъ. Я разлученъ съ лучшими друзьями, проливающими слезы о моемъ нещастіи; не остается никакой надежды разглагольствовать съ ними въ мірѣ семъ. Непріятели увеселяются пожертвованіемъ меня ихъ мести. Влачимые мною оковы печатлѣются на моемъ тѣлѣ; и сколько я ни буду стенать въ семъ отриновеніи, никто не услышитъ, и не сжалится надъ моими стенаніями. Днемъ слезы ослабляютъ зрѣніе, а ночью отъ страшныхъ призраковъ леденѣютъ

чувства: это моя супруга, это мои дѣти, мой нѣжной отецъ, и печальная мать отягченные старостїю, которыхъ зрю предъ глазами, и которые не смѣютъ объявить мнѣ чрезмѣрности моего бѣдствїя: они накрестъ слагаютъ свои руки, и возводятъ очи къ небу.... Боже! Боже мой, колико ужасна моя судьба!... Стѣны моей темницы по видимому тронуты моимъ нещастїемъ. Но судїи, судїи неправедные имѣютъ каменное сердце!...При звукѣ оковъ выводятъ меня оттуда; и я дѣлаюсь посмѣшищемъ дѣтей....Мое бѣдствїе не изъяснимо, и сердце кровїю обливается, когда воображу о своей невинности....Хлѣбъ и вода есть вседневная пища, отъ которой тѣло становится слабымъ и дебелымъ, и всѣ члены мои изнемогаютъ....Кто знаетъ, колико часовъ, колико дней, колико лѣтъ осужденъ я жить еще въ семъ положенїи, которое терзаетъ мою внутренность?...Кто знаетъ, когда глаза мои сомкнутся на вѣки, и предастся тѣло мое землѣ на снѣденїе червямъ?...Ежедневно призываю смерть безчисленными вздохами; но чѣмъ больше ея желаю, тѣмъ далѣе жестокая бѣжитъ отъ меня.... Боже мой! Боже мой: сїя бременящая

судьба какъ можетъ быть почтена лучшею для меня?

§ 65.

Такъ, нещастный человѣкъ! сїе злополучїе есть одно изъ величайшихъ въ жизни....И потому на раны твои хочу излить бальсамъ утѣшенїя. Ты страждешь, и страждешь безвинно. Какое утѣшенїе для души, ежели она чиста, какъ говоришь! Это есть сладостное облегченїе, которое одно можетъ успокоить смятенное сердце твое. Благодать Божїя есть свѣтильникъ, которой также и тебѣ свѣтитъ во мрачномъ узилищѣ, гдѣ стенаешь. Хотя тѣло твое заключено въ оковы; но духъ твой не порабощенъ. Плѣнъ намъ естественъ. Не былиль мы чрезъ девять мѣсяцовъ сокрыты въ матерней утробѣ? Гробъ въ такой же тѣснотѣ насъ содержитъ. Во всю жизнь человѣкъ носитъ съ собою темницу, въ которую заключена безсмертная твоя душа....Враги твои торжествуютъ? въ замѣну сего друзья оплакиваютъ твое бѣдствїе. Лишенъ ты обращенїя съ ними; утѣшься, имѣешь нынѣ случай разглагольствовать съ Богомъ....Безпокоятъ тебя оковы; потерпи, время и навыкъ учинятъ ихъ сносными. Съ

теченіемъ времени ко всему привыкаютъ; и яростная буря обыкновенно скоро проходитъ. Не умолимые твои судіи внезапу воспріимутъ мзду свою. Честнѣйшіе и отличнѣйшіе люди испытали, подобно тебѣ, такуюжъ участь; они скончались съ великою славою, и ежедневно живутъ въ бесѣдахъ потомства... Ежели ты здоровъ; то хлѣбъ и вода есть самая благороднѣйшая пища для сохраненія твоего. Къ чему бы послужили нѣжнѣйшія яствы во время твоей болѣзни, и среди тяжкихъ мученій?... Завтра, можетъ быть, будешь ты разпростертъ во гробѣ, гдѣ смерть положитъ конецъ всѣмъ страданіямъ, вводя тебя въ блистательной подвигъ блаженства. Ты мученикъ Вышняго, ибо невинно терпишъ. Имѣешъ убѣдительное увѣреніе о безсмертіи твоей души, и о грядущей жизни, гдѣ Богъ вѣнчаетъ славою невинныхъ страдальцовъ. Ты сомнѣваешся, чтобы сія участь была изъ лучшихъ для тебя; но вопроси наклонности и движенія сердца своего, не удалился ли ты отъ верховнаго блага. Силы твои въ состояніи ли сдѣлать тебя счастливымъ побѣдителемъ всѣхъ прелестей и всѣхъ суетствій міра сего?

Скорбь и несчастіе суть тенеты любви, коими промыслъ уловляетъ наши сердца. Впрочемъ извѣстны ли тебѣ всѣ причины, для которыхъ насылаетъ на тебя напасти? Можетъ быть еще это одинъ изворотъ, дабы вознести тебя на высоту величія и счастія. Ежелибъ Іосифъ не влачилъ оковъ въ неволѣ; не былъ бы украшенъ златыми цѣпьми отъ фараона,...Да изчезнутъ убо всѣ мечты мучащія, и опечаляющія душу твою. Враги твои въ коликую повергнутся робость, когда обнаружится твоя невинность, и ты заступишъ ихъ мѣста. А неправедныхъ судей низринутъ, и осудятъ на заглажденіе твоего безчестія. Тогда то увидишь себя награжденнымъ, и тѣмъ больше, чѣмъ долѣе страдалъ. На конецъ скажешь самъ, что участь твоя была выгоднѣйшая какъ для тебя самаго, такъ и для цѣлой связи существъ.

§ 66.

Примѣры и картины имѣютъ особенную силу печатлѣть въ умѣ нѣкоторыя истины; и они тѣмъ полезнѣе, что большая часть людей, живущихъ безъ всякихъ правилъ, надежно идутъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. И поели-

ку примѣры уподобляются мѣстамъ отдохновенія, гдѣ утружденный читатель обновляется въ своихъ силахъ: то хочу я сіе начало утѣшенія заключить достопамятною повѣстію, въ которой сокращенно изложится все мною говоренное во второй сей части. Арсемъ и Филимонъ были младые близнецы, кои не обыкновенно любили другъ друга. Они были утѣхою добродѣтельныхъ своихъ родителей и всего города. Мать заблаговременно сію любезную чету посвятила добродѣтели и благочестію, и дала имъ наставниковъ въ Христіанскомъ законѣ: но они имѣли несчастіе очень рано быть исторгнуты изъ ея объятій....Филинтъ, ихъ отецъ, жилъ въ городѣ смежномъ съ Турціею, куда торговля привлекала жидовъ и магометанъ. По куплямъ своимъ онъ имѣлъ дѣло съ жидомъ; и вознегодовавъ на его невѣрность, велѣлъ взять подъ стражу и посадить въ тюрьму. Но сей лишь только получилъ свободу, какъ и началъ выдумывать средства, дабы отмстить своему врагу....Умертвить ли мнѣ его, говорилъ самъ въ себѣ? Нѣтъ, ибо тогда не избѣгну меча право-

судія. Зажгу ли домъ его? это также дѣло опасное; когда признаютъ меня умышленнымъ причинителемъ пожара, то сіе можетъ также стоить мнѣ жизни. Однакожъ не хочу безъ мести оставить нанесеннаго мнѣ оскорбленія.... Съ чего начать? . . . Размышляетъ.... взадъ и впередъ разхаживаетъ по улицѣ, и замѣчаетъ часъ, въ которой Филинтъ бываетъ въ бинкѣ. Усматриваетъ, что дѣти его забавляются у воротъ, и рѣзвятся безъ малѣйшей другъ другу досады....Еврей, какъ знакомый симъ молодымъ людямъ, подходитъ къ нимъ, съ притворною улыбкою привѣтствуетъ имъ ласкательными словами; вынимаетъ у себя изъ кармана конфекты и всякихъ родовъ игрушки, ласкаетъ ихъ весьма вкрадчивымъ образомъ, склоняя ихъ слѣдовать за собою внѣ градскихъ воротъ. Тамъ поспѣшно садится на ожидавшую его лошадь, малыхъ дѣтей сажаетъ позади себя, и пускается во всю прыть за границы Турецкія, въ намѣреніи, невинныя сіи жертвы мщенія продать торгующему невольниками. Видя успѣхъ въ своемъ коварствѣ, и восхищаясь злодѣйс-

кою радостію, удвояетъ скорость, и пріѣзжаетъ въ домъ, гдѣ оставляю его съ дѣтьми Филинта.... Несчастный отецъ по возвращеніи встревожась, что не зритъ своихъ дѣтей, вопрошаетъ о нихъ, посылаетъ къ своимъ сосѣдямъ, и никто не можетъ дать ему свѣденія. Наступаетъ ночь, а дѣти не возвращаются. Филинтъ въ отчаяніи, онъ стонетъ подобно голубю, у котораго хищная птица унесла птенцовъ. Онъ подъемлетъ къ небу руки, и жалуется на приключеніе свое. Боже! вопіетъ онъ, вся предъ тобою отверста; ты знаешь, гдѣ они! Въ тотъ же часъ отъ повторенныхъ вздоховъ прерывается его голосъ; и рѣки слезъ текутъ по его ланитамъ. Между тѣмъ провидѣніе свыше призирало на его сыновъ.... Торгующій невольниками, державшій оныхъ у себя два года, повелъ ихъ на площадь, мѣстечко принадлежавшее богатому Пашѣ, которой во время мира имѣлъ тамъ обыкновенное свое пребываніе. Бездѣтная жена его увидѣла сихъ нещастныхъ сиротъ съ боязнію идущихъ въ слѣдъ за безчеловѣчнымъ вождемъ. Они походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды; одинакого были роста,

румянецъ юности цвѣлъ на ихъ щекахъ; невинность была изображена на ихъ лицахъ. Бѣлокурые волосы возвѣвали по плечамъ. При грозномъ на нихъ взорѣ безчеловѣчнаго торжника, всѣ ихъ члены содрогались отъ страха; они взаимно пожимали руки, заключали другъ друга въ объятія свои, и втайнѣ утѣшались, заливши сь слезами....Жена Паши, сидѣвшая у окна за рѣшеткою, лишь только узрѣла сію двойню, тотчасъ подвигнулась состраданіемъ. Она надъ ними сжалилась и приказала ихъ купить, въ отсутствіи своего мужа, находившагося тогда въ Константинополѣ; нимало не медля одѣла по Турецки, и довольно обласкавши поручила надзору одной магометанкѣ, женщинѣ въ лѣтахъ и съ разумомъ. Въ послѣдствіи времени научили ихъ правильнѣе говорить на Турецкомъ языкѣ, коего нѣкоторыя начала уже имъ были извѣстны. Надобно было научить ихъ писать, равно какъ рисовать и играть на музыкальныхъ инструментахъ, что у мусульмановъ въ великомъ уваженіи; ибо Алкораномъ возбранено имъ предаваться другимъ наукамъ....Въ продолженіи сего два брата сіи привели на память себѣ

наставленія, внушенныя имъ отъ добродѣтельныхъ родителей съ самой колыбели. Благодѣтельница всякой день ихъ навѣщала, принося имъ кое какіе подарки. Но какъ изумилась, когда сверхъ всякаго чаянія сію нѣжную двойню застала съ колѣнопреклоненіемъ приносящихъ мольбу Превѣчному! Она невидимо вслушивалась, и слуха ея коснулись такія слова, кои на подобіе остраго меча пронзили ея внутренность. Она увидѣла ихъ воздѣвающихъ руки къ небесамъ, и произносящихъ горячайшія молитвы: когда же услыша свое имя, и что особенно молились о ней, проливая горькія, но благодарныя слезы, чувствительно тронулась, изумилась, и помыслила, колико высокъ долженъ быть законъ, когда сіи невосперенные птенцы имѣли уже столь возвышенныя понятія. Разумъ ея столь былъ пораженъ, что въ сіюжъ минуту рѣшилась познать таинства вѣры Христіанской, и для успѣха въ семъ благочестивомъ намѣреніи, торгующему невольниками тотчасъ приказала отыскать наставника въ Христіанской религіи, и къ себѣ привесть.... Купецъ скоро нашелъ, чего она желала. Это былъ корабельной свя-

щенникъ, котораго Алжирской морской разбойникъ полонилъ, и продалъ какъ невольника. Турчанка была восхищена симъ открытіемъ: втайнѣ велѣла священнику наставить себя въ законѣ, и поручила ему воспитаніе младой двойни, что онъ принялъ на себя съ удовольствіемъ. Онъ снабдилъ ихъ благочестивыми книгами, которыя дѣти читали съ жадностію; и въ которыхъ находили довольно, чемъ бы утѣшить себя.--- Оставимъ ихъ въ семъ полезномъ занятіи, дабы возвратиться къ отцу сихъ нещастливцевъ. Посмотримъ, какимъ страшнымъ искушеніямъ подпала его добродѣтель по лишеніи дѣтей. На границахъ Турецкихъ вдругъ возгорѣлась междоусобная война между Христіанами и мусульманами. Первые дали знакъ къ сраженію противъ Турокъ. Но Сарацыни такъ разъярились, что незапно ворвались со всѣхъ сторонъ: особливо разграбили пограничные города, и поплѣнили всѣхъ жителей: главнокомандующій до того вознегодовалъ, что приказалъ саблею порубить многихъ правовѣрныхъ; остальные были скованы, и отведены въ его земли. Въ числѣ плѣнныхъ находился и Филиппъ, которой и

въ семъ положенiи полагался на промыслъ, и утѣшалъ себя какъ добродѣтельный человѣкъ.... При видѣ толикаго числа невольниковъ распространилось смятенiе. Жители съ опрометью бросились изъ своихъ домовъ посмотрѣть на сей сонмъ Христiанъ, и всѣ стекались быть свидѣтелями толь трогательнаго зрѣлища. Филинтъ въ унынiи смотритъ на небо, и воздыхаетъ. Но, увы! какое восхищенiе! Онъ усматриваетъ двухъ младыхъ Турокъ, прислонившихся къ окну, и пристально на него глядѣвшихъ....Вдругъ ощутя въ себѣ радостный восторгъ, возопилъ: Боже! здѣсь дѣти, коихъ я лишился....Сыновья узнаютъ голосъ своего отца: изо всей мочи бросаются, пробиваются сквозь толпу, поднимаютъ вопль: кидаются ему на шею, объемлютъ съ восхищенiемъ, проливаютъ слезы нѣжности, и не хотятъ его оставить. Жена Паши изумилась, услышавъ о семъ событiи; въ тужъ минуту приказала отдѣлить отъ толпы сего нещастнаго отца, и предъ себя представить. Лишь только его къ ней привели, тотчасъ дѣти поверглись къ ногамъ своей благодѣтельницы, и умилительнымъ образомъ просили

повелѣть снять съ него оковы. Ставъ
пронута жалостїю тотъ часъ по-
велѣла разрѣшить Филинта отъ
узъ: прочїе же плѣнники накрѣпко
были скованы, и брошены въ тюрь-
му. Спустя нѣсколько времени смя-
тенїе войны успокоилось, и тишина
заступила мѣсто бури....Паша мужъ
новообращенной, возвратился въ свои
владѣнія: О небо! какъ онъ разъярил-
ся, увидя перемѣну, произшедшую
въ домѣ во время его отлучки!
Люди не замедлили донести ему,
что жена его обратилась въ
Христїанскую вѣру: ярость его
удвоилась, и до того простерлась,
что гробомъ Магомеда и Алкора-
номъ клялся умертвить ее, ежели
не оставитъ оную.... Сїя женщина
была плѣняющей красоты; она
желая укротить гнѣвъ мужа сво-
его, разсудила заблаго броситься
къ нему на шею, и заливаясь сле-
зами, просила себѣ пощады: но
ничто не могло смягчить сердца
сего варвара. Онъ хладнокровно
смотритъ на лежащую у ногъ
своихъ любезную свою супругу:
она пресмыкается предъ нимъ во
прахѣ, объемлетъ колѣна своего
палача; но свирѣпый сильно ее
отталкиваетъ, обнажаетъ шпагу,

и конечно отрубилъ бы у ней голову, ежелибъ одинъ изъ его повѣренныхъ не отклонилъ роковаго удара. Какъ лютый тигръ, когда разъяренъ бываетъ, мечется во всѣ стороны, точитъ изо рта пѣну, производитъ топотъ ногами, и бросается на все, что можетъ усмотрѣть: такимъ образомъ бѣсился и бурлилъ въ своемъ домѣ сей свирѣпый Турокъ.... Нещастная супруга немедленно была сокрыта отъ воспаленныхъ его очей: а безчеловѣчной супругъ повелѣлъ священника и отца близнецовъ засадить въ тюрьму. Нѣжно любя свою жену, чаялъ скоро склонить ее къ отступленію отъ вѣры, ежели велитъ въ ея очахъ погубить виновниковъ ея обращенія самымъ поноснымъ образомъ. Паша началъ съ того, что у великаго Султана испросилъ неограниченную власть надъ своими невольниками, такъ что расположился въ одинъ день мщенію своему принести на жертву всѣхъ въ плѣнъ взятыхъ Христіанъ, и истощить надъ ними всѣ роды тяжкихъ мученій.... Дѣтямъ Филинта дана была свобода видѣть отца своего въ тюрьмѣ, когдабъ

они ни пожелали. Сія свобода была причиною его освобожденія. Онъ со своими дѣтьми принялъ приличнѣйшія мѣры, чтобъ уйти, и щастливо успѣлъ въ своемъ предпріятіи .... Минута ухода наступаетъ: плѣнникъ свергаетъ съ себя оковы, и убѣгаетъ съ дѣтьми. Они идутъ на удачу въ самую глубокую ночь; переправляются безпрепятственно чрезъ многія крутыя горы, и, сколько можно, удаляются отъ мѣста неволи....На разсвѣтѣ дня Филинтъ боясь быть запримѣченъ, при подошвѣ горы скрылся съ дѣтьми въ лощинѣ окруженной кустарниками и хворостомъ, въ намѣреніи въ слѣдующую ночь продолжать свой путь. Потомъ засѣлъ въ пещеру, и молился Богу о благопоспѣшествѣ своего побѣга, и о низпосланіи помощи. Но судьба не благопріятствовала его молитвѣ: новое нещастіе, не меньше перваго опасное, возгремѣло надъ его главою....Дѣти мучимыя алчбою, отъ разслабленія падаютъ на землю; смертная блѣдность показывается на ихъ лицѣ; томный и жалостный голосъ изходитъ изъ полумертвыхъ устъ:

они просятъ хлѣба у отца, ко-
торой самъ снѣдается грустїю и
гладомъ. Филинтъ въ ужаснѣй-
шемъ уныніи видитъ, что сї
нещастливцы неизбѣжно умрутъ
ежели онъ не ускоритъ подкрѣ-
пить ихъ. Онъ рѣшился отыски-
вать ближайшей деревни, для испро-
шенія помощи толико нужной и
для дѣтей и для него самаго.
Но лишь только заноситъ свою
ногу за убѣжище, какъ и слышитъ
уже охотничій голосъ на горѣ. За-
мѣтить надобно, что у Гурокт
собаки въ большомъ уваженіи; и они
съ ними поступаютъ столь дружес-
ки, что сїи животныя ни на черту
не выступаютъ изъ ихъ повелѣній;
извѣстно впрочемъ, что собака есть
вѣрной другъ человѣка. Филинтъ
колеблется въ выходѣ; онъ боится
быть узнанъ. Между нерѣшимостїю
его, ловчїе собаки ощутивъ человѣ-
ческїе слѣды, сбѣжались къ пещерѣ,
и увидѣвши дѣтей, начали лаять,
вертѣть хвостомъ, и лизать ихъ.
Одинъ изъ охотниковъ не зная,
чтобы сїе значило, натянулъ свой
лукъ, и спустился съ горы въ тѣхъ
мысляхъ, что собаки нашли на звѣря.
Но въ ту минуту, какъ хотѣлъ
спустить стрѣлу, усмотрѣлъ людей,

кои при видѣ его затрепетали. Это былъ самый Паша, который вновь разъярился узнавши сихъ бѣглыхъ невольниковъ....Боже мой! скажутъ многіе, коликія нещастія гонятъ сихъ бѣдныхъ людей! Не лучше ли бы промыслу споспѣшествовать нещастному отцу въ его побѣгѣ, нежели допустить опять впасть въ руки жестокаго тиранна?.. Нѣтъ, ему не должно было уйти; не такова была его судьба. Онъ долженъ былъ перенесть все, что ему предназначено. Паша приказалъ посадить Филинта въ новые оковы и заключить въ сокровеннѣйшую тюрьму. На другой день ему надлежало быть въ числѣ невольниковъ, приговоренныхъ къ казни. Но поелику дѣти его виновные не были, и почти за мертво лежали на землѣ отъ глада; то управитель велѣлъ привесть ихъ въ свой домъ, гдѣ возъимѣли объ нихъ всевозможное стараніе. Въ слѣдующій день назначено было плачевное позорище, и всѣхъ изъ Христіанъ невольниковъ подвели ко дворцу, дабы казни ихъ была свидѣтельницею его супруга. Всѣ съ безстрашіемъ и удовольствіемъ шли на мѣсто мученія. Всякъ первой желалъ пролить

свою кровь за славу Божїю; одинъ другаго предускоряли, чтобъ показать примѣръ другимъ....Филинтъ явился также безстрашенъ, какъ и рѣшителенъ; онъ призываетъ къ себѣ дѣтей, беретъ ихъ на руки, прижимаетъ къ своей груди, напослѣдокъ подъемля къ небу глаза, поручаетъ Божїю покровительству, и обнимая на мѣстѣ казни завѣщаетъ молиться о немъ; таково было его прощанїе. Дѣти наблюдаютъ угрюмое молчанїе, плачутъ, стонутъ и рыдаютъ въ объятїяхъ своего отца. Филинтъ утѣшаетъ ихъ, увѣщеваетъ благодушествовать, и совѣтуетъ больше радоваться, нежели печалиться; ибо онъ скоро въ небѣ соединится съ Богомъ.... При сихъ словахъ дѣти ставъ проникнуты святою радостїю, бросились къ Пашѣ, и съ умиленїемъ просили повелѣть отрубить и имъ головы; чтобъ въ сей самой день быть на небѣ вмѣстѣ съ своимъ родителемъ....Еще не окончали они сихъ словъ, какъ Турокъ побледнѣлъ и затрясся; онъ такъ былъ испуганъ сими нечаянными рѣчьми, что чувства его оледенѣли: онъ сталъ недвижимъ и изумленъ. Уже палачь взялся за острую сѣкиру, чтобъ напередъ отсѣчь головы у дѣтей,

какъ вдругъ слышитъ странный голосъ: остановись! остановись! Это былъ Паша, которой приказывалъ удержаться отъ исполненія смертнаго приговора, и невольниковъ отвести въ тюрьму.... Онъ въ тайнѣ размышлялъ о причинахъ, для которыхъ смерть нещастливцамъ казалась не токмо не страшною, но даже пріятною, и желательною: онъ былъ еще больше пораженъ, увидѣвъ, съ какимъ спокойствомъ, готовностію и радостію малые дѣти по примѣру отца своего въ славу Божію желали пожертвовать своею жизнію . . . Въ душевномъ смущеніи, посылаетъ вопросить свою жену, согласна ли наконецъ отрещись отъ новой своей вѣры? Она велѣла отвѣтствовать: пусть на части будетъ разтерзана горящими клещами: но уже не будетъ магометанкою. . . Сей отвѣтъ вмѣсто того, чтобъ еще больше раздражить Пашу, смягчилъ его. Съ сей минуты звѣрство въ душѣ его уступило мѣсто человѣколюбію: онъ тотчасъ повелѣлъ освободить Христіанъ, и ущедрить ихъ дарами. Мало спустя разпродалъ свое имущество, съ женою возобновилъ союзъ тѣснѣе прежняго, приласкалъ къ себѣ

Филинта съ милыми его дѣтьми, и немедленно съ ними отправился въ Европу. Тамъ бывъ наставленъ въ законѣ, обратился въ Христіанство, равно какъ и большая часть невольниковъ, составлявшихъ его свиту. Сіе повѣствованіе научаетъ, что не льзя намъ избѣжать печальныхъ приключеній: что роптать на оныя, значитъ изрыгать хулу на промыслъ; что часто намъ представляется въ видѣ зла величайшее благо. О коль премудры пути Божіи!

§ 67.

Мудрый человѣкъ изъ сего повѣствованія заключитъ, что жизнь человѣческая есть искушеніе; а нещастіе, почтенное состояніе, которое часто предоставляется однимъ изящнымъ душамъ. Никто изъ насъ не можетъ безпогрѣшительно судить о путяхъ провидѣнія, потому что весьма не многія вещи познаемъ, и то не совершенно. Не надобно забывать, что Высочайшее Существо въ благоустройствѣ міра взираетъ на все время совокупно со всѣми въ немъ произшествіями; и поелику не льзя намъ открыть чудесныхъ связей между событіями одно отъ другаго отдаленными, то сокровенность многихъ звѣнь сея цѣпи ум-

ствованія наши дѣлаетъ неосновательными и нетвердыми. Такимъ образомъ части въ нравственномъ мірѣ, не имѣющія красоты совершенной, могутъ имѣть относительную красоту, естьли сличить ихъ съ другими частьми отъ насъ сокровенными, кои не могутъ быть невидимы тѣмъ, кто въ одно мгновеніе объемлетъ взоромъ своимъ прошедшее, настоящее и будущее. Я облегчу моихъ читателей сказаніемъ Іудейскаго преданія о Моисеѣ, которое походитъ на доказательство и можетъ пояснить сказанное мною: „Сей великій Пророкъ, гласомъ отъ небесъ призванный на вершину горы, имѣлъ тамъ разговоръ съ Высочайшимъ Существомъ, которое дозволило ему предлагать разныя вопросы о міроправленіи. Среди сея бесѣды Моисею повелѣно было взглянуть внизъ на долину. При подошвѣ горы истекалъ студенецъ воды живыя. Солдатъ слѣзъ съ лошади напиться изъ онаго; лишь только сей удалился, то въ слѣдъ за нимъ на тоже мѣсто пришедъ отрокъ, и найдя полной мѣшокъ золота, которой обронилъ солдатъ, поднялъ оной и ушелъ: Старикъ, отягченный усталостію и лѣтами, вскорѣ поя-

вился на томъ же мѣстѣ, и по утолѣніи палящей жажды своей для отдохновенія сѣлъ подлѣ источника. Солдатъ потерявшій мѣшокъ свой, возвращается туда, и требуетъ онаго отъ старика, который клянется, что его не видалъ, и свидѣтельствуется самимъ Богомъ. Солдатъ не хочетъ вѣрить словамъ, и убиваетъ его. Моисей пораженный страхомъ и ужасомъ падаетъ ницъ на землю. И се гласъ Божій слышится, вѣщаяй тако. Моисей! не удивляйся сему событію, и не вопрошай, для чего Судія вселенныя допустилъ оное; знай, что старикъ былъ убійцею отца сего отрока.

По сему преданію, что ни происходитъ въ мірѣ, все есть благо. Единственное средство укрѣпиться противу бѣдствій состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить себя въ благоволеніи и покровительствѣ Верховнаго Существа, которое располагаетъ всѣми приключеніями, и даже самою будущностію. Оно мгновенно созерцаетъ все наше бытіе, не только прошедшее, но текущее и стремительно несомое во глубину вѣчности. Ложась спать, поручимъ себя его промыслу, а возстая отъ сна предадимся его управленію.

Хотя намъ неизвѣстенъ ни часъ смерти, ни то, какой будетъ конецъ жизни; однакожъ да будемъ чужды всякаго безпокойства, достовѣрно зная, что Богъ свѣдущій о томъ и другомъ, не предастъ насъ отчаянію, и подкрѣпитъ нашу слабость при послѣдней минутѣ.

Воззримъ на жизнь человѣческую; не безпрестанно ли она обращается въ кругѣ плотскихъ дѣйствій? Ложимся, встаемъ, одѣваемся и раздѣваемся; ядимъ и опять взалчемъ; трудимся, или играемъ; и сей кругъ каждой день возобновляется. День провождаемъ въ бездѣлкахъ, а по наступленіи ночи, бросаемся въ объятія сна, сопровождаемаго прерванными мыслями, брѣдами и вздорными мечтаніями. Разумъ съ нами засыпаетъ, и въ семъ промежуткѣ мы такіяжъ несмысленныя животныя, какъ и тѣ, кои имѣютъ ночлегъ въ конюшняхъ, или на открытомъ полѣ. Человѣкъ не способенъ ли къ чему нибудь вышшему? Славолюбіе и надежды его не должны ли простираться далѣе? Помыслимъ о будущемъ мірѣ; это по крайней мѣрѣ доказываетъ изящную и благородную отвагу; ибо въ настоящей жизни ничто не достойно нашего заня-

шія. Ежели бы событіе и измѣнило нашэму чаянію, мы чрезъ то не учинились бы нещастнѣе другихъ? когда же разумъ и писаніе удостовѣряютъ, что человѣкъ по душѣ безсмертенъ; слѣдовательно мы блаженны навсегда.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Добродѣтель и благая совѣсть суть весьма сильныя утѣшенія во всѣхъ нашихъ злоключеніяхъ.

§ 68.

Добродѣтель и благая совѣсть доставляютъ намъ живое удовольствіе и чистую радость. Но какъ удовольствіе и неудовольствіе, радость и печаль между собою противны; слѣдовательно печаль въ нещастныхъ положеніяхъ легко можетъ быть разсѣяна обозрѣніемъ прошедшей нашей жизни и мирною совѣстію; что служитъ великимъ облегченіемъ.

§ 69.

Истинная причина тому, что большая часть людей бываютъ безутѣшны въ своихъ горестяхъ, есть увѣреніе, что они ихъ заслужили. Всѣ дѣйствія естественно сопровождаются извѣстными послѣдствіями, кои съ ними связаны неразрывно. Благія? онѣ улучшиваютъ наше состояніе: злыя? творятъ оное меньше совершеннымъ. Посему то на позо-

рищѣ свѣта никакое худое дѣло не остается не наказаннымъ; равно какъ доброе безъ награды....Ежели меня вопросятъ: кого должно назвать самымъ нещастнымъ человѣкомъ? Отвѣтствую: того, кто жертвуетъ собою порокамъ, и въ нечестiи живетъ безпечно. Наказанiе всегда идетъ наровнѣ съ нечестивцемъ; а когда и отдалится, рано или поздо возгремитъ надъ нимъ....Язвина шмеля болѣзненна, ужалѣнiе змѣи опасно; но угрызенiе совѣсти превышаетъ то и другое. Ничто такъ не трудно, какъ въ порочномъ укротить смятенiе произведенное нещастiемъ, которое самъ онъ навлекъ на себя.

§ 70.

Это правда, что нечестивецъ иногда старается успокоить на время встревоженную свою совѣсть: но всуе труждается, ища себѣ покоя на земли. Ежели онъ повстрѣчается съ огорчающими мыслями, кои одни могутъ отвлечь его отъ пороковъ: то силится развлечь себя роскошными забавами. Это будетъ домъ исполненный ласкателей; это будетъ восхитительный концертъ, составленный изъ безчисленныхъ музыкальныхъ орудiй и голосовъ; трапеза изящно угоб-

женная; комнаты великолѣпно украшенныя и всегда занятыя ложными друзьями; балъ, на которомъ будетъ удивляться студнымъ тѣлодвиженіямъ толпы танцовщиковъ и танцовщицъ, предавшихся своей страсти; величавая и обворожительная сирена, которая приведетъ его въ удивленіе; разнообразное множество ночныхъ игръ: что еще сказать такое, что должно прогнать отъ него задумчивость, и усыпить душевныя безпокойствія? Чрезъ все сіе изъ бѣдствія въ бѣдствіе онъ впадаетъ, и еще больше отдаляется отъ стези мудрости. Пороки непрестанно пріуготовляютъ ему новыя сѣти, въ коихъ онъ наконецъ совершенно запутывается. Онъ хочетъ избѣжать опасности, и всегда изрываетъ для себя новыя стремнины. Но напослѣдокъ совѣсть пробуждается: и тогда то усматриваетъ пропасть, въ которую низвергся. Великій Боже! въ семъ состояніи, какихъ онъ страшныхъ способовъ не избираетъ для прекращенія золъ своихъ и своего смятенія!...Веревка, огонь, вода, желѣзо, ядъ, не такъ ужасны и жестоки, какъ минута, въ которую угрызенія совѣсти мучатъ его. Онъ не идетъ, а

стремительно бѣжитъ на свою пагубу; ибо самая страшная смерть въ глазахъ его предпочтительнѣе столь болѣзненной жизни. Между тѣмъ достигаетъ вратъ вѣчности, гдѣ ожидаетъ его еще горшее нещастие.

§ 71.

Сладострастїе уподобляется густому ядоносному туману, вкрадывающемуся во внутренность блистательнѣйшихъ цвѣтовъ, отъ чего они наклоняются долу и увядаютъ: такимъ то образомъ сей чародѣй отравляетъ нѣжнѣйшїя сердца. Сладострастїе есть источникъ многихъ нестроенїй; и бѣдствїе какъ всегдашнїй спутникъ его, всюду за нимъ слѣдуетъ. Доколѣ мы въ цвѣтѣ лѣтъ, дотолѣ возрастаютъ желанїя и склонности наши по всѣмъ отношенїямъ; и не прежде дѣлаемся умными, какъ уже лишимся силъ удовлетворять своимъ прихотямъ. Молодой человѣкъ имѣетъ слабости коихъ не оставляетъ; и старикъ тожъ подверженъ порокамъ, по самой гробъ его провождающимъ: первый сердце свое приноситъ на жертву сластолюбїю; вторый жертвуетъ онымъ скупости. Не льзя имѣть довольно предосторожности,

чтобъ предъупредить обольщенія, каковыми суета міра сего ослѣпляетъ человѣка, и низвергаетъ въ бездну; лишь только предадимся онымъ и се уже бѣдствіе и смерть стрегутъ насъ, подобно ловчему выжидающему своей добычи. Желанія юности суть приманки для совращенія насъ съ пути добродѣтели. Съ начала позволяемъ себѣ малой проступокъ, и мыслимъ, что небо проститъ намъ; мы повторяемъ сію небольшую слабость, и повторяемъ до того, что наконецъ укореняемся во злѣ; и что горше, увеселяемся своими безпутствами....Одинъ человѣкъ, слывшій философомъ, идя нѣкогда мимо кружала, усматриваетъ въ ономъ шайку питуховъ; подъемлетъ руки къ небу, и говоритъ самъ въ себѣ: благодарю тебя Боже, что я не похожъ на сихъ людей, кои безславятъ человѣчество піянствомъ. На другой день онъ опять проходитъ чрезъ то мѣсто, и останавливается не много поближе: разсматриваетъ столъ окруженный игроками; одинъ удивляетъ его запальчивостію, другой наводитъ ужасъ богохуленіемъ. На третій день говоритъ самъ въ себѣ: надобно мнѣ еще больше изслѣдовать глупость сихъ людей. И такъ

входитъ онъ въ кружало, какъ зритель: хочетъ пристать къ ихъ разговору....Минуту спустя, хочетъ удалиться....Пребываетъ въ нерѣшимости....Колеблется, борется съ своими мыслями; но до самаго вечера остается въ семъ положенїи....Въ четвертый день опять туда приходитъ, и видитъ столъ весь уставленный бутылками съ вїномъ. Говоритъ самъ въ себѣ: О звѣрское питье, сколь ты гибельно для людей, дѣлая ихъ хуже самыхъ скотовъ! Вдругъ наполняютъ онымъ стаканы; вїнопїйцы поощряютъ одинъ другаго; наконецъ подносятъ рюмку и нашему зрителю; онъ прїемлетъ оную; отвѣдываетъ прельстительнаго напитка, находитъ оное очень вкуснымъ. еще прикушиваетъ, и многократно; напослѣдокъ пьетъ безъ мѣры даже до того, что отъ упоенїя сдѣлался безчувственнымъ. Въ пятый день не доставало четвертаго для составленїя карточной игры; приглашаютъ его заступить мѣсто отсутствующаго, онъ отказывается; еще разъ приглашаютъ его, онъ задумывается; просятъ его, онъ улыбается; просятъ его неотступно: и вотъ уже онъ за карточнымъ столомъ! Онъ хочетъ не больше, какъ одну партїю сы-

грать. Теряетъ игру. Предлагаютъ ему вторую партїю, дабы отъигратъся: онъ соглашается, и еще проигрываетъ; онъ продолжаетъ играть; время течетъ, ночь наступаетъ, онъ проводитъ ее въ игрѣ, и не прежде утра домой возвращается....Въ шестой день онъ хочетъ играть только для того, чтобъ возвратить на канунѣ потерянныя деньги, и тогда уже отстать отъ сей пагубной страсти. Приходитъ; ожидали его; лишь только сѣлъ, то и потребовалъ картъ; мѣшаетъ ихъ, играетъ и опять проигрываетъ. На другой день въ надеждѣ быть щастливѣе, прибѣгаетъ къ обману, и сбрасываетъ карту другой масти; его въ томъ уличаютъ, онъ не признается; утверждаютъ, онъ сердится; доказываютъ обманъ; клянется всемъ, что есть священнаго. Однимъ словомъ, въ восемь дней онъ успѣлъ сдѣлаться пребезсовѣстнымъ игрокомъ и сущимъ пьяницею. Сїе привело мнѣ на мысль одной ученой особы слѣдующїе два стиха на счетъ игроковъ:

Начинаютъ глупостью,
А кончаютъ плутовствомъ.

Праведное небо! добродѣтел
ужели такъ мало имѣетъ преле
стей, что человѣкъ оставляет
ее и предается влеченiю пагубных
страстей! О Боже! для чего мы так
слабы въ своихъ намѣренiяхъ? От
нижняго степени развращенiя непре
станно простираемся къ вышшему
и тѣмъ умножаемъ свое бѣдствiе
Ибо когда возбудится совѣсть
начнетъ мучить насъ; тогда от
чаянiе, нашъ избавитель; и убiй
ственный мечь часто бываетъ нашим
свободителемъ.

§ 72.

Выше сказанное потщимся до
казать примѣромъ.... Одинъ молодой
ученикъ знаменитаго Университет
въ Германiи, въ первыя лѣта образо
ванiя столь хорошо велъ себя, что
успѣхами своими въ наукахъ сни
скалъ не токмо уваженiе къ себѣ
учителей, но еще и дружбу многихъ
знатныхъ особъ. Онъ имѣлъ приман
чивый нравъ, и всякъ наперерывъ
желалъ обращенiя съ нимъ. По неща
стiю онъ свелъ знакомство съ дур
ными людьми; о юность! когда бы
знала ты опасность союзовъ! Онъ
вдается въ игру, и проигрываетъ не
токмо все имѣнiе свое, но и всѣ
занятые имъ деньги. Не въ силахъ

будучи укрыться отъ жалобъ своихъ заимодавцевъ, принужденъ былъ оставить городъ. Ставъ заблуждшимъ и праздношатающимся, онъ не ходитъ больше никуда, кромѣ мѣстъ распутства, пьянства и прочее.... Одинъ путникъ приходитъ на ночлегъ въ тотъ самой трактиръ, въ которомъ онъ жительство имѣлъ; сему страннику отводятъ покой, отдѣленный одною только перегородкою отъ комнаты молодаго распутника. Часъ успокоенія приближается; путникъ, прежде нежели легъ въ постелю, считаетъ деньги свои. Молодой человѣкъ то слышитъ.... Съ большимъ вниманіемъ вслушивается въ сей очаровательный звонъ. Отецъ мой, говоритъ онъ, конечно не пришлетъ мнѣ больше денегъ; ибо въ недавнемъ времени получилъ я отъ него знатной суммы вексель, которой по нещастію я проигралъ. Уже не смѣю возвратиться въ мое отечество; какъ бы мнѣ къ стати деньги сего странника! Естьлибъ онѣ достались въ мои руки, то я выпутался бы изъ замѣшательства; не украсть ли ихъ?...Но какъ къ етому приступить! Я буду воръ!...Для чегожъ не такъ?...Ни я первой, ни я

послѣдней воръ буду....Въ семъ размышленіи вся ночь проходитъ, и онъ упустилъ минуту привесть въ дѣйство гнусное свое намѣреніе.... Путникъ на самомъ разсвѣтѣ дня уходитъ, дабы скорѣе достигнуть предназначеннаго имъ мѣста. Ученикъ непрестанно мучась алчбою денегъ и имѣя воображеніе распаленное злобными мыслями, не теряя времени пускается въ слѣдъ за нимъ скорыми шагами; и заглушивъ всѣ упреки совѣсти своей, пронзаетъ его кинжаломъ безъ всякой пощады: по свершеніи удара, съ поспѣшностію открываетъ бывшій свитокъ при путникѣ, которой плавалъ уже въ своей крови, и боролся съ смертію. Но въ какой пришелъ ужасъ! Въ ономъ свиткѣ находитъ онъ письмо отъ своего отца съ двумя стами ефимковъ Нѣмецкихъ, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: сынъ немилосердой! При семъ посылаю тебѣ двѣсти риксъ талеровъ; и надѣюсь, что наконецъ привлеку тебя къ себѣ моими милостями. Мать о распутствѣ твоемъ ежеминутно проливаетъ источники слезъ. Ея братъ, а твой дядя, которой тебя въ ребячествѣ толь часто бралъ къ себѣ на руки, посѣтилъ насъ. Не видя тебя чрезъ

шесть лѣтъ, просилъ меня деньги сіи вручить ему; онъ пожелалъ лично ихъ доставить тебѣ: я за долгъ почелъ согласиться на его прозьбу, дабы удовлетворить чрезвычайному его желанію еще разъ увидѣться съ тобою. Не скрою отъ тебя, что онъ имѣетъ намѣреніе здѣлать тебя наслѣдникомъ своимъ, однакожъ въ своемъ завѣщаніи не забывая братьевъ твоихъ и сестръ. Почти его, какъ отца; онъ говоритъ о тебѣ всегда съ нѣжностію. Будь признателенъ къ его снисхожденію, и всѣ силы употреби на угожденіе ему. Послѣ дороги толико тягостной для его старости, и въ которую онъ пустился единственно изъ любви къ тебѣ, будетъ имѣть нужду въ отдохновеніи. Образъ прежней жизни потщись перемѣнить на лучшій; и возврати мнѣ веселость, которой лишило меня твое распутство. Осуши также слезы нѣжной матери; скорбь ея отъ дурнаго твоего поведенія со дня на день умножается....Едва прочелъ онъ сіи роковыя слова, какъ началъ рвать у себя волосы, и въ отчаяніи тотчасъ собственною кровію обагрилъ убійственную руку свою, еще дымящуюся отъ крови дяди, учинившагося жертвою его развращенія. Жало-

стное зрѣлище двухъ тѣлъ умерщвленныхъ! Ужасное убійство! Нещастный! Чью кровь ты пролилъ! Адскій кинжалъ, который прозаетъ сердце нѣжнѣйшаго родственника, и лучшаго друга!..Сколь опасны слѣдствія порока! И въ какое нещастіе можетъ насъ низринуть поползновенность наша ко злу! Какъ! Человѣческое сердце всегда ли пребудетъ нечувствительно при видѣ страшныхъ прещеній, каковыми Богъ поражаетъ преступниковъ его воли? Ежедневно случаются дивныя приключенія: въ періодическихъ запискахъ читаемъ ужаснѣйшія событія; трогательнѣйшія изъ оныхъ разсказываемъ нашимъ друзьямъ. Они иногда вырываютъ у насъ вздохи и слезы. Сердце чрезъ нѣсколько минутъ бьется отъ ужаса; и человѣкъ ощущая свою вину, твердо тогда намѣревается исправить себя, разорвать знамя порока, водруженное страстію. Но часто намѣреніе откладываетъ до завтрешняго дня, до слѣдующаго мѣсяца, до будущаго года. Угрызенія совѣсти сколько ни нудятъ его осуществить намѣреніе; но всегда какое нибудь замѣшательство бываетъ предлогомъ новой отсрочки; нечувствительно старость наступаетъ; и

умирають зараженные тѣмижъ пороками.

§ 73.

Смертные! изъ сихъ поразительныхъ примѣровъ научитесь разумѣть цѣну добродѣтели, и убѣгать сѣтей разврата: научитесь познавать безпутства, куда вовлекають васъ страсти, и удаляться отъ опасностей, коихъ безъ добродѣтели нельзя вамъ избѣжать. Страстолюбіе уподобляется испещренному цвѣтами змѣю, въ ужасъ приводящему путника въ Аравійскихъ пустыняхъ; ибо несетъ онъ смерть въ своемъ горлѣ. Больному можно помочь, лишь бы только принималъ онъ лѣкарства, благоразумнымъ врачемъ предписанныя....Но правъ ли я, или виновенъ, говоря, что добродѣтель никогда намъ не кажется столь прекрасною и любезною, какъ въ то время, когда бываемъ внимательны къ гибельнымъ слѣдствіямъ страстей? Правъ ли я, или виновенъ, утверждая, что величайшее утѣшеніе въ нещастіи быть увѣрену, что мы ничемъ онаго не заслужили? Добродѣтельный человѣкъ и среди гоненій подъемлетъ радостные клики; и въ лютѣйшихъ пыткахъ возвышаетъ удовольственный голосъ, что не виненъ. Сократъ,

приговоренный къ смерти, окруженный друзьями, спокойнымъ окомъ зритъ на чашу окормленную ядомъ; онъ пьетъ ее безъ отвращенія, и говоритъ, что никогда онъ не вкушалъ столь сладкаго питія.... Мы называемъ себя разумными существами; но ежели бѣгаемъ добродѣтели, то ничемъ не лучше животныхъ. Сіи не имѣютъ совѣсти; слѣдовательно жизнь ихъ не возмущается ни какими упреками. По большой части ищемъ удовольствія въ суетныхъ вещахъ. Ежели кто устремится за тѣнію, то по мѣрѣ его скорости и она бѣжитъ отъ него. Мы увеселяемся благими міра сего, какъ дѣти мыльными пузырями, изображающими тысячу пріятныхъ цвѣтовъ; и они начинаютъ плакать, когда сія игрушка трѣснетъ въ воздухѣ....О небо! почто мы толико слѣпотствуемъ? и для чего стремительнымъ шагомъ бѣжимъ на свою погибель? Почто сіе твореніе, которое пролагаетъ себѣ путь чрезъ утесистые хребты каменистыхъ горъ, которое укрощаетъ лютѣйшихъ звѣрей, которое морями преходитъ отъ одного полюса къ другому, которое проникаетъ въ нѣдра земныя, измѣряетъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, основываетъ города

и царства: почто, сказую, творенїе сїе отъ самаго себя бываетъ столь злополучнымъ?...Дїогенъ справедливъ или нѣтъ, когда среди дня съ фонаремъ ищетъ людей?

§ 74.

Дабы сдѣлать ощутительными пользы, произтекающїя изъ добродѣтели, довольно сказать, что она служитъ намъ неподвижнымъ якоремъ во всѣхъ нашихъ страданїяхъ. Что мїръ есть сборищное мѣсто всякихъ скорбей, сїе дознано отъ начала свѣта. Отъ рожденїя по самой гробъ, время заключено въ извѣстныхъ предѣлахъ, и сїе время продолжительно, ежели изчислять всѣ минуты нашея жизни; но дѣлается крайне скоротечнымъ, когда будемъ считать одни только лѣта. Число мѣсяцовъ нашего бытїя есть ничто въ сравненїи съ продолженїемъ вѣчности ...Но, праведное небо! колико бѣдствїй надобно перенесть прежде, нежели прейдемъ сїе малое пространство! Все подчинено превратности; и благополучнѣйшїй человѣкъ имѣетъ также свои печали и нещастїя. Мы раждаемся, чтобъ жить; но живемъ, чтобъ терпѣть. Дѣлаемся больны, дабы поправить свое здоровье; а выздоравливаемъ, чтобъ снова заболѣть.

Горсть земли изъкоторой составлено наше тѣло, уподобляется обветшалому дому, ежедневно грозящему паденїемъ. Богатый Государь Лидїйскїй издѣвался надъ достопамятными словами одного изъ седми Греческихъ мудрецовъ, которой сказалъ ему, что никто не блаженъ прежде смерти: напослѣдокъ приходитъ въ ужасъ отъ изреченїя сего философа; и гдѣ же? на мѣстѣ казни. Дарїй горестно оплакиваетъ потерю своей супруги; но слезы его изсякли, когда одинъ философъ сказалъ ему что онъ можетъ воскресить ее, ежели Дарїй на ея гробѣ напишетъ хотя трехъ человѣкъ, кои въ жизни ни чемъ бы не были огорчены... Добродѣтель никогда столь не прелестна, какъ при страданїи; и никогда столь не сильна, какъ когда гонима бываетъ: она тогда уподобляется пальмовымъ древамъ, кои, по увѣренїю, красивѣе становятся, и лучше ростутъ подъ тяжестїю.

§ 75.

Добродѣтельный человѣкъ въ печальныхъ своихъ положенїяхъ тотчасъ ощутитъ истинное удовольствїе, лишъ только всю надежду свою возложитъ на Бога ...Мало словъ; но многое они заключаютъ въ себѣ. Кто

пожелалъ бы сїю радость промѣнять на земныя блага: тотъ здѣлалъ бы тоже, что и Американцы, которые за укругъ граненаго стекла даютъ прекраснѣйшїй алмазъ...Чемъ больше приближаются къ Божеству, тѣмъ бываютъ блаженнѣе; но по мѣрѣ удаленїя отъ сего Верховнаго Блага увеличивается и бѣдствїе. Богатый человѣкъ не можетъ себѣ представить, какимъ образомъ убогїй живетъ въ своей хижинѣ съ такимъ же удовольствїемъ, съ какимъ онъ покоится въ своемъ чертогѣ; ибо думаетъ, что благая земли суть единственный источникъ благоденствїя. Честолюбецъ, скупецъ, богачь совершенно бѣдные люди; а любитель добродѣтели достаточенъ во всемъ пространствѣ сего слова. Почему? потому что тѣ теряютъ высочайшее добро, между тѣмъ какъ сей оное прїобрѣтаетъ. Добродѣтель есть излїянїе Верховнаго Существа; и вотъ почему добродѣтельный человѣкъ равнодушенъ къ богатству; и хотя бы могъ пробыть безъ всего, однако можетъ обладать цѣлымъ мїромъ....Небо испытуетъ его въ нещастїяхъ; онъ своимъ терпѣнїемъ опытъ сей премѣняетъ въ торжество для себя. По сей--то причинѣ

свѣтъ называетъ онъ училищемъ, въ которомъ Богъ искушаетъ избранныхъ своихъ.

§ 76.

Безъ сомнѣнія вопросятъ меня, откуда произходитъ удовольствіе, каковымъ наслаждаетсяблагоразумный? Отвѣтствую: оно произтекаетъ изъ совершенствъ Божіихъ. Какіе признаки сея истины, возразятъ мнѣ? Бога, яко Существо невидимое, не льзя ни видѣть, ни слышать, ни приближиться къ нему....Въ какомъ вы заблужденіи! Въ зеркалѣ не зримъ ли образа стоящаго подлѣ насъ, не видя его самаго? Міръ есть зерцало Божіихъ совершенствъ. Сердце добродѣтельнаго человѣка трепещетъ отъ радости, теряясь вь чудесахъ природы. Благовоніе розы для мудраго уже есть доказательство бытія Божія: на земли нѣтъ ничего, чтобы не научало его познавать всемогущество, благость, премудрость и прочія свойства Божества. Ежели бы Творцу угодно было землю для человѣка содѣлать непрестаннымъ адомъ; то надлежалобы ему устроить оную совсѣмъ другимъ образомъ. Гдѣ нынѣ цвѣтущія долины, тамъ надлежалобы быть дымящимся горамъ и огнедышущимъ

жерламъ; и гдѣ красятся зеленѣющіе луга, тамъ встрѣчались бы песчаныя степи и ужасныя пустыни. Такимъ образомъ, дабы не остаться безчувственными къ красотамъ природы, стоитъ только открыть глаза.. .Я дѣлаюсь нещастливъ; буду разсматривать свѣтъ, и размышлять, что Богъ есть всесиленъ, что можетъ онъ въ одно мгновенiе содѣлать меня благополучнѣйшимъ изъ человѣкъ. Тѣло мое подвержено болѣзненнымъ припадкамъ; иду въ поле, и тысячи цѣлительныхъ травъ представляются моему взору. Тогда говорю самъ въ себѣ: Богъ милосердъ; ибо вотъ и средства къ излѣченiю. Алчу, утѣшимся; минуту спустя, вижу стадо летящихъ птицъ, коихъ провидѣнiе не оставляетъ. Забочусь объ одеждѣ; Чтожe! Оглядываюсь кругомъ, и не вижу никого, ктобы не былъ одѣтъ сообразно состоянiю и силамъ. Жажду, потерпѣть не много; иду впередъ, и усмотрѣвъ ключь, коего свѣжыя воды утучняютъ окрестныя земли, бѣгу утолить жажду свою. Я печаленъ и не доволенъ своимъ жребiемъ: но въ размышленiи подъемлю глаза, и вижу на деревѣ птицу съ вѣтьви на вѣтьвь прыгающую.... Симъ образомъ мiръ съ двухъ сторонъ

можетъ казаться прекрасенъ. Суетный человѣкъ нарицаетъ его таковымъ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, нежели любитель добродѣтели. Тотъ, будучи невольникомъ чувствъ, сладострастїю служитъ, какъ божеству своему; онъ наслаждается творенїями, и нимало не мыслитъ о Творцѣ. А сей не обрѣтаетъ на земли ничего, чемъ бы ни тщился славить Высочайшее Существо: на одрѣ болѣзни величаетъ его, и въ мрачнѣйшей темницѣ имъ же утѣшается. Когда богачь неистовствуетъ, и столъ его окружаютъ ласкатели; тогда убогїй созерцаетъ чудеса природы: первый услаждаетъ языкъ, а сей зрѣнїе. Когда нечестивецъ дѣлаетъ всякїя сумозбродства при звукѣ музыкальныхъ орудїй безчинными плясками, или срамными пѣснями: мудрый въ то время идетъ въ лѣса, и внимаетъ прїятному пѣнїю птицъ. Которое жъ изъ сихъ удовольствїй больше, плѣнительнѣе, невиннѣе? Ахъ смертные! Сїи истины еще ли для васъ загадка?

§ 77.

Филаретъ былъ достойный членъ общества, ибо былъ любомудръ. Онъ въ жизни своей много страдалъ, но никакое бѣдствїе не могло ослабить

его мужества, потому что вооружась добродѣтелю и правилами философіи, неослабную велъ войну съ безпокойствіями духа своего. Но и весьма часто торжествующіе ирои обыкновенно наконецъ бываютъ побѣжденными. Когда считаемъ себя очень сильными, тогда по большой части владѣетъ нами слабость; и желая съ лишкомъ мудрить надъ чемъ либо, впадаемъ въ большія погрѣшности.... И такъ Филаретъ началъ выходить изъ равновѣсія; ибо былъ также человѣкъ, какъ и другіе. День егда началъ склоняться къ вечеру, и печаль уже въ торжествѣ шла предъ нимъ. Насмурная тоска тѣснила его грудь, и все мужество его оставило: слезы текли по ланитамъ, а разумъ питался горячимь желаніемъ узрѣть приближеніе часа, которой освободитъ отъ узъ тѣла, и введетъ его въ предѣлы вѣчности. Погруженный въ сихъ размышленіяхъ, вышелъ въ поле, дабы въ уединеніи свободнѣе предаться печальнымъ мыслямъ своимъ....Тамъ узрѣлъ онъ лугъ украшенный различными цвѣтами: здѣсь, сказалъ онъ, приклоню мою голову, и расположусь къ смерти: снѣдающая меня тоска въ сію ночь можетъ быть окончитъ дни мои. Увы! я почти

дерзаю мыслить, что Богъ сотворилъ міръ единственно на мученіе людей....Въ семъ смущеніи сѣлъ онъ и плакалъ. Подлѣ него находилась роща исполненная соловьевъ, кои при тихомъ мерцаніи заходящаго солнца производили наперерывъ пріятнѣйшее чириканіе. Они сидѣли въ своихъ гнѣздахъ, бывъ окружены вѣтвями и листами; и каждой кликалъ свою подругу улетѣвшую предъ вечеромъ... Всѣ сіи существа, казалось, вкушаютъ сладостнѣйшее чувствованіе. Аисты пробужденные опять пошли на пажить по зеленому лугу; о веселости ихъ можно было судить по медленному и горделивому ихъ ходу. Въ ближнемъ оттуда разстояніи былъ видимъ довольно великой свѣтъ, гдѣ агнцы прыгали, какъ скоро пасущій заиграетъ на своей свирѣли вечернюю пѣснь. У подошвы сего пригорка находилась тѣнистая долина, гдѣ прелестныя травы изпускали пріятнѣйшіе пары въ видѣ прохладной росы, и забавляли обоняніе сладостнѣйшими чувствіями. Здѣсь природа насадила въ красивомъ безпорядкѣ престарѣлыя липы, кои даже до облакъ возносили главы свои, обогащенныя листвіемъ, и которыя густыми вѣтьвями пріосѣняли весь бу-

еракъ. Видно было множество дикихъ козъ выскакивающихъ изъ лѣсовъ въ долину; они туда и сюда бросали внимательные взоры свои; но при видѣ людей съ пріятною робостію скрывались во мрачность рощей. Тамъ протекали многіе ключи, къ которымъ стекались жаждущіе елени, когда блистающая заря возбуждала отъ усыпленія утружденное полукружіе.... Въ окрестности, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, журчала быстрая рѣка, которой воды иногда подражали водамъ моря вѣтромъ колеблемаго, разливаясь по прелестному лугу. Тамъ бѣлое покрывало часто, какъ нѣкое привидѣніе, въ ужасъ приводило пастуховъ у огня сидѣвшихъ во время ночи. Казалось, что природа здѣсь истощила всѣ свои прелести, чтобъ изъ сей долины составить Елисейское поле. Самъ Филаретъ у ногъ своихъ увидѣлъ не большіе кустарники, гдѣ, безъ всякаго воздѣланія, расли къ нашему удовольствію разновидные цвѣты. Надъ головою его уже начинали появляться сумерки вечера, и нощные тѣни приближались скорыми шагами, какъ бы въ угодность Филарету, ожидавшему ихъ съ большимъ, но пагубнымъ удовольствіемъ. Но по мѣрѣ разсма-

триванія сихъ восхитительныхъ красотъ разсѣвались и унылыя мысли его. Какъ, сказалъ онъ, уже ли я не гражданинъ сея прекрасныя вселенныя? Что за сокровища и дивности, здѣсь открываемыя мнѣ природою? Какую имѣю причину печалиться и стенать, когда Творецъ сего великолѣпія является столь благодѣтельнымъ для меня? Здѣсь вижу я восхитительное зрѣлище, достаточно утверждающее меня въ справедливомъ понятіи о безпредѣльныхъ свойствахъ Божества. Я ни одной лилѣи не посѣялъ, ни единаго листвія не произвелъ; однако все столь пріятно живописуется въ моихъ глазахъ, что разумъ мой приводитъ въ удивленіе. Каждая звѣзда, на тверди блистающая, изумляетъ меня. Каждой цвѣтъ растущій въ сей прелестной долинѣ, есть доказательство прозорливости Всемогущаго. Никакой червь не ползаетъ подъ травою, которой бы въ тайнѣ не вопилъ, что есть Богъ. Не превышаю ли я всѣ сіи зримыя мною существа? Почто сокрушаться, когда все окружающее меня радуется? Когда Богъ толико мнѣ благодѣтельствуетъ; то могу быть благонадеженъ, что не допуститъ меня упасть подъ бременемъ нещастій.

Такъ, Филаретъ въ сію минуту ощущалъ такое удовольствіе, которое не промѣнялъ бы ни на какія восторги. Чувствую, что въ однихъ пустыняхъ человѣкъ можетъ быть совершенно блаженъ. Истинное щастіе есть врагъ пышности и шума, и вкушаютъ оное въ одномъ только уединеніи. Да посѣщаемъ всегда лѣса, поля, луга и источники.

§ 78.

Сколь блаженна душа наслаждающаяся сею неоцѣненною пріятностію, сею важною пользою, каковыхъ можетъ ожидать отъ добродѣтели! Такъ, удовольствіе проистекающее изъ благихъ дѣлъ служитъ врачевствомъ противу всѣхъ отравъ злополучія. Ничто не можетъ привесть въ уныніе духъ довольный самимъ собою: ни убожество, ни непріятели, ни презрѣніе, ни болѣзни, ни потеря друзей не сильны заставить его выдти изъ равновѣсія. Онъ превыше напастей; ибо увѣренъ, что все къ лучшему. Терпѣніе есть его якорь, а мирная совѣсть стихія его жизни. Онъ счастливыми почитаетъ тѣхъ, кои играютъ роли средственнаго состоянія; а принужденныхъ являться на позорищѣ великихъ,

нещастными. Онъ ищетъ мѣстъ спокойныхъ; любитъ безмолвіе; удаляется мірскаго смятенія; славитъ Бога, что освободилъ его отъ всѣхъ трудностей, кои добродѣтель его могли бы поколебать. Онъ на бѣдствія взираетъ какъ на наказаніе Бога благодѣющаго, испытующаго терпѣніе и утверждающаго надежду. Изъ устъ его вылетаютъ вздохи, но сердце мирно. Ежели изъ очей катятся слезы, то слезы радости. И такъ удивительно ли, что добродѣтель толико прекрасна, когда сопутствуетъ ей удовольствіе? Удивительно ли, что послѣдователи ея презираютъ суетствія міра сего, гнушаются роскошію, равнодушны бываютъ къ почестямъ, къ времянному щастію и ко всему тому, что удаляетъ насъ отъ истиннаго благополучія?

§ 79.

Отъ чего происходитъ стукъ позади меня?...Отъ кареты. Вижу богача въ позлащенной колесницѣ, за коею стоятъ три слуги, весьма пышно одѣтые; сколь я счастливъ, говорю самъ въ себѣ, что не имѣю нужды въ такой свитѣ! Ноги у меня здоровы, и я хожу безъ отягощенія; слѣдовательно удобно могу обойтись

безъ лошадей. Правда, я отдаленъ отъ Двора, и живу одинъ въ домѣ: но въ замѣну того пользуюсь свободою. Ложусь спать, когда хочу; питаюсь тѣмъ, что имѣю: когда придетъ позывъ на пищу, то все кажется мнѣ также вкусно, какъ и дорогія яствы богачамъ. Жилище мое не есть чертогъ, но я онымъ доволенъ. Колико отличенныхъ жребіемъ съ величавостію живетъ въ увеселительныхъ замкахъ, кои по большой части сооружаются потомъ корыстолюбія и убожества! Каждой камень на небо вопіетъ объ отмщеніи; ибо подъ видомъ справедливости удержана мзда наемнича. Богатымъ колико докукъ отъ частыхъ посѣщеній вдовъ и сиротъ, кои увидя ихъ обыкновенно плачутъ и стенаютъ! Я не наслаждаюсь общимъ уваженіемъ; но никто также мнѣ не завидуетъ, и не имѣю рабовъ, кои бы меня страшились: я недостаточенъ, но въ замѣну сего не мучусь боязнію обнищать: Я не изчисляю знаменитыхъ предковъ; но также не имѣю нужды жить пышно. Платье мое не украшено ни мишурою, ни позументами; но оно цѣло, опрятно, и довольно защищаетъ меня отъ дождя, воздуха и солнца. Дово-

ленъ малымъ, и не безпокоюсь ни высокомѣрiемъ, ни славолюбiемъ. Нещастiе ведетъ меня къ Богу, а Богъ даровалъ мнѣ средства на бѣдствiя взирать какъ на предшественники грядущаго блаженства.

§ 80.

Не угодно было Высочайшему Существу изъ меня содѣлать ироя, ученаго; однако душа моя отъ того не презрительнѣе въ очахъ Его. Я прилѣжу къ добродѣтели и предпочитаю ее всему на свѣтѣ. Дѣйствительно не достаетъ мнѣ обширныхъ знанiй; но не довольно ли я просвѣщенъ, когда имѣю ясныя свѣденiя о бытiи Творца природы? Я, правда, не измѣряю ни разстоянiя планетъ, ни необъятной величины тверди; не устремляюсь на открытiе новыхъ мiровъ; очень мало безпокоюсь, есть или нѣтъ жители въ лунѣ? Ежели всѣ планеты обитаемы, то нѣтъ сомнѣнiя, чтобъ и тамъ не прославляли, и не благодарили виновника бытiя своего. Въ саду у меня распускается цвѣтъ; не знаю, какъ онъ называется; такъ же несвѣдущъ о его свойствахъ и дѣйствiяхъ; но срываю оной, ощущаю благовонiе, и внутренно благодарю сотворшаго оной. Въ воздухѣ летаетъ пылинка; не

изыскиваю, можетъ ли она быть малой міръ, изъ сколькихъ единицъ составлена, а только удивляюсь прелестнымъ ея цвѣтамъ. На бумагѣ, на коей нынѣ пишу, вижу не большаго ползущаго червя: въ минуту протекаетъ онъ долготу и широту цѣлой страницы. Не углубляюсь въ размышленіе, на сколько тысячь частей сіе минутное время можетъ быть раздѣлено; съ какою не постижимою скоростію, и сколько разъ сіе животное въ минуту движетъ ногами своими; чѣмъ оно питается; какая утонченность въ его членахъ; какая нѣжность въ его жилахъ, глазахъ, легкомъ, во внутренности: нѣтъ, я сравниваю только свою величину съ величиною сей малой твари, и удивляюсь Всемогуществу.... На зеленомъ лугѣ усматриваю траву; не испытую, коликимъ измѣненіямъ она подлежитъ; какимъ образомъ насыщаетъ овецъ и прочихъ животныхъ; какимъ образомъ преобразуется во млеко; какимъ образомъ млеко премѣняется въ масло; масло въ человѣческую пищу; пища въ кровь, а кровь обращается въ составъ моего тѣла; нѣтъ; довольно для меня видѣть ее растущею, смотрѣть, какъ она цвѣтетъ, увядаетъ и наконецъ

въ прахъ превращается: тогда привожу на память себѣ, что и я подвергнусь такой же участи. Не забывай человѣкъ, яко земля еси, и въ землю пойдеши. Тамъ изъ улья вылетаетъ пчела; она впивается въ сердце лилѣи, и высасываетъ оттуда сладостныя сокровища природы, трудится, собираетъ, изъ цвѣтовъ извлекаетъ самой лучшій сокъ, и возвращается отягченная обиліемъ полей. Она опять вылетаетъ въ поле; садится на багрецъ розы, по видимому онымъ любуется, и кажется такъ же довольною, какъ и Принцесса, сидящая въ креслахъ златошвейнымъ бархатомъ убранныхъ: она скрывается между листвіями розы, и въ семъ прелестномъ жилищѣ наслаждается всемъ возможнымъ удовольствіемъ: тамъ она увеселяется дарами природы, и потому дѣлится съ другими; ибо медъ приноситъ въ улей, гдѣ подруги ожидаютъ ее со всеобщею радостію. Я иду въ слѣдъ за ней, и изумляюсь, найдя у сихъ животныхъ монархическое правленіе: среди сего малаго міра сидитъ мудрецъ, ихъ царь, котораго питаютъ, и хранятъ по очереди....Здѣсь не ломаю у себя головы, чтобъ постигнуть природу сихъ насѣкомыхъ. Нахожу

тысячи побужденій прославлять міроздателя, и подвизаться въ добродѣтели. Почто же негодовать на скудость свѣденій? все, на что ни воззрю, кажется, создано во удовольствіе моей души и для прославленія Божества.

§ 81.

Всякъ здравомыслящій можетъ разсуждать такимъ образомъ, и изъ размышленія выводить утѣшительнѣйшія заключенія во всѣхъ положеніяхъ жизни. Сколь бы они ни горестны были; каковы суть убожество, низкое произхожденіе, недостатокъ чувствованій, неспособность къ наукамъ: однако онъ не будетъ почитать себя злополучнымъ. Ежели духъ его спокоенъ, то впрочемъ какую имѣетъ нужду? Земныя блага по большой части блещутъ извнѣ, а во внутренности ихъ кроется острѣйшій ядъ. Я не богатъ, ни уваженъ, ни великъ, ни славенъ: но также не страшусь и тѣхъ опасностей, кои сопряжены съ сими суетами. Что такое есть металлъ, златомъ нарицаемый? Въ чемъ состоятъ богатство, великость, почести? Что въ насъ производятъ похвалы, лестію соплетаемыя? Къ чему клонится сія роскошь, сія пышность? Все

сїе въ глазахъ моихъ есть не иное что, какъ пустой призракъ, дышущїй вѣтръ, подслащенный ядъ, море исполненное подводныхъ камней, гдѣ могъ бы я погибнуть. Я отнюдъ не убогъ, ибо имѣю добродѣтель: я не презрѣнъ; ибо никого не слышу говорящаго о мнѣ: не хвалятъ меня; но такъ же никто и не порочитъ: не могу быть низкой породы, ибо произхожу изъ такогожъ бренїя, какъ и всѣ Князи вѣка сего: нѣтъ у меня враговъ; ибо никого не оскорбилъ: пусть гонятъ и клевещутъ; я тѣмъ не меньше не виненъ остаюсь; во мнѣ нѣтъ приписуемыхъ мнѣ пороковъ: подъ моимъ именемъ разумѣютъ совсѣмъ другаго человѣка; для чего же отмщевать тѣмъ, кои признаютъ меня не такимъ, каковъ есмь въ самомъ существѣ? Естьлибы они покороче знали меня, то я увѣренъ, что не токмо не дерзали бы меня злословить, но еще возъимѣлибы ко мнѣ уваженїе.

§ 82.

Смерть похищаетъ у меня родителей, дѣтей, сестръ, братьевъ, друзей. Что же! Вотъ! они и освобождены отъ золъ и опасностей, кои впредь могли бы случиться съ ними: они счастливѣе меня; для чего же

мнѣ завидовать ихъ жребію? Нѣтъ; я не буду плакать; былъ бы я несмысленъ, когда бы сокрушался о ихъ благополучіи....Не возложено на меня великихъ должностей; но также свободенъ я отъ заботъ и досадъ. Степень, которой долженъ я занимать въ свѣтѣ, отъ вѣка предопредѣленъ; еще не наступила минута, чтобъ былъ мною замѣщенъ другой. Для чего ему желать смерти тому, которой можетъ быть очень ревностно проходитъ званіе свое? Да будетъ долголѣтенъ; онъ меня способнѣе къ общежительнымъ должностямъ. Довлѣетъ съ моей стороны быть расположену къ пользамъ Отечества. Отъ человѣка требуется быть довольну своею участью, и никогда не завиствовать блистательнымъ достоинствамъ. Честная умѣренность предпочтительнѣе богатства. Чѣмъ больше имѣютъ, тѣмъ большимъ подлежатъ отчетамъ. Чѣмъ больше должностей, тѣмъ больше заботъ.

§ 83.

Богъ даровалъ намъ желанія, дабы онѣ устремляли насъ ко благу: но мы часто превращаемъ ихъ въ орудія злодѣйствъ: онѣ дѣлаются лютѣйшими мучителями и главнѣйшею виною нашихъ прискорбій....Мы

покаряемъ все, что ни встрѣчается на земли; но большая часть людей не умѣютъ править самими собою. Я хочу сказать, что человѣкъ, толико умомъ превыщающій прочія твари, отдается въ плѣнъ своимъ страстямъ, и дѣлается ихъ невольникомъ. Торжествующій надъ ними есть достойнѣе лавровъ, нежели величайшій какой либо Ирой. Завоевателямъ гораздо легче выиграть сраженіе, взять укрѣпленные города, нежели укротить одну какую либо изъ своихъ страстей. ..Александръ куда ни обратитъ свои стопы, вездѣ побѣждаетъ. Чтоже? Покоренныя имъ страны суть свидѣтели его разврата. Славолюбіе, роскошъ, гнѣвъ, зависть, піянство и другіе пороки, были страшные враги, кои ежедневно противъ его воевали; и часто побѣждали. Онъ, какъ дитя, плакалъ, когда одинъ философъ сказалъ ему, что есть еще другіе міры, коихъ однакожъ завоевать онъ не можетъ. Сей человѣкъ, названный великимъ, дѣлается побѣдителемъ Персіи; и изъ подлаго угожденія одной своей наложницѣ приказываетъ сжечь прекраснѣйшій городъ (Персеполь). Клитъ, одинъ изъ главныхъ полководцевъ его арміи, на пиршествѣ выхваляетъ

Филиппа, отца Александрова: Александръ тотчасъ вонзаетъ въ него мечь свой; наутріе сей бѣсноватый предается отчаянію, что умертвилъ одного изъ лучшихъ своихъ наперсниковъ. Сей самый Ирой безуміе свое простеръ даже до того, что подданнымъ своимъ повелѣлъ себя боготворить; тотъ, котораго страсти со дня на день понижали, и котораго едва можно назвать человѣкомъ; ибо предавшись порокамъ, казался онъ несмысленнѣе всякаго дикаго звѣря.

§ 84.

Страсти всеминутно будутъ насъ мучить, ежели благоразуміе, единственный нашъ руководитель, не обуздаетъ ихъ; жажда богатства, честей томитъ насъ до конца жизни, и почти всегда оканчивается пагубою. Она уподобляется ядовитому растѣнію, непрестанно въ верхъ под нимающемуся, ежели въ самомъ началѣ не постараются изкоренить его. Муха раздражаетъ своенравнаго человѣка, а боязливой страшится собственной своей тѣни. Страстолюбцу скоро скучными становятся чувственныя удовольствія; а сребролюбецъ дрожитъ у запертыхъ своихъ сундуковъ. Расточительный приходитъ въ нищету; а честолюбецъ часто впа-

даетъ въ чахотку, или погибаетъ на эшафотѣ. Пьяной человѣкъ дѣлается сказкою дѣтей; а горделивецъ идоломъ дураковъ. Мы чувствуемъ всю тяжесть беззаконныхъ желанїй; но никогда не рѣшимся сбросить съ себя оную. Человѣкъ есть такое творенїе, которое весьма любитъ раболѣпствовать развращенной своей воли: а потому подверженъ непостоянству. Облачный день, лучь солнца, легкое дуновенїе вѣтра такое имѣютъ влїянїе на человѣческое тѣло, что мы вовсе не походимъ на самихъ себя. Такимъ же образомъ перемѣняются наши нравы, нашъ образъ жизни и поступковъ; когда взойдемъ на вышшїй степень чести, или увеличимъ годовые свои доходы. Ежели мы были кротки въ нещастїи, то въ счастїи надмѣваемся и высокомѣрствуемъ. Участь наша часто зависитъ отъ связи съ большими лицами: не имѣя дарованїй, хитрости, живемъ въ неизвѣстности и бѣдности . . . . Мы пробное творенїе Высочайшаго Существа; надлежалобы намъ всемѣрно стараться подходить ближе къ сему Творческому Духу, которой чуждъ всякой перемѣны и превратности: но вмѣсто того произвольно упадаемъ съ высоты, на которой

поставлены, даже до того, что нѣкоторымъ образомъ теряемъ самое человѣчество.

§ 85.

И такъ сколь благополученъ человѣкъ управляемый добродѣтелію, и разумѣющій науку владѣть самимъ собою! Распутный, ежели не можетъ успокоить своихъ желаній, и утолить свои прихоти, вѣчно мятется. Добродѣтельный напротивъ того презираетъ пышность вещественнаго міра, говоря самъ въ себѣ: всѣ сіи суеты, кои блестятъ на подобіе стекляннаго вещества, имѣютъ такуюжъ и хрупкость. . . . Когда предстаетъ смерть; и своею косою готовится подкосить насъ: тогда человѣкъ увлекаемый стремленіемъ страстей, такъ же бываетъ слабъ, какъ и младенецъ; а добродѣтельный получаетъ силу Исполина. Мудрый испытуетъ поведеніе богачей, великихъ, сильныхъ міра сего; и говоритъ своему другу: все, что ты ни видишъ на земли, есть блистательная бѣдность. Посему никакія клеветы и никакая злость не сильны устрашить его. Рощица, оживленная пѣніемъ птицъ, для него служитъ увеселительнѣйшимъ жилищемъ; а домъ замѣняетъ цѣлое царство. Его желанія не останавлива-

ются на земли; но возносятся къ Богу, въ глубокомъ предъ нимъ смиреніи: а чрезъ то онъ становится чище, возвышеннѣе и достойнѣе Верховнаго Существа. Онъ лишается свѣта; но сердце его дѣлается жилищемъ безконечнаго блага. Однимъ словомъ, онъ благоденствуетъ; ибо умѣетъ укротить страсти свои, и добродѣтель избираетъ путеводящею звѣздою во всѣхъ своихъ начинаніяхъ

§ 86.

Хочешъ ли быть благополученъ, и жить спокойно; заблаговремянно снищи навыкъ по крайней мѣрѣ умѣрять страсти свои, ежели не силенъ совершенно ихъ побѣдить. Скажи съ философомъ: я доволенъ, что щастье мнѣ не благопріятствуетъ: ибо могу обойтись безъ него. Благодарю небо, что не родился я наслѣдникомъ великаго имѣнія; ибо знаю теперь, что не лежитъ клятва на имѣніи моихъ предковъ. Не краснѣю отъ стыда при видѣ бѣдныхъ; ибо ни родители, ни я не угнѣтали вдовъ и сиротъ. Сердце мое не терзается разкаяніемъ; ибо никому я зла не здѣлалъ. Не ожидаю и не желаю наслѣдства; ибо доволенъ добродѣтелью, въ замѣну наслѣдства мнѣ отъ родителей оставленною. По мѣрѣ желаній увели-

чивается и скудость. Что до того, шелкомъ, или шерстїю покрыто мое тѣло? Какая польза на столѣ имѣть глиняныые или сребренные блюды? Безумно смущаться отъ такой малости. Когда имѣешъ десять пистолей, то они въ тысячу кратъ больше стоятъ, нежели сто тысячь ефимковъ, коихъ бы ты пожелалъ. Я не домогаюсь чиновъ; ибо доволенъ настоящимъ своимъ состоянїемъ. Чѣмъ выше достоинство, чѣмъ обширнѣе предѣлы владѣнїя, чѣмъ многочисленнѣе подданные, коими повелѣваемъ, чѣмъ больше имущества: тѣмъ важнѣе потребуется отчетъ, и тѣмъ больше случаевъ могущихъ возмутить совѣсть. Я просвѣщенъ, но не уваженъ; между тѣмъ какъ вижу глупца отъ всѣхъ чтимаго; онъ даже слыветъ великимъ умникомъ, и сїе потому что онъ богатъ: но былъ бы я безуменъ, когда бы началъ скорбѣть о семъ....Иной веселится, получа преимущество надо мною; уже ли позавиствую ему въ семъ маломъ удовольствїи? Онъ идетъ напередъ, а я позади; онъ идетъ съ правой, а я съ лѣвой стороны. Чтожъ изъ того? Земля вездѣ одинакова. Какое дѣло, что онъ счастливъ нѣсколькими минутами прежде меня?

Уменьшится ли мое достоинство, когда имя мое поставлено будетъ послѣ его имени? Ахъ нѣтъ! я не престану жить по образу мыслей своихъ и по своей волѣ; хотя и не живу въ большой знати.

§ 87.

Я не одаренъ великимъ умомъ и проницательностію. Что же! тѣмъ довольнѣе; отъ великаго знатока многаго и требуютъ; а живущій въ невинной простотѣ несравненно почтеннѣе всякаго мудреца, коего остроуміе далеко отводитъ отъ прямаго пути....Врагъ старается мнѣ вредить; ни мало о семъ не безпокоюсь; я обыкъ удерживать свой гнѣвъ: былъ бы не разуменъ, когдабы захотѣлъ мстить ему. Ежели онъ сильнѣе, то возторжествуетъ, и я останусь виновнымъ. Въ противномъ случаѣ, доброй души свойство сносить оскорбленія; презрѣніе довольно отмстить за меня; иначе гнѣвъ мой можетъ раздражить его, и тогда вмѣсто мира произойдутъ между нами безконечныя ссоры. Онъ мнѣ досаждаетъ, я хвалю его; онъ гнѣвается, я пребываю спокоенъ; онъ гонитъ меня, я отвѣтствую доброжелательствомъ; онъ бѣсится, я наблюдаю миръ въ душѣ моей; онъ невольникъ своей запальчивости, я

благодушествую; онъ ненавидитъ меня, а я люблю его; онъ кленетъ, а я желаю ему всего возможнаго добра. Лучше имѣть друзей, нежели непріятелей: ибо нѣтъ такъ слабаго врага, которой не могъ бы намъ вредить. Воззри на баснословнаго гордаго коня, котораго шмель ужалилъ въ ротъ; лошадь испугалась; и переломила ногу.

§ 88.

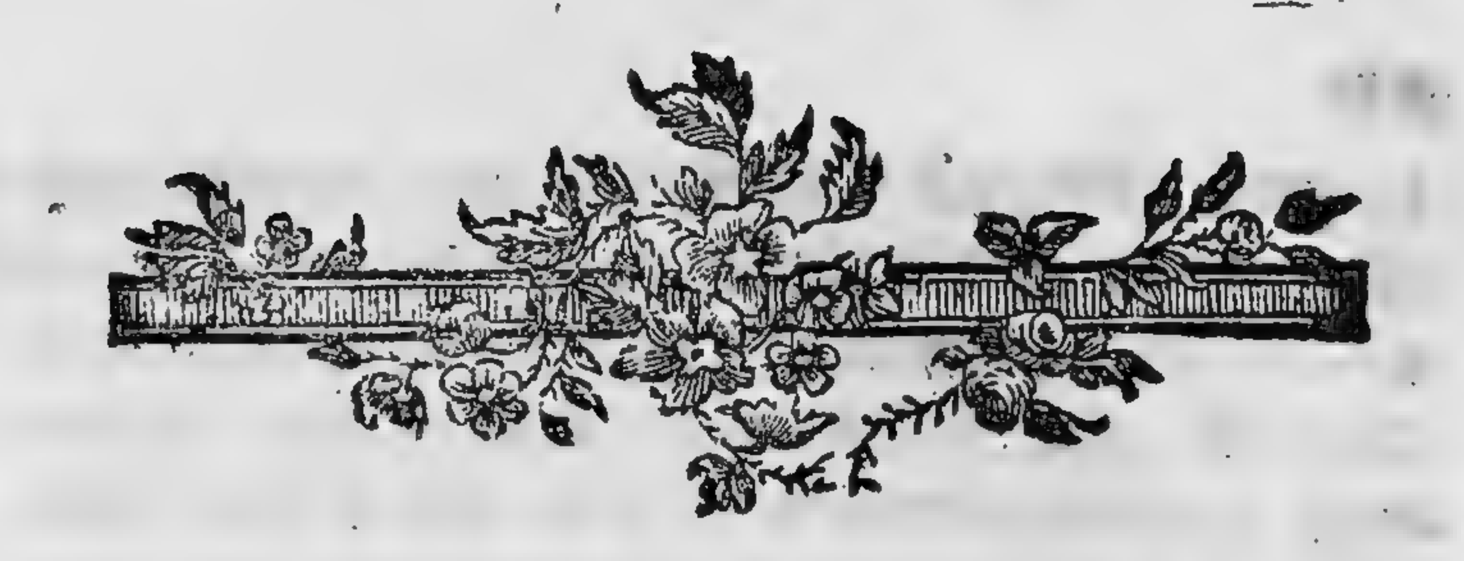
Наши смущенія, наши безпокойства произходятъ большею частію отъ распутныхъ нашихъ желаній; и ежели мы не сильны побѣдить ихъ, то не будетъ для насъ ничего священнаго. Сколь убо благополученъ мудрый человѣкъ; ибо онъ можетъ покарять страсти и желанія свои. Изъ сего раждается безпристрастіе къ благамъ міра сего; что составляетъ пятую пользу, каковой должны мы ожидать отъ добродѣтели. Чѣмъ больше о семъ размышляютъ, тѣмъ менѣе можно понять: какимъ образомъ человѣкъ, коего жизнь не иное что какъ сонная мечта, такъ сильно страстенъ къ почестямъ, богатству? Извѣстно, что жизнь наша есть странствованіе; что дни наши скоротечны какъ молнія, и что ежеминутно должно намъ бояться смер-

ти, которая богатаго еще меньше щадитъ, нежели убогаго. . . . Между тѣмъ сколько такихъ, кои для злата не стыдятся жертвовать невинностїю и честїю! Пусть только внимательнымъ окомъ посмотрятъ на усилїя людей, скоро удостовѣрятся въ сей истинѣ, и увидятъ, что никакой человѣкъ не изъятъ отъ слабостей; всякой свою имѣетъ. Государь тысячами подданныхъ жертвуетъ войнѣ. Министры его ничемъ больше не занимаются, какъ средствами умножать казенные доходы. Ученой есть зажженная свѣча, которая свѣтитъ для другихъ, но сама сгараетъ; купецъ ввѣряетъ жизнь свою вѣтрамъ и волнамъ; воинъ на полѣ брани безстрашенъ среди своихъ сподвижниковъ умершихъ и умирающихъ. Художникъ съ восхода зари трудится въ потѣ лица....Наконецъ какая пружина движетъ сими людьми? Ето есть ненасытная алчба честей, славы, богатства. Здѣсь отнюдъ не разумѣю сего благороднаго желанїя, сей благородной ревности, сей мужественной храбрости, кои образуютъ истиннаго Ироя, человѣка великаго; а говорю только о безмѣрной привязанности къ благимъ мїра сего. Мучимся, напрягаемъ всѣ силы свои для

снисканія дневнаго пропитанія; получивъ сіе, сомнѣваемся: промыслъ будетъ ли и впредь также благоволить о насъ. Тѣ, кои запаслись жизненными потребностями, еще больше другихъ жалуются; грызомые тысячею безпокойствъ, трудятся съ большею ревностію, нежели когда бы ничего не имѣли. Но добродѣтельный совсѣмъ иначе мыслитъ, и для сей то причины мало безпокоится о благахъ и удовольствіяхъ земныхъ. Сладострастіе называетъ онъ ядомъ; чести, тѣнію: звучные титлы предоставляетъ другимъ, коихъ могутъ они веселить, и которыхъ почитаетъ онъ наровнѣ съ ядущими и не насыщающимися, съ піющими и не могущими утолить жажды своей. Онъ не есть Принцъ, но чадо Божіе; онъ не Государь, но ожидаетъ его вѣнецъ въ будущей жизни. Изъ очей его льются слезы, но сердце возвышается; а когда сердце впадетъ въ уныніе; тогда очи при воззрѣніи на небо находятъ утѣшителя себѣ. Возстаетъ ли на него буря напастей; благодаритъ Бога, что добродѣтель его очищаетъ, какъ злато въ горнилѣ. Онъ во всѣхъ нещастіяхъ спокоенъ также, какъ Ной въ ковчегѣ; чѣмъ больше умножатся волны на земли,

тѣмъ приближеннѣе становится къ небу. Чѣмъ больше препятствїй; тѣмъ больше въ немъ мужества; чѣмъ больше непрїятелей, тѣмъ удобнѣе научается побѣждать. Онъ срѣтаетъ печаль столь же безбоязненно какъ и неустрашимый воинъ, коему сказано выступить противъ непрїятеля. И такъ сколь благополученъ мудрый человѣкъ, что страждетъ на земли! ибо чрезъ сїе научается любить Бога, и презирать свѣтъ.

Конецъ первой части.



ОТДѢЛЕНІЕ 4.

Въ теченіи жизни не льзя намъ ожидать совершеннаго благополучія; и величайшее щастіе, каковымъ человѣкъ можетъ наслаждаться въ свѣтѣ, есть одно только наружное щастіе.

---

§ 89.

Человѣкъ по природѣ своей отъ рожденія по самую смерть подлежитъ многимъ несовершенствамъ. Но какъ изъ несовершенствъ слѣдуетъ неудовольствіе, то благополучіе его будетъ такъ же прерываемо многими непріятными встрѣчами. Слѣдовательно каковъ бы ни былъ образъ нашего существованія на земли, не льзя намъ ожидать совершеннаго счастія. И поелику большая

часть людей истинными совершенствами признають то, что въ самомъ дѣлѣ положенїе ихъ дѣлаетъ нещастнѣе: то большая такъ же часть ихъ удовольствїй суть не иное что, какъ удовольствїя минутныя, и даже обманчивыя. Впрочемъ человѣкъ въ самомъ себѣ заключаетъ три причины бѣдности: 1. слабость человѣческаго ума; 2. желанїя превышающїя нашу силу. 3. Зависимость отъ всего насъ окружающаго.

1. Слабость разсудка есть источникъ нашихъ заблужденїй: заблужденїе необходимо влечетъ за собою физическое и нравственное зло.

2. Желанїя не соразмѣрныя силамъ ни когда не бываютъ успѣшны: оттуда раждаются досады, печали, и вѣчныя томленїя сердца, кои погружаютъ насъ въ величайшее бѣдствїе.

3. Не въ силахъ будучи ограничиться самими собою, и всегда зався отъ прочихъ тварей, не можемъ быть благополучны. Ибо твари, отъ коихъ зависимъ, иногда готовы къ нашимъ услугамъ, иногда нѣтъ; иногда мы сами не умѣемъ воспользоваться ими; слѣдовательно бѣдность наша неминуема.

Разумъ и вѣра много могутъ содѣйствовать намъ въ уменьшенiи нашея бѣдности; но нѣтъ возможности совершенно освободиться отъ оной. Такимъ образомъ больше, или меньше, но вообще всѣ люди злощастны.

И дѣйствительно, образованiе ума, расширяя предѣлы его, помогаетъ намъ избѣгать грубѣйшихъ заблужденiй, и слѣдовательно сопряженныхъ съ оными золъ. Но поелику образованiе ума не сильно просвѣтитъ человѣка до такого степени, чтобъ онъ никогда не былъ обманутъ: что и не возможно совершенно избавиться отъ сего источника бѣдствiй.

Просвѣщенный разумъ можетъ заставить насъ чувствовать нелѣпость нашихъ желанiй, и несоразмѣрность ихъ нашимъ способностямъ, нашимъ физическимъ и нравственнымъ силамъ, особливо когда вѣра подкрѣпитъ его: но кто смѣетъ похвалиться искуствомъ, всегда безошибочно извѣшивать свои силы, и никогда не цѣнить ихъ больше, нежели чего онѣ стоятъ; предмѣты желанiй, представлять себѣ, въ существенныхъ ихъ видахъ, не увеличивая, и не уменьшая ихъ достоин-

ства, дабы удобнѣе ихъ соразмѣрять съ своими способностями? Для всегдашняго соразмѣренія желаній съ силами потребенъ свѣтильникъ очевидности, безъ котораго не льзя ни обозрѣть пространства силъ, ни получить достаточнаго свѣденія о достоинствѣ предмѣтовъ нашихъ желаній. Блуждая во babракѣ невѣжества и заблужденія, въ важнѣйшихъ дѣлахъ нравственной и общественной жизни, полагаясь на сумрачный свѣтъ вѣроятности, какимъ же образомъ дерзнемъ домогаться очевидности въ оцѣнкѣ желаній и силъ нашихъ? -

Безъ дружеской и благотворительной руки погибли бы мы при самомъ нашемъ рожденіи; и колыбель учинилась бы нашимъ гробомъ. Мы зависимъ отъ внѣшнихъ вещей съ первоначальной минуты нашего бытія по самое разлученіе двухъ существъ, составляющихъ природу человѣка. Зависимъ со стороны пищи и одежды; зависимъ со стороны воспитанія; зависимъ со стороны нужды въ облегченіи физическихъ и нравственныхъ золъ; зависимъ со стороны общежитія; ибо безъ общества человѣкъ былъ бы нещастнѣе всѣхъ животныхъ

Природа, говорятъ, довольствуетъ-

ся величайшею простотою. Сія простота не освобождаетъ насъ отъ зависимостей; она ихъ уменьшаетъ; но какъ бы они ни были малочисленны, мы не престаемъ зависѣть; мы безъ помощи другихъ не можемъ быть благополучны. Впрочемъ собственный опытъ удостовѣряетъ всѣхъ и каждаго, что мы очень далеки отъ того, чтобъ попеченіе о нуждахъ нашихъ располагать на гласъ природы. Необходимыя, полезныя и пріятныя потребности какъ бы малою казались намъ зависимостію; и потому вымышляемъ безполезныя, мечтательныя и даже опасныя надобности.

И такъ разуму и вѣрѣ принадлежитъ заставить насъ, положить предѣлы нашимъ нуждамъ, дабы уменьшить число нашихъ зависимостей. Разумъ научитъ цѣнить ихъ, показуя прямое ихъ отношеніе къ нашей природѣ. Вѣра дая чувствовать различныхъ жизненныхъ потребностей отношеніе къ обѣтованнымъ благамъ вѣчности, поможетъ намъ въ выборѣ. И при таковой помощи, ограничимъ себя весьма малымъ числомъ истинныхъ нуждъ; и избѣгнемъ другихъ, яко безполезныхъ, или даже и опасныхъ.

Здѣсь надобно присоединить еще нѣкоторыя замѣчанія, естественно слѣдующія изъ изложенія началъ нашея бѣдности.

1. Блаженство человѣка на земли не возможно. Ибо оно состоитъ въ безпрерывномъ продолженіи пріятныхъ мыслей; таковое продолженіе отнюдъ несовмѣстно существу, въ свѣтъ приносящему съ собою три источника своея бѣдности. Оно можетъ уменьшить ихъ; но никогда не изсякнутъ сіи источники. Какимъ быть пріятнымъ мыслямъ при заблужденіи; при желаніяхъ, коихъ не льзя исполнить; при нуждахъ, коимъ не льзя удовлетворить?

2. Разумъ и вѣра суть единственное врачевство отъ нашея бѣдности. Мы видѣли, что чрезъ нихъ только можемъ избѣгнуть заблужденія, ограничить желанія, и уменьшить число нуждъ и зависимостей. Какое наставленіе отцамъ и матерямъ! Уменьшеніе бѣдности ихъ дѣтей зависитъ единственно отъ благоразумнаго и благочестиваго воспитанія; сіе правило стоитъ того, чтобъ вырѣзать на вратахъ всѣхъ семействъ.

3. Благочестивая душа освобождась изъ узилищъ тѣла, также сво-

бодна будетъ и отъ началъ своея бѣдности. Съ сей то минуты начнетъ она блаженствовать навсегда. Заблужденія изчезнутъ, желанія исполнятся, нужды удовлетворятся. Будучи освѣщаема безконечнымъ свѣтомъ Верховнаго Существа, все узритъ въ немъ: исполнена любовію ко Творцу и благодѣтелю своему, не пожелаетъ ничего; а слѣдовательно никакихъ нуждъ не будетъ чувствовать; самая зависимость отъ Творца претворится въ дѣйствительную независимость.

§ 90.

И такъ человѣку не возможно наслаждаться истиннымъ благополучіемъ на земли. Это есть истина, которую уже многіе изъ древнихъ Философовъ оспоривали. Стоики думали, что одинъ только мудрый можетъ блаженствовать на земли. Но сего мудреца они изобразили столь пріятными красками, и столько совершенствъ ему приписали, что здѣлаться ему подражателемъ казалось превыше человѣчества. Они отъ него требовали дарованій, каковыхъ ни въ одномъ человѣкѣ не находили, и не могли найти. Мудрый, говорили они, долженъ имѣть омерзѣніе ко всѣмъ порокамъ, ко всѣмъ страстямъ,

или по крайней мѣрѣ ни одной изъ оныхъ не вдаваться въ плѣнъ: никогда не печалиться, никогда не погрѣшать, ни чѣмъ не огорчаться: онъ долженъ жить въ непрестающей радости и утѣхахъ; быть самодовольнымъ въ высочайшемъ степени; однимъ словомъ, равняться съ самимъ Богомъ. Человѣкъ съ сими талантами все имѣетъ; онъ великъ, онъ благороденъ, онъ богатъ, онъ гражданинъ, онъ царь; такъ что по опредѣленію Зенона, можетъ онъ, среди горящей пещи, торжествовать надъ самою смертію....Но при видѣ сего изображенія кто не чувствуетъ, что рисунокъ сего мудреца есть не иное что, какъ мечтательный вымыслъ? Вотъ для чего Сенека, которой впрочемъ былъ послѣдователь сея секты, но провидя неосновательность таковаго мнѣнія, сказалъ, что много вѣковъ искали подобнаго человѣка, но еще не могли его обрѣсти, Стоики лишали мудраго всѣхъ чувствъ, они воображали его нечувствительнымъ ко всему, такъ что между нимъ и истуканомъ ни какой не было разности....Изъ сего познаемъ, что самые Стоики невозможностію щитали наслаждаться на земли совершеннымъ и продолжительнымъ щастіемъ: и дѣйстви-

тельно не трудно было усмотрѣть, что мудрецъ ихъ былъ не иное что, какъ плодъ разгоряченнаго ихъ воображенія ...Другіе любомудры были намъ единомысленны; что утверждается всему свѣту извѣстнымъ изрѣченіемъ Солона: Никто неблаженъ прежде смерти. Послѣдователи не могли понять, отъ чего бы люди, которые впрочемъ щастіе признаютъ величайшимъ изъ благъ, не совершенно были благополучны; и для чего бы Высочайшее Существо создало человѣка по образу и по подобію своему, естьли бы не надлежало ему достигать сего совершенства, къ которому онъ стремится съ толикимъ рвеніемъ. При таковомъ недоумѣніи они составили ложное понятіе о щастіи; а оттуда произошли тысячи различныхъ и погрѣшительныхъ умствованій. Нѣкоторые изъ сихъ любомудровъ щастіе полагали въ добродѣтели; другіе, какъ то Епикурейцы, въ сластолюбіи, или въ удовольствіи. Пиѳагоръ поставлялъ оное въ соединеніи съ благомъ. Аристотель взялъ трудъ на себя собрать всѣ сіи мнѣнія, и одно съ другимъ сличить: но ни чего не сдѣлалъ, кромѣ какъ самъ себя запуталъ. Антіохъ, учитель Цицероновъ, разсу-

ждаетъ съ большею скромностїю и разборчивостїю, утверждая, что человѣкъ можетъ провождать жизнь довольно щастливую: но весьма далекъ онъ отъ совершеннаго и продолжительнаго благополучїя, въ какомъ бы ни находился изобилїи, уваженїи и силѣ.

§ 91.

Оставимъ Систематическїя страномыслїя древнихъ любомудровъ; и безпристрастно и внимательно изслѣдуимъ, совмѣстно ли человѣку на земли неизмѣняемое и совершенное благополучїе? Благополучїе выше наимяновали мы состоянїемъ всегдашняго удовольствїя: но ежели щастїе должно быть совершенно, то и удовольствїю также надлежитъ быть совершенному, и ни чемъ непрерываему. Что невозможно, судя по тому, какимъ образомъ Высочайшей силѣ угодно было создать насъ. Человѣкъ есть существо составленное изъ тѣла и разумной души: сїи два самостоятельныя творенїя весьма тѣсно соединены; и сей союзъ даетъ намъ понятїе о человѣкѣ. Кто же не признается, что всегдашнее удовольствїе въ мїрѣ есть мечта, и что оно неумѣстно, ни въ отношенїи къ тѣлу, ни въ отношенїи къ душѣ,

а еще меньше со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ. Тѣло наше одарено чувственными орудїями, коихъ измѣненїе причиняетъ намъ иногда удовольствїе, иногда огорченїе, иногда радость, иногда печаль. Мы ощущаемъ тысячу прїятныхъ впечатлѣнїй, но толикожъ и противныхъ если еще не болѣе; и возможно ли человѣку соблюсти равнодушїе къ симъ послѣднимъ? Печаль, болѣзни, гладъ, жажда, нагота, суть толикожъ несовершенствъ тѣлесныхъ, коихъ впечатлѣнїе раждаетъ въ душѣ скорбь, отвращенїе, безпокойство; слѣдовательно цѣпь удовольствїй не будетъ безпрерывна. Сверьхъ того душа чрезвычайно тѣсной имѣетъ кругъ познанїй; разумъ ея дѣлаетъ ложныя сужденїя, а воля развращена. Не ежедневно ли видимъ, что люди для достиженїя своей цѣли избираютъ средства безъ малѣйшаго объ оныхъ размышленїя, и сїи самыя средства напослѣдокъ премѣняются въ орудїе противъ нихъ же самихъ? Пусть человѣкъ дошелъ до высочайшаго степени человѣческїя прозорливости; однако, какъ ограниченное существо, можетъ обмануться, и безъ сомнѣнїя не рѣдко будетъ погрѣшать: одно сїе несовершенство уже лишаетъ

насъ надежды въ жизни сей наслаждаться истиннымъ и продолжительнымъ удовольствїемъ. Наилучшїя забавы всегда скрываютъ въ себѣ отраву какихъ нибудь внутреннихъ прискорбїй: желанїе и чувства въ такой содержатъ насъ осадѣ, что почти не возможно когда либо вкусить плодовъ постояннаго благополучїя безъ того, чтобъ оно не стоило нѣкотораго разкаянїя. Слѣдовательно со стороны души не льзя ожидать на земли совершеннаго благополучїя.

Совершенства внѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ еще менѣе могутъ содѣлать насъ истинно щастливыми. Ибо всѣ средства отъ нихъ происходящїя не суть прямыя средства: онѣ по большой части состоятъ въ воображенїи человѣка, которой судитъ по своимъ чувствамъ. Ежедневный опытъ научаетъ, что почитаемые отъ насъ щастливцами по внѣшнимъ положенїямъ, ни мало не наслаждаются тѣмъ, что мы называемъ удовольствїемъ. Желанїе представить себѣ человѣка истинно благополучнаго, есть желанїе столь же странно и смѣшно, какъ и изображенїе сего Стоическаго мудреца, котораго не давно мы описали. Новѣйшїе любомудры, кои о семъ предмѣтѣ лучше

древнихъ разсуждаютъ, говорятъ, что человѣкъ въ жизни больше имѣетъ удовольствія, нежели неудовольствія, больше радости, нежели печали; со всѣмъ тѣмъ допущаютъ невозможность совершеннаго благополучія въ сей жизни.

§ 92.

Нѣсколько подробнѣе разсмотримъ говоренное выше сего....Мы утверждали, что большая часть человѣческихъ удовольствій есть только мнимое добро, и весьма часто состоитъ въ одномъ воображеніи....Пусть внимательнымъ окомъ обозрятъ все природою представляемое нашему зрѣнію; пусть каждую вещь разсмотрятъ въ собственномъ ея кругѣ: и увидятъ, что люди ежеминутно обманываются. Тѣлесныя и душевныя блага на земли, равно и внѣшнія обстоятельства не такъ важны, какъ воображаемъ оныя; ибо смотримъ на нихъ всегда посредствомъ микроскопа вообразительной силы. Но вникнемъ въ начало вещей и ихъ сущность. Что такое злато и сребро? два куска земли, одинъ желтой, другой бѣлой. Что такое чертогъ? собраніе камней и деревъ. Что такое удовольствіе чувствъ, или иначе сладострастіе? плѣнительная, но обманчивая пре-

лесть, которая нѣсколько времяни насъ забавляетъ, но въ душѣ на всегда оставляетъ тернъ колючій. Что такое бархатъ и шелкъ? ткань червей презираемыхъ. Что такое пріятный вкусъ? минутное скоктаніе языка. Что мы разумѣемъ чрезъ великое имущество? блага, которыхъ желаемъ; но сами оными не пользуемся: злато сребро собираемъ для неблагодарныхъ наслѣдниковъ, кои по смерти нашей расточаютъ ихъ съ великимъ для себя и другихъ вредомъ. Что такое слава? звукъ разливающійся въ воздухѣ. Что такое одежда? кожа, или шерсть животныхъ....Безполезнымъ почитаю продолжать цѣпь сихъ размышленій, не только по тому, что уже довольно доказано утверждаемое мною; но и для того, что въ самомъ лишеніи благъ, о коихъ говоримъ, здравомыслящій находитъ сильнѣйшія начала утѣшенія.

§ 93.

Протечемъ мысленно обыкновеннѣйшіе предмѣты жизни, дабы яснѣе уразумѣть, что человѣкъ утѣшается не существеннымъ, но мечтательнымъ удовольствіемъ....Начнемъ съ чувственной области. Вкусъ безъ сомнѣнія есть источникъ большей части ощущеній пріятныхъ. Сколько

родовъ пищи, столько различныхъ мыслей о вкусѣ оныхъ! Одинъ съ удовольствїемъ ѣстъ и пьетъ чтолибо сладкое; другой любитъ горькое: сей предпочитаетъ такую пищу; тотъ избираетъ другую, и каждой изъ нихъ думаетъ, что вкусъ его самой лучшїй. Но здѣсь все происходитъ отъ воображенїя. Несвѣдущему въ напиткахъ пусть подадутъ вина, и скажутъ, что оно выписано изъ наилучшихъ Провинцїй Францїи, на примѣръ изъ Бургонїи, Шампанїи и проч. Предположивъ, что онъ вѣритъ сему, будетъ пить оное съ такимъ же удовольствїемъ, какъ и самое превосходное... Мы всегда желаемъ того, чего не имѣемъ: плоды растущїе въ отечественныхъ странахъ презираемъ, между тѣмъ какъ иностранцы наши напитки, наши травы и плоды столькожъ уважаютъ, какъ и мы ихъ. Страсть угождать прихотямъ научила насъ мореплаванїю: сколько людей поглощено волнами, на отдаленнѣйшихъ островахъ желавшихъ найти прїятныя коренья, кои не дѣлаютъ пищу ни вкуснѣе, ни здоровѣе, нежели какъ она была во времена предковъ. Истинная причина сему есть та, что мало уважаемъ произведенїя природы на обитаемой нами части

земнаго шара; ибо находимъ ихъ въ избыткѣ; но всякая рѣдкость драгоцѣнна, когда дѣло идетъ о угожденіи прихотямъ нашего воображенія. Когда бы дичь стольже была обща, какъ и обыкновенные мяса: то можетъ быть никогдабы оной не пожелали. Ежелибъ вода была сокъ виноградной, а вино составляло рѣки, моря; то ни кто бы вина не пилъ: вода сдѣлалась бы любезнѣйшимъ нашимъ напиткомъ; и это однакожъ есть единственный напитокъ, которымъ умной человѣкъ долженъ довольствоваться. Все зависитъ отъ навыка и воспитанія, слѣдовательно и отъ составленныхъ въ нашемъ умѣ понятій. Великіе люди кушаютъ теперь Индѣйскія птичьи гнѣзда, и угощаютъ другъ друга каломъ бекасовъ; скороспѣлыя растѣнія весеннія служатъ большимъ лакомствомъ для богача; онъ величается, что имѣетъ средства употреблять ихъ прежде, нежели онѣ созрѣли; а когда знаетъ, что всѣ люди оными пресыщаются, тогда брѣзгуетъ оными, и не хочетъ видѣть на столѣ. Благоразумный напротивъ того благодушно ожидаетъ времени, въ которое природа сообщаетъ зрѣлость плодамъ, и простыми растѣніями питается съ такимъ же удовольствi-

емъ, какъ и сей богачь, которой предъ нимъ имѣетъ только ту выгоду, что купилъ плоды низшей доброты и за цѣну гораздо большую, и что вкусилъ раньше нѣсколькими днями. Роза, тюльпанъ, вишня, слива пріятнѣе зимою, нежели лѣтомъ; потому что въ лѣтнее время плоды и цвѣты въ избыткѣ имѣются. Надобно насиловать природу; множество теплицъ строится для удовлетворенія прихотямъ роскошныхъ людей. Но не все ли равно питаться земными прозябѣніями въ то, или другое время года? Какое богатаго преимущество предъ бѣднымъ, ежели сей послѣдній не въ состояніи зимою покупать какихъ либо плодовъ, въ опредѣленное время пользуется оными, и всегда здоровъ бываетъ? И такъ почто жаловаться, что не могу загромоздить стола своего множествомъ блюдъ, когда имѣю хлѣбъ и воду? Почто огорчаться тѣмъ, что за домашнимъ столомъ не могу пріятнымъ скоктаніемъ услаждать гортань мою чрезъ нѣсколько минутъ, когда всякой день насыщенъ бываю? Моя пища кажется мнѣ несравненно лучше, нежели всякія аппетитныя кушанья богачу, у котораго отъ пресыщенія рѣдко бываетъ позывъ на ѣду. Легко вообра-

жаю себѣ, что хлѣбъ мой есть пирогъ сдобный, а вода піемая мною, вино. Когда довольствуюсь моимъ столомъ, и никогда гладенъ изъ онаго не встаю: то какая мнѣ нужда до того, что у другихъ поставляется на столъ?

§. 94.

Жизнь и здоровье суть подлинно истинное благо человѣка; со всѣмъ тѣмъ удовольствіе изъ оныхъ проистекающее не рѣдко бываетъ такъ же смѣшано со многими печальными и вздорными мечтаніями. Многіе воображаютъ себя больными при наилучшемъ здоровьѣ; другіе щитаютъ себя здоровыми стоя уже на краю гроба. Сей послѣ одного или двукратнаго кашля думаетъ, что зараженъ чахоткою, или скоро получитъ подагру; всякой ознобъ предзнаменуетъ ему лихорадку; онъ страшится умереть скоро, и между тѣмъ еще долго живетъ. Тотъ надѣется много лѣтъ существовать, и мало спустя упадаетъ подъ тяжестію болѣзней.... Никогда мы не извѣстны о продолженіи нашего бытія; и тотъ, кто по видимому наслаждается совершеннымъ здоровьемъ, падаетъ бездыханенъ, прежде нежели могли то примѣтить. Мы уподобляемся часовымъ, въ виду непріятеля поставленнымъ

на полѣ битвы, кои ежеминутно ожидаютъ смертнаго удара; такимъ же образомъ разсуждать надобно о другихъ пользахъ тѣлесныхъ; большая оныхъ часть равно состоитъ въ вообраᴶкенiи людей. Во первыхъ что такое сила тѣлесная? Слонъ, левъ, медвѣдь, въ семъ случаѣ несравненно большее имѣютъ преимущество предъ людьми. Чтожъ касается до красоты, это есть не иное что, какъ глупость, похоть очесъ, и обманчивое воображенiе; мы не имѣемъ даже яснаго понятiя о красотѣ. Подтвержденiемъ сей истины служитъ равнодушiе, и даже отвращенiе отъ нѣкоторыхъ лицъ, когда въ первой разъ ихъ видимъ; и любовь, а часто и дружба къ инымъ вовсе не извѣстнымъ лицамъ. Многократно размышлялъ я о сихъ противныхъ чувствiяхъ нашей души, и замѣтилъ, что одно лице мнѣ не нравилось по тому, что въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ я ссору съ людьми, кои чертами лица своего много съ нимъ сходствовали. Другихъ напротивъ того любилъ, не знавъ ни свойства ихъ, ни образа жизни, кои напослѣдокъ учинились великими мнѣ непрiятелями. Я искалъ причины сей странности, и нашелъ, что любилъ ихъ по сходству въ лицѣ съ корот-

кими моими друзьями; отъ сюда принято въ обычай говорить: я любилъ его, а за что, не знаю. Я ненавижу его, и такъ же не могу открыть побужденія къ ненависти. И такъ почто сокрушаться о томъ, что природа образовала мое лице симъ а не другимъ образомъ; разновидность безконечна; и она открываетъ высочайшую мудрость Міроздателя. Иначе между людьми не было бы различія: часто невиннаго наказывали бы за преступника; слуга былъ бы наряду съ своимъ господиномъ; съ сестрою и матерью такъ же бы поступили, какъ и съ женою; не различалибы Государя отъ подданнаго, благородства отъ простолюдства, друга отъ непріятеля, благоразумнаго отъ безумца; а отсюда какая странная смѣсь послѣдовала бы на земли! Но всѣ вещи устроены съ достойною Творца мудростію: лице человѣческое по большой части есть говорящая картина, гдѣ не рѣдко читать можно всѣ чувствія души; а красота тварей состоитъ въ одномъ только случайномъ воображеніи. Ибо кто можетъ сказать, чтобъ сіи черты были красивѣе, нежели тѣ? Но какъ онѣ зависятъ отъ человѣческихъ сужденій: то и не удивительно, что

красота подвержена толикимъ о ней толкамъ. Въ поляхъ нѣтъ цвѣта, которой бы пчела презирала; нѣтъ лица столь безобразнаго, которое кому нибудь не казалось бы прїятнымъ. Полюбится и сова вмѣсто яснаго сокола. Такимъ образомъ сужденїя о красотѣ не суть ли дѣйствїя воображенїя? Но углубимся въ ея природу. Она главнымъ образомъ состоитъ въ прїятной на видъ кожѣ, которую ежели снять съ лица, то благообразнѣйшїй человѣкъ покажется отвратительнымъ, гнуснымъ и жалкимъ. И такъ ктобы вздумалъ печалиться, что имѣетъ не гладкую, но пятнами усѣянную кожу? Одинъ вертопрахъ приказалъ свой портретъ вырѣзать на металлѣ; заматорѣвшїй во днехъ любомудръ замѣтя, что онъ удивляясь себѣ въ семъ изваянїи, глазъ съ онаго не спускаетъ, вопросилъ его: чтобы могло сказать сїе изображенїе, ежели бы получило даръ словесности? Младой рыцарь безъ ума влюбившись въ свое лице, не обдумавши отвѣтствовалъ, что оно назвало бы себя столь совершеннымъ, сколь есть прекрасно. О! вскричалъ любомудръ, и ты не стыдишся величаться такою вещїю, которая совмѣстна куску мѣди!...О небо! сколь по-

всемѣстно сїе безумїе людей! Впрочемъ знаютъ они, что красота тлѣнна, что болѣзнь прїятнѣйшее лице часто дѣлаетъ самимъ отвратительнымъ, что румянецъ щекъ не долголѣтенъ, и что въ старости привлекательнѣйшїй видъ покрывается морщинами. Они все сїе знаютъ; однакожъ отъ того не дѣлаются умнѣе.

§ 95.

Многїя женщины внутренно жалуются, и ропщутъ, что природа не надѣлила ихъ красотою: а красивые оплакиваютъ свою судьбу, когда нечаянная болѣзнь обезобразитъ ихъ, и тогда онѣ почитаютъ себя нещастными. Но сїи жалобы и ропотъ весьма безумны, когда приемемъ въ разсужденїе опасности, коимъ красота подвержена. Колико женщинъ отъ красоты погибло, и доведено до постыднаго состоянїя непотребства? Возблагодаримъ природу, что не дала намъ сего мнимаго блага; ибо оно основано только на воображенїи, и жизнь нашу и честь подвергаетъ многимъ опасностямъ. Мы смотримъ на временныя только пользы, ни мало не мысля о могущемъ изъ оныхъ произойти злѣ. Красота часто отвлекаетъ насъ отъ добродѣтели. Она вдыхаетъ въ насъ гордость; ибо въ

обычай вошло всегда хвалить красивыхъ людей; въ нихъ и несовершенства совершенствами кажутся. Вотъ до чего ослѣпляетъ насъ красота! Однакожъ и въ весьма стройномъ тѣлѣ часто сокрыта самая подлая душа; а въ безобразномъ открывается прекраснѣйшее свойство. Езопъ былъ столь гнусенъ лицемъ, что при видѣ его дѣти отъ него бѣжали . Но умъ его былъ плѣнительной, а нравственность здравая. Сколько нещастій, сколько соблазновъ, сколько безпокойствъ въ свѣтѣ причинили многія красивыя женщины! Сколько мущинъ отъ меча погибло, кои желали только отъ кокетки получить пріятнѣе взглядъ, нежели его соперники. Какіяжъ угрызенія совѣсти должны терзать душу тѣхъ , кои причиною таковыхъ бѣдствій! Кромѣ сего сколько красивая женщина имѣетъ обожателей, столькожъ непріятельницъ въ своемъ полѣ ей завиствующихъ; сколько получаетъ учтивостей отъ мущинъ , столько другія женщины во всѣхъ обществахъ поносятъ ее самымъ язвительнымъ образомъ. Красота есть весьма не надежное основаніе любви. Лучше всего благополучіе основывать на добродѣтели, которая одна можетъ возбудить истинную любовь.

Мы не престанемъ постоянно любить нашихъ женъ до самаго гроба, ежели выборомъ нашимъ будутъ управлять не столько тѣлесныя, сколько душевныя совершенства. Множество мужей и женъ, коихъ не льзя сравнить ни по лѣтамъ ни по красотѣ, вступаютъ въ брачный союзъ, и другъ друга любятъ до смерти. Иначе ежелибы только одна красота насъ привязывала, то коликое бы оскудѣніе послѣдовало въ размноженіи рода человѣческаго? Предположивъ женщину столь разборчивую, что нигдѣ не можетъ себѣ найти достойнаго мужа; она крайне была бы несмысленна, когда бы начала негодовать на сіе. Съ другой стороны колико мущинъ и женщинъ было бы щастливыхъ, ежели бы они не вступали въ брачныя обязательства! Они не терпѣли бы болѣзней и мученій сопряженныхъ съ бракомъ; мать и дѣти не причиняли бы досады чувствительному и кроткому мужу: ни одинъ бы мущина не боялся, дабы жена его или дочери не увязли въ сѣти прелестника, а сыновья распутствомъ своимъ преждевременно не низвели бы его во гробъ. Никто бы не безпокоился о содержаніи семейства своего, и не мучился при видѣ

жены и дѣтей, или отъ глада истаевающихъ, или съ другими какими либо борющихся бѣдствїями. Уродливая женщина, которая не отъищетъ себѣ жениха, можетъ жить еще щастливѣе, ежели любитъ добродѣтель и уединенїе. Сверхъ того, сколько видимъ красивыхъ женщинъ противъ воли остающихся безбрачными! Онѣ отцвѣтаютъ, какъ роза, и наконецъ столько увядаютъ, что дѣлаются гораздо безобразнѣе, нежели сколько имѣли до того прелестей и прїятностей.

§ 96.

Красота часто обязываетъ насъ къ тягостнѣйшимъ жертвамъ и безчисленнымъ сумозбродствамъ, кои съ перваго взгляда замѣтить можно. Свѣдущая о своей красотѣ женщина не рѣдко позволяетъ себѣ вольности, совсѣмъ противныя правиламъ благопристойности. Пусть говоритъ она всякой вздоръ; однакожъ тѣмъ не меньше забавляетъ слухъ своихъ обожателей; между тѣмъ какъ дѣлаютъ замѣчанїя на всѣ поступки, на всѣ движенїя уродливой женщины, и каждое слово ея извѣшиваютъ съ удивительною точностїю. Изъ сего происходитъ, что первая сумозбродствуетъ непрестанно, а послѣдняя

не говоритъ иначе, какъ обдумавши. Сверхъ того красота всюду сопровождаемая прелестниками, всего удобнѣе совращается со спасительной стези добродѣтели; а чрезъ то становится посмѣшищемъ публики, и всѣхъ благомыслящихъ людей....Однажды случилось мнѣ быть въ знаменитѣйшемъ собранїи, гдѣ увидѣлъ дѣвицу, которая, по моему замѣчанїю, надѣялась понравиться молодому кавалеру: при видѣ ея жеманства, я не могъ удержаться отъ смѣха; какихъ кривлянїй и ловкостей она не употребляла, для привлеченїя на себя взоровъ добычи ею умышленной! Она съ начала съ большою прїятностїю коверкалась, и посредствомъ движенїй ея груди, которая поднималась и опускалась съ нѣкоторымъ давленїемъ, легко было изчислить всѣ бїенїя ея сердца. Поминутно на всѣ стороны поглядывала, не дѣлаетъ ли кто къ ней вниманїя. Но когда ко мнѣ обращалась, тогда поспѣшно потуплялъ я глаза свои въ землю: я имѣлъ удовольствїе украдкою глядѣть на нее по временамъ, и въ молчанїи разсматривалъ всѣ ея жеманства. Чтобъ дать замѣтить круглоту и бѣлизну своихъ рукъ, часто прикладывала палецъ къ ямочкѣ на подбородкѣ, на

которомъ для красоты была налѣплена мушка; давала вѣеръ своей сосѣдкѣ, въ знакъ ласки дружелюбно руками своими касалась ея плечъ, и на ухо шептала нѣсколько словъ Французскихъ, дабы молодой кавалеръ услышалъ, что она умѣетъ говорить и на иностранномъ языкѣ. Молча, она въ уменьшенномъ видѣ представляла свой ротъ; а когда начинала говорить, тогда съ лишкомъ оной разтворяла, дабы заставить удивляться бѣлизнѣ зубовъ ея. То вертѣлась на своемъ стулѣ; то поправляла на себѣ кружева; иногда наклонялась для поднятія булавки, иногда въ порядокъ приводила складки своего платья; иногда приподнимала переднюю часть одежды, дабы показать, что ноги у ней малые, и голени тонкіе. Напослѣдокъ глазами, руками, ногами и опахаломъ производила движеніе до того, что молодой человѣкъ пристально началъ смотрѣть на нее. Она плѣнила его сердце съ такимъ же искуствомъ, какъ и трудолюбивый паукъ, который по долгомъ ожиданіи мухи, напослѣдокъ уловляетъ ее, крѣпко держитъ, и запутываетъ въ свои тѣнеты. Я замѣтилъ такъ же удивительную перемѣну на боязливомъ

челѣ прельщеннаго ею, которой блѣднѣлъ, и краснѣлъ попеременно. Спустя полчаса поставили первое кушанье, и сѣли за столъ. Не могу сказать, сіи сумазбродства были ли столькожъ пріятны для другихъ молодыхъ людей находившихся въ семъ собраніи; а знаю только то, что кокетка нашла многихъ обожателей: дабы ни кого изъ нихъ не отогнать, одному являла пріятствующій видъ, другому желала здоровья, въ тайнѣ пожимала руку третьяго, съ бережливостію ступала на ногу четвертаго: всякъ воображалъ быть ея щастливымъ любовникомъ. Послѣ стола кокетка снова занялась подаваніемъ знаковъ благосклонности своимъ ласкателямъ: одного вопрошала: хорошо ли онъ обѣдалъ; у другаго просила табаку; отъ третьяго хотѣла знать о здоровьѣ его матери; и мало спустя умышленно уронила носовой свой платокъ, дабы послѣднему доставить случай поднять его, и за то быть награждену ласковымъ ея словомъ....Сіе отсутствіе отъ главнаго нашего предмѣта было бы съ лишкомъ пространно, ежели бы вознамѣрился я описывать различныя роли сею молодою дурою игранныя, которая однакожъ почиталась изъ

красивѣйшихъ женщинъ въ городѣ. Изъ сего возъимѣлъ я столь невыгодное понятіе о красотѣ, что щитаю преблагополучною ту женщину, которой природа не дала прелестей лѣпоты; ибо она не обязана бороться съ опасностями соблазна, не имѣетъ случая сдѣлаться посмѣшищемъ, и красотѣ существенной, или мечтательной сообщить блескъ отвратительной.

§ 97.

Мы теперь разсматривали тѣлесная благая; прейдемъ къ душевнымъ, и посмотримъ, воображеніе не имѣетъ ли такъ же величайшаго въ оныхъ участія? Между душевными благами щитаемъ разумъ, природное здравое сужденіе, способность къ художествамъ, наукамъ и проч. Но естьли положить оныя на вѣсы строгой разборчивости; то найдемъ такъ же много разномыслія объ удовольствіяхъ отъ наукъ и художествъ происходящихъ; я говорю не о всѣхъ, но о большей части. Познанія наши весьма недостаточны; и разсудительнѣйшій изъ ученыхъ есть тотъ, которой думаетъ о себѣ, что ничего не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ что значатъ его свѣденія въ сравненіи съ тѣмъ, что отъ него сокрыто?

Чѣмъ больше просвѣщаемся, тѣмъ больше познаемъ наше невѣжество; признаться надобно, что гораздо больше остается предметовъ незнанія, нежели сколько чему можемъ научиться. Часто природныя свои дарованія обращаемъ на маловажнѣйшія вещи, однакожъ домогаемся почетныхъ мѣстъ, на кои право имѣютъ одни только превыспренніе умы. Многіе ученые, между современниками бывшіе свѣтилами, большую и лучшую часть жизни провели въ потѣ лица, прежде нежели окончали книгу. Они на сочиненіе ея истощили все свое знаніе; и удовольствіе, которое ощущали отъ своего произведенія, было неизъяснимо. Но увы! ежелибы сіи ученые возвратились теперь изъ другаго свѣта; то увидѣли бы, что всѣ ихъ творенія не употребляются больше, какъ на обвертки. Что будетъ потомство судить о нашихъ художествахъ? можемъ ли надѣяться лучшей участи? не тоже ли съ нами случится, что случилось съ учеными прошедшаго столѣтія, или съ жившими за тысячу лѣтъ предъ симъ? какъ думаемъ о седьми Греческихъ мудрецахъ, бывшихъ оракулами своего времени? Мы отзываемся, что умѣли они только

хорошо выражать нѣкоторыя мнѣнія, и вносимъ ихъ въ списокъ нашихъ учениковъ. Коликая перемѣна во вкусѣ разума, любомудрія, художествъ, словесности, стихотворства и проч. за сто лѣтъ предъ симъ весьма уважали того, которой, чтобъ написать имя Цицерона, нарисовалъ носъ, и на семъ носу сѣрую горошину. Одинъ слылъ образцомъ стихотворцовъ, употребя шесть мѣсяцовъ на сочиненіе поемы, въ которой не надлежало искать одной извѣстной буквы алфавита; другой отличился въ ученомъ свѣтѣ чрезъ написаніе хорошаго сонета; третій здѣлался секретаремъ посольства посредствомъ искуства подбирать слова въ рифму. Красоты прошедшаго вѣка теперь почитаются вздоромъ и глупостью. Сколько нелюдимовъ, такъ сказать, погреблись въ книжной пыли, и кромѣ невразумительныхъ сочиненій ни чего не произвели! На одно слово, сказанное на удачу, мы видимъ безчисленныя критики и толкованія; иные писатели, желая слыть великими знатоками, рылись даже въ развалинахъ Греціи и Палмиры, и множествомъ изслѣдованій прославились . . . Но

какая мнѣ нужда знать, какого цвѣта была борода у Аристотеля? Или кто вязалъ спальной копакъ Плинію? однакожъ сколько видимъ мы трудящихся надъ подобными симъ изысканіями, и воображающихъ себѣ, что якобы они изчерпали всѣ источники мудрости! Въ доказательство сего сумазбродства сошлемся только на примѣръ Аристомаха Соленскаго, которой, по увѣренію историковъ, половину жизни провелъ въ изчисленіи прыжковъ блохи. Все нами почитаемое на земли, знанія, художества, богатство вовсе безполезны по смерти. Суетніи сынове человѣчестіи! Какая для васъ польза въ будущемъ мірѣ, что пріобрѣли вы толико земель, и толико странъ опустошили; что писали о такихъ и такихъ предмѣтахъ; что соорудили пышныя зданія; что получили вышшія свѣденія во всѣхъ наукахъ и художествахъ; что украшены всѣми почестьми? Увы совсѣмъ не то: одно только знаніе можетъ быть намъ полезно въ будущей жизни; и сіе есть познаніе Бога, сего Высочайшаго Существа, отъ котораго заимствуемъ какъ начало,

такъ и продолженіе бытія, и къ которому всѣ наши желанія должны стремиться. Пытливымъ окомъ протекая всѣ классы человѣческихъ познаній, не льзя не видѣть, что большая оныхъ часть доставляетъ намъ одно только мечтательное удовольствіе. Но предмѣтъ сей, яко требующій глубочайшаго размышленія, предоставимъ собственному розысканію нашихъ читателей; и сію главу заключимъ тѣмъ, что многіе изъ великихъ умовъ нашего вѣка, когда бы по прошествіи ста лѣтъ возстали изъ гробовъ, то увидѣли бы, что они или вовсе забыты, или малые дѣти глумятся о ихъ знаніяхъ.

§ 98.

Пускай знанія свои прострутъ до высочайшаго степени совершенства; со всѣмъ тѣмъ всякъ долженъ допустить, что познанія свои мы цѣнимъ только по вооображенію и предразсудкамъ. Сколько людей, сидя между четырьмя стѣнами, трудятся день и ночь, и не рѣдко умираютъ отъ глада! Утверждать, что чины и должности даются только достоинствамъ и заслугамъ, значитъ во-

все не знать бывающаго въ свѣтѣ. Сколько вралей и пустыхъ головъ восходятъ на верхъ благополучїя. и получаютъ блистательнѣйшїя почести! они мнятъ имѣть всѣ возможныя дарованїя; а лучшихъ себя презираютъ, порочатъ и описываютъ самыми черными красками. Но оставимъ сїи мѣлкїя умы въ ихъ самомнѣнїи; безполезно, и даже унизительно было бы съ ними бороться; а теченїе событїй отъ того бы не перемѣнилось. Вошло въ обычай скорѣе обращать вниманїе на красивое платье, надѣтое на человѣка статнаго, припудренаго и сь пуклями, нежели на умъ, расположенїе и красоту души. Одинъ стихотворецъ Французскїй довольно хорошо изложилъ сїе въ слѣдующей баснѣ, подражая латинскому подлиннику Геллерта.

Мальчикъ, Соловей, и Чижъ.

Баснь Аллегорическая.

Между пернатыми въ странѣ пустой и дикой,
Гдѣ воздухъ здравїю наноситъ вредъ великой,
Намѣренье принялъ благое соловей,
Оставивши съ чижемъ край вредоносный сей,
Съ нимъ вмѣстѣ странствовать; и въ будущность не вникнувъ,
Ничемъ не запасшись, не свиснувши, не пикнувъ,

Но ввѣрившись своимъ талантамъ на пути,
Вспорхнули, думая для пищи все найти.
Погода свѣтлое имъ небо обѣщаетъ,
Какое путникамъ желательно бываетъ,
Споспѣшествуетъ все намѣренію ихъ,
И трудно премѣнить сіе желанье въ нихъ.
День къ западу склонясь, имъ зла не предвѣщая,
Сугубилъ смѣлость ихъ, а вѣтвь въ лѣсу густая
Покойный имъ ночлегъ дала, чтобъ ночь провесть;
Отколѣ на зарѣ пустились вдаль летѣть.
Но ахъ! въ пути своемъ они отъ глада таютъ,
Ни червячковъ на немъ, ни зеренъ не срѣтаютъ.
И какъ же путникамъ безъ пищи быть въ пути?
Она душа пути, безъ ней не льзя идти.
Но наши путники въ деревню залетѣли,
Чтобъ силы подкрѣпить, которы ослабѣли.
Пріятной пѣснію своею соловей
Надѣялся привлечь кого нибудь изъ ней,
Немедлѣнно и чижъ подлѣ него садится;
Тотъ побуждаетъ пѣть его; но чижъ боится,
При трѣлахъ соловья пѣть пѣсенокъ своихъ.
Межъ тѣмъ сѣдящихъ ихъ на сѣнѣ обоихъ
Увидѣлъ мальчикъ, и чижъ прельстясь красами,
Предъ соловьемъ его осыпавъ похвалами,
Спѣшилъ къ своимъ рукамъ, лаская, приманить,
Поймать, и въ лучшую изъ клѣтокъ посадить.
О бѣдномъ соловьѣ ни кто не постарался,
Онъ пѣлъ прекраснѣй всѣхъ, но нѣтъ, не показался....
Сей мальчикъ слабыхъ есть намъ образецъ умовъ;
Скажи не častоль ты являещся таковъ
Въ своемъ сужденіи, какъ мальчикъ въ семъ предмѣтѣ?
Хотябъ и глупъ кто былъ, не častоль въ модномъ свѣтѣ
Одежда скрасивъ все, обманываетъ насъ?
Коль шелкъ на немъ шумитъ, златый коль блещетъ гасъ;
Гдѣбъ щастія найти ему было не можно?
Явиться ли ему въ какомъ собраньи должно,
Гдѣ власти своея воздвигла роскошь тронъ,
Всѣ тотъ часъ съ мѣстъ встаютъ, и дѣлаютъ поклонъ;

Вотъ, шепчутъ, человѣкъ пріятный и прелестный;
Гримасыль дѣлаетъ онъ; мины, или жесты?
Плѣнительнѣе тѣмъ становится очамъ,
Дивятся всѣ его любезности, рѣчамъ,
Рѣчамъ, которыя суть наглы, дерзновенны;
Но во устахъ его красны, неоцѣненны.
Колико выгоды имѣетъ наконецъ
Подъ сей личиною въ глазахъ другихъ глупецъ!
Науки, остроту, таланты и богатство,
Довѣренность Двора, и въ городѣ пріятство.
Съ какими почестьми текутъ всѣ предъ него!
Не вникнувъ наконецъ во внутренность его,
Мнятъ о умѣ его, какъ древѣ подъ корою.
Между тѣмъ мудростью кто одаренъ святою,
Да будетъ видъ имѣть съ нимъ разнственной, другой,
Не будетъ ловкости, ухватки въ немъ такой:
Тотъ часто въ вѣкѣ семъ нещастну роль играетъ,
И съ добродѣтельми въ забвеніи бываетъ.

§ 99.

Присоедимъ еще, что природа каждаго изъ насъ одарила различными способностями. Одному сообщила она даръ витійства, другому духъ стихотворенія, третьему любомудренный разумъ, и такъ далѣе. Почто убо не любитъ мнѣ другаго, что превышаетъ меня своими познаніями? Достойно и праведно, заслужившимъ людямъ давать чины, и поручать должность, дабы отличить ихъ отъ безполезныхъ людей. Но есть-

ли употребятъ меня въ важныя дѣла, то буду ли чрезъ то умнѣе, нежели какъ вчера былъ? Съ лишкомъ щастливъ, ежели могу исполнить порученіе! Однакожъ вдругъ поставленъ я на такой высотѣ, съ которой сталъ быть всѣми видимъ.... Углубляясь въ размышленіе о истинныхъ совершенствахъ душевныхъ, находимъ, что обыкновенный человѣкъ часто имѣетъ преимущество надъ просвѣщеннѣйшимъ; ибо онъ откровененъ и чистосердеченъ, а сей не таковъ. По моему мнѣнію, онъ имѣетъ гораздо больше сокровищъ, нежели когда бы голова его была наполнена всѣми человѣческими знаніями.

§ 100.

Не остается больше, какъ разсмотрѣть благая внѣшнихъ обстоятельствъ. Что большая сихъ часть суть мечтательная благая, ни кто не можетъ того оспорить.... Начнемъ съ чести, и скажемъ, что зависитъ она единственно отъ сужденія другихъ о нашихъ совершенствахъ. Пусть человѣкъ воспользуется нѣкоторыми выгодами, и покажетъ заслуги, каковыхъ прочіе не имѣютъ; вотъ уже онъ и

въ большемъ предъ другими уваженіи!...Одинъ снискиваетъ похвалу мужественными дѣяніями, другой внутренними достоинствами, третій благотворительностію, четвертый наружными добродѣтелями, пятый пріятностьми вида своего, пышностью, богатствомъ, довѣренностію и проч. Таковыя сужденія основательны или нѣтъ? Смѣло скажемъ, что рѣдко повстрѣчаться можно съ истинною честію. Всѣмъ извѣстно, что больше глупыхъ, нежели умныхъ людей. Чернь составляетъ самую большую часть жителей шара, и сія чернь завсегда совѣтуется съ своими чувствами: и мыслящіе о себѣ, что они не имѣютъ никакихъ предразсудковъ, по большой части слѣдуютъ мнѣніямъ народной толпы. Они всегда будутъ хвалить то, что одобрено самымъ большимъ числомъ; всегда будутъ охуждать, что не нравится народу. Слѣдовательно честь не въ одномъ ли только воображеніи существуетъ? Она сопровождается ложнымъ блескомъ; и обыкновенной человѣкъ бываетъ удивленъ при видѣ сего блеска. Не смѣшно ли кланяться предъ красивымъ плать-

емъ, или пышно одѣтому невѣждѣ вездѣ уступать первенство только по тому, что онъ богатъ... Филимонъ думаетъ о себѣ, что онъ самой первостатейной вельможа; ибо дѣдъ его купилъ грамоту на дворянство, а отецъ за пораженїе на войнѣ нѣсколькихъ человѣкъ носилъ титло барона; во всѣхъ собранїяхъ хочетъ занять почетное мѣсто и чтобъ одного его слушали. Но сколько словъ онъ скажетъ, столько разъ несмысленность ему измѣнитъ. Всякъ усматриваетъ въ немъ скудоумїе. Но какъ онъ разряженъ, то у многихъ въ почтенїи; а когда и въ покоевомъ платьѣ идетъ чрезъ деревню, крестьянинъ съ не меньшею робостїю снимаетъ съ себя шляпу, и склоняется предъ нимъ даже до земли. Всякой разъ, когда только жена его находится въ родахъ, раздаются по воздуху радостные крики, извѣщающїе о его заслугахъ, потому что имя свое предаетъ онъ въ потомство.

§ 101.

Изъ сего познаемъ, что часто воздаемъ почтенїе людямъ или по тому, что они занимаютъ важное мѣсто, или что много имѣютъ де-

негъ, или знатнаго суть произхожденія. Человѣка чрезъ золото получившаго чины и пышныя наименованія, можно уподобить великолѣпному дому, но безъ основанія. Все въ мірѣ семъ есть не иное что, какъ сумазбродство, суета, воображеніе. Однакожъ сколько людей ломаютъ себѣ голову, вымышляя средства къ полученію почестей и къ обогащенію себя! Какую утѣху, какое удовольствіе находятъ они въ убѣгающей тѣни? Весьма многіе за малѣйшее огорченіе, за неумышленное слово: да, или нѣтъ, часто подвергаютъ опасности благосостояніе и жизнь свою. Иной желая обезсмертить себя, подъ тяжестію трудовъ упадаетъ въ самой веснѣ жизни своей, и прекраснѣйшими днями жертвуетъ суетной славѣ. Государь, ирой, ученый, всякъ хочетъ предать имя свое въ потомство.... Но что будетъ для насъ сія слава, сія блистательная молва, когда наше тѣло въ печальномъ гробѣ смѣсится съ прахомъ? По смерти потомство не щадитъ никого, и одно только имя наше, и то не всегда, произносится съ похвалою. Кто знаетъ Аристотеля, кто знаетъ Александра иначе, какъ по имяни? Ахъ! хорошо или худо потомки будутъ отзываться о

моихъ дѣлахъ, какая мнѣ до того нужда, когда уже меня не будетъ? Чрезъ сїе не сдѣлаюсь я ни совершеннѣе, ни благополучнѣе; и воображенїе мое питается пустою надеждою, ежели предполагаю, отзывами потомства обезсмертить себя. Гораздо щастливѣе тотъ, котораго имя вмѣстѣ съ нимъ умираетъ; ибо не могутъ ни хвалить, ни порочить его.... Такимъ же образомъ разсуждать надобно о почестяхъ воздаемыхъ намъ при жизни. Ученый человѣкъ обыкновенно извѣстенъ бываетъ только по слуху: онъ даже не рѣдко въ большемъ уваженїи у иностранныхъ, нежели въ своемъ отечествѣ. Тѣ, кои лучше могутъ судить о нашихъ совершенствахъ, вмѣсто того, чтобъ хвалить, часто намъ завиствуютъ, и безславятъ. И такъ народъ почитаетъ человѣка единственно по воображенїю своему, или по пышности его ослѣпляющей.

§ 102.

Одинъ изъ великихъ Государей въѣжжалъ нѣкогда въ чужеземный городъ. Онъ былъ еще далеко отъ воротъ, но окопы вокругъ города уже начали гремѣть отъ пушечныхъ выстрѣловъ. По прибытїи его, отъ лица гражданъ залпомъ всей артилле-

ріи было привѣтствовано ему; и воспламененный воздухъ тотчасъ окрестныя села извѣстилъ о чести, каковой городъ удостоенъ въ сей день. Государь былъ одѣтъ, сколько можно, великолѣпно; множество раззолоченныхъ каретъ и скороходовъ пышно разряженныхъ составляли его свиту. Лошадей поступь такъ была величава и горда, что какъ бы чувствовали они, что въ сію минуту везутъ великаго Государя. Улицы были полны народа, которой тѣснился даже на самыхъ кровляхъ. Дамы украшенныя дорогими каменьями смотрѣли изъ оконъ; всѣ пути были уставлены двумя шеренгами солдатъ. Всякъ дѣлалъ низкій поклонъ, и поздравлялъ. Кавалеристъ отдавалъ честь своею саблею, пѣшій воинъ ружьемъ; стихотворецъ настроивалъ свою лиру; музы стекались во множествѣ, и стѣсняли ряды; ораторъ шелъ измѣренными шагами; воздухъ наполнялся звяцаніемъ кимваловъ; наконецъ сія блистательная свита, которой одинъ видъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе, прибыла ко Двору. Чтобъ быть свидѣтелемъ сего зрѣлища, я одинъ сѣлъ подлѣ окна, и много размышлялъ о сихъ различныхъ движеніяхъ. На другой день я по-

встрѣчался съ симъ Государемъ, который изволилъ прохаживаться переодѣвшись, безъ провожатыхъ, и безъ всякаго знака достоинства. Какъ только его узналъ, тотчасъ поклонился ему со всѣмъ подобающимъ вѣнчанной главѣ уваженіемъ: взглянулъ я на окружающихъ меня и увидѣлъ, что толпа народа проходитъ мимо его, не удостоивая и взгляду своего: уже больше не кланялись ему; никто не давалъ ему мѣста; онъ былъ видѣнъ и тѣснимъ между чернію ни больше ни меньше, какъ и другіе. На пріятномъ лицѣ сего Государя я удобно читалъ великость души его и возвышенность мыслей: что побудило меня еще больше углубиться въ нравственное размышленіе о семъ произшествіи. Какъ! говорю я самъ въ себѣ, вся сія пышность, всѣ почести, все уваженіе людей не состоитъ, какъ только въ воображеніи?...Такъ конечно, народъ не чувствителенъ ни къ истинному щастію, ни къ истиннымъ заслугамъ, ни къ превосходнымъ качествамъ; онъ трогается только тѣмъ, что поражаетъ чувства; любопытенъ видѣть не нашу особу, но нашу свиту; ливрею нашихъ пажей, опёренный уборъ нашихъ лошадей, бли-

спательную позолоту каретъ и проч. Ежели сей снарядъ изчезнетъ, то уваженіе къ намъ, наши почести, и наша власть знатно уменшатся.

§ 103.

Тоже можно сказать и о убожествѣ. Цѣна золота и сребра начало свое воспріяла отъ воображенія и употребленія. Прародители наши не разумѣли силы сихъ опасныхъ металловъ, кои нынѣ служатъ ходячею монетою. Все ихъ имущество состояло тогда большею частію въ наслажденіи благами, кои необходимы для жизненныхъ потребностей. Они блаженствовали, когда могли обойтись безъ произведеній сосѣдственныхъ земель. Древніе Германцы, по увѣренію Тацита, въ продолженіе многихъ вѣковъ купечествовали посредствомъ одной только мѣны вещей. Но роскошъ, пышность овладѣли воображеніемъ женщинъ; оба пола нашли сей металлъ гораздо выгоднѣе для удовлетворенія своей алчности. Однакожъ вникнемъ, въ чемъ состоитъ прямое достоинство золота и сребра. Укругъ земли желтой или бѣлой, есть весь предмѣтъ вашего благополучія и любочестія. Когда бы другіе металлы были толикижъ рѣдки, то мы такъ же бы уважали свинецъ, какъ и

серебро. Въ отдаленныхъ странахъ кусокъ стекла ни мало не уступаетъ блеску дорогихъ каменьевъ. Золото получаетъ достоинство отъ народоправленія; въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи мѣдныя деньги въ такой же цѣнѣ ходятъ, какъ у насъ золотыя. Изъ сего видно, что и со стороны богатства не меньше остаемся невольниками нашего воображенія и обманутыми. Сей предмѣтъ могъ бы раздробленъ быть на многія части, изъ коихъ каждая подлежитъ особенному розысканію; но какъ сіе сочиненіе уже наполнено разсужденіями таковаго рода, то ограничимъ себя тѣмъ, что выше сказано.

§ 104.

Смѣшно, и даже жалостно тщеславиться красивою одеждою; а еще смѣшнѣе досадовать при недостаткѣ средствъ одѣться, какъ можно, нарянѣе. Пусть великимъ людямъ предоставятъ сіе, кои внушающимъ почтеніе уборомъ непремѣнно должны отличать себя отъ черни. Но люди безъ состоянія, и низкаго произхожденія, ежели хотятъ брать на себя такой же видъ: то въ великомъ будутъ презрѣніи у тѣхъ, кои ихъ знаютъ. Ни кто изъ благоразумныхъ не уважитъ по пышности платья;

однимъ безумцамъ свойственно, въ присутствіи покрытаго позументами быть почтительнѣе. Пусть одѣнутъ обезьяну въ шелковое или парчевое платье: она будетъ умѣть жеманиться, производить тѣлодвиженія, выступать съ важностію, выставлять грудь съ таковоюжъ надмѣнностію и глупостію, какъ и тотъ; кто требуетъ почтенія только по тому, что пышно разряженъ. Богатѣйшія страны Европы гнушаются пышными нарядами; одни только Французы и Нѣмцы ввели обычай, покрывать тѣло блистательнымъ убранствомъ. Вся наша роскошъ есть истинная суета и скудоуміе. Тысяча людей подвергаютъ жизнь свою опасностямъ, ища нѣсколькихъ жемчужинъ въ новомъ свѣтѣ. Гордость и страстолюбіе научили насъ на моряхъ строить пловучіе домы, рыться въ преисподнихъ земли, похищать ея внутренняя, приносить въ жертву людей и животныхъ. Большая часть великолѣпныхъ нашихъ украшеній суть произведенія чужеземныя, кои въ не уваженіи у тамошнихъ жителей. Тщеславіе чадотворитъ пышность; а пышность не рѣдко сопряжена бываетъ со многими пороками. Сколько такихъ, кои рѣ-

шаются неограниченныя дѣлать издержки, чтобъ великолѣпнѣе убрать домъ, и одѣваться по послѣднему вкусу. Тамъ, среди пышнаго покоя сидитъ Аримена, украшенная алмазами самой лучшей воды; платье на ней въ польскомъ вкусѣ, сверху до низу оправлено мѣлкими кружевами. Весь нарядъ ея возвѣщаетъ о ея суетности и гордости. Она уподобляется тѣмъ птицамъ, кои непрестанно смотрятъ на себя, и удивляются разноцвѣтному своему перью. Вотъ другой приближается къ столу Луціи, и пьетъ сокъ Китайскаго растѣнія, которой она подслащиваетъ мозжечкомъ Индійскаго тросника: чайный приборъ ея выписанъ изъ фарфоровыхъ рукодѣлнъ Японскихъ. Искрометные камни, блистающіе у ней на груди и въ ушахъ, происходятъ изъ горъ Индостанскихъ; галантерейныя вещи, украшающія ея пальцы, составлены въ рудникахъ Перуанскихъ; волосы ея искусно причесаны рукою Француза, который положилъ ихъ въ букли по новому вкусу; перья, возвышающіяся надъ ея чепцомъ, стоили знатной суммы; вещество разноцвѣтныхъ на

ней лентъ составлено изъ яицъ шелковичныхъ червей, Персами пересланныхъ въ Европу; шуба во время зимы развѣвающаяся по ея плечамъ, есть одежда, которою природа надѣлила животное, блуждающее въ мрачныхъ лѣсахъ сѣверныхъ земель. Опахало ея есть рукодѣлїе Индѣйца, которой зная легкомысленныя склонности Европейцовъ, нарисовалъ на ономъ купидона во всѣхъ его видахъ. Тамъ изображены дамы, покрытыя зонтиками въ жару ихъ любви. Изъ отдаленнѣйшихъ острововъ привозятъ бальзамическую воду, которою Аримена окропляетъ себя ежедневно, дабы тѣло свое сдѣлать нѣжнѣе и бѣлѣе. Одна особа, одинакагожъ съ нею происхожденїя, но злополучная, денно и нощно трудилась надъ ея кружевами, которыя, чтобъ не умереть съ голоду, принуждена была уступить Аименѣ за самую низкую цѣну, и чрезъ то доставила ей случай вездѣ хвалиться, что она ничего дорого не покупаетъ. Платье ея шито руками убогой вдовы, съ которою она еще не расплатилась, и которую всякой день отъ себя отсылаетъ съ величавымъ видомъ: работница

сколько ни проситъ за труды свои награды; но ей съ дѣтьми должно поститься по тому, что госпожа невидима, или всякой часъ занимается посѣщеніями. Нѣжное ея канапе гордится мягкимъ перьемъ, каковое лебеди носятъ на груди; тѣ животныя, кои, когда закалаютъ ихъ въ угодность сластолюбію, послѣднимъ пѣніемъ своимъ оплакиваютъ и смерть свою и страстолюбіе людей. Праведное небо! кто можетъ описать всѣ глупости, сопровождающія роскошъ и горделивость? и сколь благоразуменъ тотъ, кто смѣется симъ низкостямъ, и на одежду свою взираетъ не иначе, какъ на знакъ своея срамоты?

§ 105.

Прейдемъ теперь къ друзьямъ; коими толико кичатся, воображая имѣть оныхъ множество....Друзья намъ бываютъ или по родству, или по всегдашнему обращенію съ людьми, или по благоразумному выбору, каковой умѣемъ дѣлать. Отъ первыхъ не льзя многаго ожидать; основывать благополучіе свое на числѣ свойственниковъ, значитъ мало знаться со свѣтомъ: въ щастіи льстятъ намъ; но когда при-

демъ въ упадокъ, тотъ часъ оборотятся спиною, и стыдятся быть намъ родственниками. Вотъ идетъ молодой человѣкъ въ самомъ посредственномъ платьѣ. . . Сосѣдка! восклицаетъ Матильда, взгляните на сей подлинникъ покрытый рубищемъ! Не безстыденъ ли онъ, называя мужа своимъ дядею? Я весьма нещастлива его родствомъ, и видѣла, что оно происходитъ еще отъ ковчега Ноева....По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сей молодой человѣкъ здѣлался щастливъ, и заступилъ важное мѣсто....Посмотри теперь на Матильду; она первая къ нему является; первое слово, которымъ ему привѣтствуетъ, есть таково: милостивый Государь, мой племянничекъ! Я восхищена вашимъ благосостояніемъ. . . .Какое глупое тщеславіе говорить, что та или другая высокая особа мнѣ ближній свойственникъ! Скажи лучше: въ родствѣ твоемъ много ли помогающихъ тебѣ въ нуждахъ, и облегчающихъ въ нещастіи? Сей родъ людей еще необыкновеннѣе, нежели бѣлые враны. Замѣчено, что въ свѣтѣ ни одного не существовало поколѣнія, въ которомъ не находилось бы убогихъ и богатыхъ,

великихъ и малыхъ, просвѣщенныхъ и невѣждъ: но примѣчательно также, что благополучные всегда отдѣлялись отъ злополучныхъ, и возникали совсѣмъ особенныя семѣйства....Не рѣдко тоже случается съ друзьями, чрезъ общественныя связи снискиваемыми....Щастливъ я; ибо имѣю пятдесятъ друговъ; ко одному иду, онъ объемлетъ меня съ нѣжностію, и изъявляетъ полное удовольствіе, что посѣтилъ его: другой со шляпою въ рукѣ бѣжитъ встрѣтить меня, и изъ отдаленности простираетъ ко мнѣ свои руки. Сіи люди, въ моихъ глазахъ, любезнѣйшіе, усерднѣйшіе, честнѣйшіе, учтивѣйшіе, сколько видѣть можно; и я презираю тѣхъ, кои утверждаютъ, что сіе благополучіе есть мечтательное. Съ какимъ удовольствіемъ могу провождать дни свои въ обществѣ съ друзьями моими! Сего дня чувствую ли я себя не расположеннымъ къ труду, или утомилась голова отъ многаго размышленія; что же? ѣду къ кому либо изъ друзей моихъ; онъ принимаетъ меня съ распростертыми дланьми, проситъ провесть съ нимъ день, и не знаетъ, чѣмъ доказать ра-

дость, ощущаемую отъ моего прїѣзда, и какое здѣлать для меня пиршество; вотъ то, что называютъ другомъ! Могу ли пожелать еще что полезнѣе?...Въ какомъ ты, слабый смертный, заблужденїи! Сей человѣкъ, котораго почитаешъ другомъ своимъ, и которымъ такъ много ты обласканъ, по уходѣ твоемъ, безъ всякой пощады тебя злословитъ; онъ на тебя негодуетъ, жалуется; онъ считаетъ тебя прихлебателемъ и такимъ тунеядцомъ, который не знаетъ, въ чемъ провождать время. Для бесѣды съ тобою оставилъ онъ свои дѣла. Ежели еще побываешъ у него, то предложитъ тебѣ карты, въ намѣренїи выиграть у тебя столько, чего стоило угощенїе тебя, и больше; лишъ бы щастье поблагопрїятствовало, хотябъ ты вовсе отъ того разстроился....Не симъ ли языкомъ говорятъ самые лучшїе изъ нашихъ друзей? И не справедливо ли утверждаемъ, что въ дружествѣ весьма много воображенїю попускаютъ обманывать себя. На вратахъ у себя долженствовали бы златыми буквами изобразить сїе превосходное пословїе древнихъ: „двадцать друзей въ ну-

ждѣ не имѣютъ вѣсу десяти гра-новъ; и читать сіе при всякомъ выѣздѣ изъ дому. Истинные дру-зья познаются въ нещастіи....Изъ пятидесяти, можетъ быть, не найдется ни одного такого, кото-рой одолжилъ тебя сотнею рублей, дабы извлечь тебя изъ крайности. Описаніе жалостнаго твоего поло-женія не тронетъ ихъ; тогда то узнаешъ, какихъ людей можно на-звать истинными друзьями.

§ 106.

Притворство возъимѣло верхъ; и вотъ, отъ чего въ настоящемъ вѣкѣ друзья толико рѣдки. Ны-нѣшніе люди говорятъ такимъ языкомъ, которой для чистосер-дечнаго человѣка крайне не вразу-мителенъ. Весьма не много такихъ, кои говорятъ, что мыслятъ: сколь-ко словъ, столько загадокъ. Мы не поучаемся, кромѣ какъ въ чело-вѣкоугодіи, лукавствіяхъ и лживо-стяхъ....Не льзя различить друга отъ непріятеля: видалъ я людей, кои заочно поступали, какъ зло-желатели другъ другу, но въ об-ществѣ обнимались какъ братья; они одинъ другаго предупреждали такою горячностію, разговаривали такъ пріятельски, что я впалъ

отъ того въ изумленіе и замѣшательство....Въ изобиліи твоемъ даютъ тебѣ тысячу обѣтовъ навсегда быть готовыми къ услугамъ; а когда обнищаешъ, бѣгутъ прочь, какъ отъ опаснаго человѣка, называя тебя безпорядочнымъ, и неумѣвшимъ пользоваться дарами щастія. Откровенность, дружество и благородная простота нашихъ предковъ въ такомъ нынѣ неупотребленіи, что всѣ почти занялись наукою говорить двусмысленно: начинаютъ даже юношество отвращать отъ невиннаго и естественнаго образа мыслить; и стараются наставить оное, какъ учтиво можно лгать предъ другими, и хвалить безъ разбору. Головорѣза, пронырливаго часто называютъ дружелюбнѣйшимъ, любезнѣйшимъ человѣкомъ; а чистосердечнаго считаютъ за безумца. Еслибъ небожитель возвратился на землю, и послушалъ нашихъ разговоровъ, вѣрно ничего бы понять не могъ. При разставаніи съ человѣкомъ, съ которымъ цѣлый часъ преніе имѣли, говорятъ, что обращеніе съ нимъ доставило имъ великую честь и не изъяснимое удовольствіе. Прощаемся ли съ тѣмъ, кто пригласилъ насъ къ своему

столу, дабы завлечь насъ въ игру, и получить отъ насъ нужное къ содержанію дома своего и экипажа? Естьли и въ проигрышѣ остаемся, то всеуниженнѣйше благодаримъ за его къ намъ вѣжливость, вниманіе и пріятное съ нимъ препровожденіе времени....Вотъ изложеніе роль безпрестанно зримыхъ на позорищѣ свѣта! Еще ли будутъ удивляться сему, что выборъ истинныхъ друзей есть очень труденъ, и что обращеніе между людьми весьма обманчиво?

§ 107.

Свойства, составляющія истиннаго друга, суть постоянство, добродѣтель, просвѣщеніе, скромность, вѣжливость съ нѣкоторымъ равенствомъ души и сложенія; и вотъ по чему такъ мало ихъ находятъ. Другомъ должно именовать того, кто во всѣхъ своихъ поступкахъ не имѣетъ ни какихъ другихъ видовъ, кромѣ какъ учинится полезнымъ безъ всякаго разчета самолюбія. Онъ не вычисляетъ, сколько разъ кто посѣтилъ его; и не гордится отмѣнными другихъ ласками; онъ ищетъ друзей не съ тѣмъ, чтобъ докучать имъ; но единственно для изъявленія имъ

неизмѣнныхъ знаковъ своея благорасположительности; онъ плачетъ, когда другъ его проливаетъ слезы; онъ радуется, видя его благополучнымъ. Ежели сей другъ огорченъ, онъ утѣшаетъ его участїемъ въ его горестяхъ; когда же овладѣетъ имъ запалчивость, тщится укротить ее вежливыми напоминанїями. Вѣрный другъ есть великая подпора жизни; и кто его нашелъ, тотъ снискалъ неоцѣненное сокровище. Съ другомъ никакое благо сравниться не можетъ. Онъ есть предохранительное врачевство жизни; и тѣ, кои надежду свою полагаютъ въ Высочайшемъ Существѣ, не могутъ не найти его. Таково отличительное свойство истиннаго друга: но увы! сколько людей имѣющихъ оное? Въ самомъ началѣ иные кажутся намъ привѣтливыми и чистосердечными, но въ продолженїи видъ сей измѣняютъ: большая часть уподобляются флюгерамъ, кои вращаются при малѣйшемъ вѣтрѣ. И вотъ какимъ образомъ удовольствїе дружбы также вводитъ насъ въ заблужденїе... Многїе славятся сильными покровителями, кои, по ихъ увѣренїю, скоро составятъ имъ щастїе. Крат-

козрячїй смертный! радость твоя существуетъ въ одномъ только воображенїи: твои милостивцы по видимому много тебѣ усердствуютъ, они обѣщаютъ тебѣ золотыя горы, провождаютъ тебя даже за двери внутреннихъ своихъ покоевъ; пишутъ къ тебѣ письма, исполненныя любви и благоволенїя: но терпѣливо подожди развязки, и познаешъ свое заблужденїе; ты скажешъ самъ въ себѣ: колико былъ я несмысленъ! притворной ихъ благосклонности я жертвовалъ чувствїями сердечной любви, и сыновней преданности....Многїе славились покровителями; но не нашли еще никого, кто бы ихъ облагополучилъ; а когда на удачу противное сему случится, то одолжаютъ тебя, дабы освободиться отъ твоихъ докукъ; или чтобъ привязать тебя къ себѣ, въ намѣренїи дарованїя твои употребить въ пользу своихъ честолюбивыхъ видовъ.

§ 108.

Таковы суть прїятности даровъ щастїя, и такова истинная ихъ природа; ежели разсматривать оные съ надлежащей точки зрѣнїя. И такъ надобно сознаться, что большая часть удовольствїй человѣче-

скихъ, суть токмо мнимыя удовольствія: кромѣ сего многіе прилѣпляются къ такимъ вещамъ, кои сами обратили бы въ смѣхъ, когда бы пожелали внимательно изслѣдовать ихъ сущность....Игрокъ половину своей жизни провождаетъ въ игрѣ, третью часть во снѣ, а остальную за столомъ; онъ основываетъ свое удовольствіе на случайномъ подборѣ картъ. Въ чемъ же состоитъ его благополучіе? Въ ожиданіи выигрыша, и въ надеждѣ обогащенія. Что по большой части за симъ слѣдуетъ? онъ проигрываетъ, сердится; отсюда раждаются распри, нещастія за нещастіями, сопровождаемыя слезами, убожествомъ, безсонницею, а часто и пагубнымъ отчаяніемъ. Жизнь пьянаго человѣка есть безпрерывный сонъ. Онъ въ вихрѣ свѣта вращается не иначе, какъ снобродъ, который плутается на право и на лѣво, и кружитъ какъ ни попадетъ, не различая ни мѣста, ни времени. Ночью спитъ онъ въ грязи среди улицы, воображая, что лежитъ на постелѣ. Въ продолженіе дня голову свою потемняетъ мрачными парами, и въ бутылкѣ вина весь умъ свой погружаетъ. Онъ имѣетъ толпу непріятелей, кои однакожъ ни чемъ

его не оскорбили; онъ многихъ считаетъ себѣ друзьями, кои или вовсе его не знаютъ, или съ мѣста на мѣсто тащатъ за собою, какъ мертвой трупъ. Напослѣдокъ обозрѣвая, всѣ минуты его жизни откроютъ, что весьма мало такого времени, въ которое былъ бы онъ свѣдущъ о самомъ себѣ: однакожъ онъ никогда такъ неспокоенъ и недоволенъ, какъ за столомъ, уставленнымъ винами и наливками....Влюбленный человѣкъ есть еще большїй безумецъ, какого только вообразить можно. Непрїятная черта на лицѣ его любимицы причиняетъ ему неизчислимыя безпокойства, и благосклонная улыбка прелестницы, которая сидя подлѣ окна, забавляется его любовными взглядами и частыми вздохами, приводитъ въ восторгъ его сердце. Позументъ, помѣщенный съ большею обыкновенной красою, и блистающїй камень на ея челѣ, имѣетъ силу очаровать всю его душу. Ставъ весь занятъ ею, ни къ чему дѣлается неспособенъ; ибо днемъ вездѣ видитъ свою возлюбленную, и ночью брѣдитъ о ней же, и о средствахъ ей нравиться. Онъ жертвуетъ половиною своихъ дохо-

довъ, чтобъ получить отъ нея взглядъ вѣроломный. Пусть единождыі она его посѣтитъ, то уже сталъ ея невольникомъ, тогда все приноситъ въ жертву прихотямъ жеманки, которая скоро предаетъ его жестокому раскаянію. Не взирая на сіе, сколько видимъ мы такихъ, кои подобную жизнь считаютъ блаженнѣйшею, и лучшія лѣта иждиваютъ въ ожиданіяхъ!... Надлежало бы написать не одну тысячу книгъ: естьли бы захотѣть подробно изслѣдовать всѣ глупости людскія.

§ 109.

По сему въ чернѣ здѣланному нами очертанію благихъ міра сего, кто на земли можетъ похвалиться совершеннымъ благополучіемъ? и наслаждается ли кто удовольствіемъ, которое можно бы было назвать истиннымъ и продолжительнымъ?...Вотъ образъ жизни; мы видимъ вещи всегда вдали, а вблизи никогда. Хотя и представляются иногда въ существенномъ ихъ видѣ, но не прежде, какъ уже изнеможемъ подъ бременемъ искушеній, и лишимся способности удовлетворять нещастнымъ нашимъ склонностямъ. Тогда послѣдствія

откроютъ, что мы заблуждаемъ; и что всѣ суеты міра совокупно взятыя, не могутъ доставить прямаго удовольствія. Не смотря на сіе, желаніе оныхъ не ослабѣваетъ въ нашей душѣ. Воображеніе безпрестанно трудится надъ сооруженіемъ воздушныхъ замковъ. Измлада обыкли мы называть благополучіемъ, что льститъ воображенію; а насыщеніе прихотей, удовольствіемъ. Начало цвѣтущихъ лѣтъ есть начало нашихъ предразсудковъ, на коихъ основываемъ сужденія свои о всѣхъ красныхъ міра сего. Сіи глупости не оставляютъ насъ, доколѣ мы сами ихъ не оставимъ. Но къ сожалѣнію пребываемъ у нихъ въ рабствѣ даже до гроба. Когда постигнетъ насъ дряхлость и истощеніе силъ по душѣ и по тѣлу; когда наступитъ часъ смерти: тогда то удостовѣримся, что жизнь есть сновидѣніе, и все въ подсолнечной есть суета суетствій и всяческая суета.

§ 110.

Жителей сего шара, называемаго землею, всегда представлялъ я себѣ въ образѣ многихъ рѣзвящихся дѣтей. Мы смѣемся симъ

невиннымъ птенцамъ, когда они забавляются, и непринужденно слѣдуютъ прихотямъ своего воображенія. Для нихъ нѣтъ другихъ занятій кромѣ веселостей; и мы такъ же поступаемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что предполагаемъ въ себѣ гораздо больше ума и разсудительности, нежели въ нихъ. Дѣти въ своихъ забавахъ не рѣдко обозрѣваютъ всѣ классы людей, и ходъ ихъ дѣйствій изображаютъ такъ естественно, что не льзя не тронуться сходствомъ. Они между собою даютъ пиры; ѣдятъ, пьютъ, прыгаютъ, танцуютъ, дѣлаются больны и выздоравливаютъ; они молоды, но становятся стариками. Одинъ представляетъ отца, другой сына; тѣ уходятъ, другіе поступаютъ на ихъ мѣста; одни богаты, другіе убоги; одни велики, другіе малы: они борются и бьютъ другъ друга до крови, и сильнѣйшій дѣлается повелителемъ толпы. Однимъ словомъ, они по возможности своей во всемъ подражаютъ взрослымъ людямъ, и поддѣлываются подъ нихъ во всѣхъ положеніяхъ. Разность будетъ самая малая, ежели все положить на вѣсы разума. Киръ рѣзвился съ

дѣтьми, кои для забавы избрали его Государемъ. Киръ игралъ сїю ролю, какъ бы онъ дѣйствительный былъ Государь; а сїе способствовало дѣду узнать его.

§ 111.

Слабые смертные! вотъ прямое изображенїе сего мнимаго благополучїя, которое такъ высоко цѣните. Нещастїя, бѣдность, слѣпота, вотъ предмѣты васъ увеселяющїе! и вы остались бы недовольными, когда бы сїи суетности не насыщали вашего сердца. О естьли бы помыслили вы о будущемъ мїрѣ, о безсмертїи вашей души; конечно перемѣнились бы въ чувствїяхъ, и всѣ удовольствїя земныя представились бы вамъ въ видѣ величайшихъ золъ. Ибо почто увеселяться суетами, кои состоятъ въ одномъ только мнѣнїи вашемъ, и которыя по насыщенїи возбуждаютъ въ душѣ не иное что, какъ омерзѣнїе? Доколѣ носимся по бурному морю жизни сея; дотолѣ окружены бываемъ грубымъ веществомъ, которое не престаетъ мучить насъ, вперяя въ душу противныя чистотѣ ея чувствованїя, а сердце порабощая тиранству страстей. Большая часть нашихъ удоволь-

ствій основу себѣ получаютъ отъ чувствъ; и съ сей стороны чемъ можетъ похвалиться предъ прочими животными? Мысли наши по временамъ парятъ къ вѣчности; онѣ бываютъ превыше тлѣнія; онѣ, такъ сказать, исторгаютъ насъ изъ оковъ. И тогда то мы предвкушаемъ блага грядущаго міра; тогда то ощущаемъ благородное и истинное благополучіе. Но спустя минуту, опять впадаемъ въ тѣже страсти, и теряемся въ плуталищѣ суетностей. Иногда провидимъ, сколь не основательны и гибнущи увеселенія жизни; сами въ себѣ говоримъ: суетные и слабодушные люди! чего себѣ желаете, то есть совершенная бѣдность. Идемъ къ другимъ, и разглагольствуемъ съ ними о лишеніи скоропреходящихъ благъ; мы въ то время чувствуемъ утѣшеніе за утѣшеніемъ, и спокойны возвращаемся въ свое уединеніе; тамъ разумъ представляетъ себѣ міръ грядущій, гдѣ ожидаетъ насъ гораздо лучшая участь, и гдѣ наше удовольствіе не будетъ питаться воображеніемъ; въ семъ положеніи ощущаемъ радость чистую, прочную и восхитительную: но сколько времяни продолжается сіе сладостное чувствіе? нѣсколько часовъ, нѣсколько минутъ,

нѣсколько секундъ. Желудокъ снова начинаетъ докучать намъ, гортань требуетъ пищи, языкъ скоктанія, ухо внемлетъ шуму народа, глаза усматриваютъ мнимый блескъ красныхъ міра сего. Чувства снова начинаютъ воевать на душу, и разстроить ея мысли: и человѣкъ снова упадаетъ въ стремнину своихъ желаній; призраки омрачаютъ его зрѣніе; и увы! онъ паки низвергся въ рабство....Но предположимъ еще, что мечтательное удовольствіе было бы удовольствіе существенное: и въ семъ случаѣ мало найдется такихъ, кои могутъ принадлежать къ числу щастливыхъ людей. Невѣрцы! ведите протоколъ вашея жизни; приключенія съ вами раздѣлите на три розряда: въ первомъ помѣстите пріятные для васъ часы; во второмъ то время, въ которое вы испытали огорченія, болѣзни и прочее тому подобное; въ третьемъ наконецъ то состояніе, въ которомъ человѣкъ бываетъ нечувствителенъ ко всему, и какъ бы усыпленъ: сіе исчисленіе продолжите одинъ только годъ; по прошествіи коего часы удовольствія вычтите изъ часовъ неудовольствія; и увидите тогда, что между нещастными и

щасшливыми событіями никакой нѣшъ соразмѣрносши.

§ 112.

Каршина жизни человѣческой, кошорой одинъ шолько ескизъ мы сдѣлали, есшь весьма печальна, и весьма огорчишельна. Пусшь умсшвенно прошекушъ просшрансшво первыхъ слѣдовъ лѣшъ нашихъ до послѣдняго предѣла жизни: шо сколь безчисленные знаки суешы и бѣдносши ошкроюшся!...Что шакое есшь человѣкъ, когда онъ еще погруженъ въ машерней ушробѣ, гдѣ дышешъ нечисшымъ воздухомъ, и никакой лучь солнца его не досязаешъ? Червь досшойный жалосши, валяющійся въ грязи, и безъ малѣйшаго свѣденія о своемъ положеніи. Дишя какимъ не подвержено опасносшямъ, прежде нежели узришъ первые лучи сей юдоли плачевной! Первый его шагъ въ жизнь сопровождаешся пронзишельнымъ воплемъ. Онъ какъ бы предчувсшвуешъ всѣ горесши, имѣющія надъ нимъ сбышься въ послѣдсшвіи бысшрошекущихъ лѣшъ; онъ нисколько не силенъ владѣшь собою; надобно, чшобъ другіе носили его, пишали и охраняли. Его водяшъ на помочахъ, сперва учашъ его шолько чшо лѣпешашь, и мало по малу чувсшвовашь бышіе; онъ начинаешъ

желать, онъ начинаетъ говорить съ запинкою, онъ начинаетъ любить порокъ; злость и глупость гнѣздящіяся въ его сердцѣ, тотчасъ оказываются; и естьли не будетъ строгаго надъ нимъ надзора, то не умедлитъ онъ впасть во всѣ роды отступленія отъ закона.... Такимъ то образомъ человѣкъ растетъ, и постепенно восходитъ на второй степень жизни, то есть, достигаетъ юности. Боже праведный! какимъ тогда онъ не предается суетамъ; и сколь мало таковыхъ, кои добродѣтели жертвуютъ цвѣтомъ своихъ лѣтъ! Чѣмъ тѣло сильнѣе и живѣе, тѣмъ больше мучится онъ желаніями. Страсти берутъ верхъ надъ нимъ, и порочныя склонности день отъ дня усиливаются въ его душѣ. Онъ становится невольникомъ своихъ наклонностей, коимъ сопротивляться и не можетъ, и не желаетъ. Враги мудрости ищутъ обольстить его; дурныя общества довершаютъ наслѣдственную въ немъ порчу. Предается онъ то гнѣву; то безчинной любви, обыкновенному слѣдствію праздности, наконецъ игрѣ, плотоугодію, піянству; вотъ кумиры; которымъ человѣкъ непрестанно жертвуетъ; и вотъ источникъ, изъ коего изливается на землю толико

золъ, толико бѣдствій! Тѣло его приходитъ въ изнеможеніе и дряхлость: тогда въ душѣ возстаетъ укореніе совѣсти, порокъ требуетъ отмщенія, свѣтъ для него становится такимъ адомъ, которой весьма часто мучитъ его даже до гроба.... Между тѣмъ лѣта умножаются; онъ получаетъ новой видъ, онъ дѣлается супругомъ, отцемъ, повелителемъ. Сіе состояніе имѣетъ такъ же свои досады, свои заботы, свои безпокойства. Слуги причиняютъ ему огорченіе; воспитаніе дѣтей тревожитъ; слезы жены наводятъ скуку. Онъ попеременно ощущаетъ боязнь и надежду; ежедневныя противурѣчія и раздоръ; убожество и скудость; ненависть и зависть, любовь и подозрѣніе; болѣзнь и мученія. Всѣ минуты жизни доказываютъ, сколь не основательно ожидать на земли истиннаго благополучія. Наконецъ вступаетъ въ послѣдній періодъ дней своихъ, въ состояніе старости: здѣсь то наипаче жалости онъ достоинъ, и потребно ему утѣшеніе. Послѣдовавшая въ немъ перемѣна извѣщаетъ о приближеніи кончины: зрѣніе помрачается, слухъ грубѣетъ, лице морщится, власы бѣлѣютъ, голова слабѣетъ, руки трясутся, голени надуваются, и все

тѣло становится дебѣлымъ. Равнымъ образомъ и душевныя силы истощеваются: память теряется, разумъ тупѣетъ, воображенїе леденѣетъ, воля развращается. Старые люди бываютъ алчные скряги: они собираютъ сокровища для наслѣдниковъ, а сїи еще при жизни ихъ успѣваютъ расточить, и чрезъ то ускорить смерть своихъ благодѣтелей. Днемъ суетятся, ночью мучатся отъ безсонницы; Напослѣдокъ нещастный старикъ подъ тяжестїю золъ колеблется, упадаетъ; изможденное тѣло его кладутъ во гробъ, и погребаютъ въ печальномъ мѣстѣ, гдѣ отцы его уже смѣсились съ прахомъ.

§ 112.

И такъ естьли не лязя въ мїрѣ ожидать удовольствїя совершеннаго и безпрерывнаго, если увеселенїя великихъ людей, богатыхъ, ученыхъ, лѣпообразныхъ, сластолюбцовъ и пр. суть одно только воображенїе; если суета, какъ дѣтей, всѣхъ забавляетъ: то для чего предаваться печальнымъ размышленїямъ? для чего огорчаться лишенїемъ сихъ суетствїй, коими страстолюбецъ гордится, и безъ коихъ легко могу обойтись? для чего бѣдность свою увеличивать малодушїемъ, и не вооружаться щитомъ

терпѣнія? или солнце не изливаетъ больше свѣта своего на землю? или надобно, чтобъ не было ни бурь, ни молній, ни грому? Высочайшее Существо можетъ ли премѣнить для меня порядокъ стихій, и остановить дѣйствіе природы? Надлежитъ убо на щастіе земное взирать не иначе, какъ на Содомское яблоко; которое извнѣ прелестно, но во внутренности скрываетъ токмо прахъ единъ.... Много лѣтъ провелъ я въ удовольствіи; много дней кичился тѣмъ, что слѣпотствующіи люди нарицаютъ щастіемъ; но узналъ напослѣдокъ, что сіе щастіе главнымъ образомъ заимствуетъ цѣну свою отъ погрѣшительнаго мнѣнія объ ономъ. Въ отношеніи къ земнымъ увеселеніямъ двѣ наипаче вещи обольщаютъ человѣка: радость удовольствію предшествующая, и воспоминаніе о немъ; я хочу сказать, что наслажденіе гораздо ниже предшествовавшаго ему понятія; тоже разумѣть должно и о воспоминаніи забавъ минувшихъ. Сіе служитъ подтвержденіемъ, что чувственныя удовольствія прямо изтекаютъ изъ воображенія....Сколько я ни разсматривалъ міръ во всѣхъ его видахъ; сколько ни разсуждалъ о всѣхъ его

вышностяхъ : не нашелъ въ немъ ничего кромѣ вздору, превратности и непостоянства. Почто убо огорчаться тѣмъ, что не могу итти поприщемъ глупостей людскихъ. Когда никого нѣтъ совершенно блаженнаго : почто жаловаться на бѣдствія, коихъ въ связи произшествій не льзя мнѣ избѣгнуть; ибо я неизключенъ изъ числа существъ, человѣками нарицаемыхъ.

§ 113.

О ты смертный! которой непрестанно ропщешь на свою судьбу, заключи себя въ тѣсное убѣжище, и плачь; или бѣги въ неприступныя лучамъ солнечнымъ тѣни: подъ безмолвными древами проливая горькія слезы о твоемъ злополучіи; сокройся, какъ дикій, въ самую мрачную пещеру: будь такъ же робокъ и напуганъ, какъ и голубь хищною птицею преслѣдуемый, которой мчится въ пустыя и темныя мѣста; но не обрѣтая тамъ ни пристанища, ни покоя, разпростерши крылья летаетъ, вьется въ воздухѣ, трепещетъ, тоскуетъ, кидается во всѣ стороны, и напослѣдокъ окровавленный увязаетъ въ кохтяхъ коршуна. Или лучше всего огради себя отъ обращенія съ людьми четырьмя стѣнами;

неисходно пребудь въ семъ печальномъ уединеніи, рыдай, и неотступно проси смерть прійти къ тебѣ на помощь....Но скажи мнѣ; къ чему послужатъ твои негодованія, твои стенанія, и тяжелыя вздохи? Слезами умножишь, или уменьшишь временныя свои безпокойства? увеличишь, или умалишь твое прискорбіе? Нещастія умягчатся ли чрезъ то въ своемъ противъ тебя ожесточеніи, или учинятся сноснѣе?...О! да изчезнутъ сіи сумазбродства, кои вмѣсто врачеванія еще больше разтравляютъ раны твои. Изъ сихъ жалобъ естественно слѣдовать преогорчевающимъ мыслямъ; ланиты твои становятся блѣдны и тощи; ночи ты провождаешь безъ сна; а дни въ слезахъ: сердце твое всегдашнимъ мучится безпокойствомъ, а душа заботами; ты не радишь о своихъ дѣлахъ, и не исполняешь возложенныхъ на тебя обязанностей; густая и черная кровь течетъ въ твоихъ жилахъ; ужасная и прежде временная смерть постигаетъ тебя въ жесточайшемъ припадкѣ твоего страданія. А всего горшее есть то, что страшная участь провождаетъ тебя въ вѣчность.

§ 114.

Такимъ образомъ предаваться

отчаянію отнюдь не значитъ искать облегченія пожирающей скорьби: вмѣсто того, чтобъ найти въ ономъ утѣшеніе, еще увеличиваешъ свои горести. Поистиннѣ мало такихъ твердыхъ душъ, кои вовсе не печалились бы о непріятныхъ съ ними встрѣчахъ, и не проливали бы слезъ. Александръ, которой занимался токмо опустошеніемъ градовъ и цѣлыхъ Государствъ, избіеніемъ всѣхъ сопротивлявшихся обширнымъ его намѣреніямъ, былъ самъ толико чувствителенъ, что о малѣйшей потерѣ плакалъ. Слезы наши можно сравнить съ слезами дѣтей, имѣющихъ нѣжное и живое чувствованіе: онѣ часто происходятъ отъ радости, часто отъ дружбы: онѣ съ собою приносятъ нѣчто пріятное и сладостное, когда текутъ изъ чистаго источника. Можно плакать, и въ то же время ощущать величайшее удовольствіе: но когда слезы ліются для прикрытія какого либо безчестнаго дѣла, ради возбужденія жалости въ тѣхъ, предъ коими хотятъ оправдаться въ слабости, или въ обманѣ, или въ злодѣйствѣ; тогда то бываютъ онѣ законопреступны....Вчера буря и дождь поломили всю жатву: сего дня солнце живительною своею теплотою

все поправило. Многіе стенали, и неутѣшно рыдали о злой участи своей: а нынѣ благоденствуютъ. Послѣ дождя бываетъ вѣдро; равно и за печалїю наступаетъ радость. Ежели не чувствую постояннаго удовольствїя; то привожу себѣ на мысль, что въ мірѣ не льзя ожидать лучшаго щастія. Путешественникъ былъ бы несмысленъ, когда бы началъ жаловаться, что въ пути не вездѣ встрѣчаются съ нимъ красивые и пышные города; но что находитъ онъ такъ же унылыя и страшныя мѣста. Жизнь моя есть странствованїе: и такъ почто удивляться, что не всегда зрю пріятные предмѣты?

§ 116.

Человѣкъ, доколѣ живъ, не премѣняетъ своей природы; человѣкъ всегда человѣкъ. Мы ни чистые духи, ни боги. Цѣпь земныхъ удовольствїй должна часто прерываться; ибо живемъ въ мірѣ вещественномъ; мы, яко существа ограниченныя, должны имѣть несовершенства. Прежде насъ еще древность сказала, что земля есть смѣшенїе зла съ добромъ. Могу ли требовать, чтобъ Творецъ для меня премѣнилъ видъ вселенной? Смѣю ли охуждать, чего умъ мой не постигаетъ? Хочу ли извѣдать глубину

вѣчной Премудрости? Богъ, яко Всесильный, конечно могъ бы воспрепятствовать зло на земли; но не допускаетъ сего безпредѣльная Его премудрость. И такъ чтобъ ни чего прискорбнаго со мною не встрѣчалось, чтобъ наслаждаться мнѣ совершеннымъ благополучїемъ: для сего надобно мнѣ учиниться жителемъ совсѣмъ другаго мїра, нежели въ какомъ я сотворенъ.

§ 117.

Я иду противъ возраженїя, которое конечно бы мнѣ здѣлали. Мы доказали, что въ мїрѣ семъ не льзя быть благополучїю совершенному и безпрепятственному: однакожъ опытъ научаетъ, что многїе живутъ во всегдашнемъ щастїи и веселостяхъ.... Прежде рѣшенїя скажемъ, что здѣсь мы говоримъ о здравомыслящихъ и добродѣтельныхъ людяхъ, кои первые огорчаются при встрѣчи малѣйшихъ непрїятностей. Мы не пишемъ утѣшительныхъ началъ для порабощенныхъ людей пороку; ибо никакой нѣтъ надежды духъ ихъ укрѣпить....Замѣтить надобно, что слово: *всегдашнїй*, слѣдуя обыкновенному употребленїю, имѣетъ трoякое значенїе: 1. Берутъ его за неизмѣнное и безпрерывное

продолженіе; такимъ образомъ скажутъ, Богъ всегда есть благъ, всегда премудръ, всегда святъ и проч. 2. Берутъ оное за безпрерывной рядъ перемѣнъ, и простирающійся до извѣстнаго времени; и посему говорится: древо всегда растетъ, часы всегда движутся и проч. 3. Подъ онымъ разумѣютъ также безпрерывное продолженіе вещей; на примѣръ, Кай всегда кленется; Викторина всегда въ нарядѣ; солнце всегда свѣтитъ....Послѣднія два значенія любомудры допускаютъ, когда разглагольствуютъ о земномъ благополучіи. По сему то щастливымъ называютъ человѣка, ежели въ жизни съ нимъ встрѣчается больше удовольствія, нежели огорченія; ежели онъ имѣетъ сто дней веселыхъ, а скучныхъ только одинъ день. Въ семъ смыслѣ не отрицаю, чтобъ существовали благополучные; но не меньше истинно и сіе, что щастіе ихъ весьма несовершенно, и не есть то безпрерывное и чистое удовольствіе, о которомъ мы разсуждаемъ.

§ 118.

Не можно доказать, чтобъ много было такихъ, кои живутъ во всегдашнемъ довольствѣ. Въ теченіи жизни коликія тысячи приключеній, преры-

вающихъ пріятныя ощущенія! Легкая обида трогаетъ нашу честь; одно слово, сказанное на щетъ сильныхъ вельможей, изгоняетъ насъ изъ отечества; исковая прозьба объ умѣренной суммѣ, причиняетъ знатной уронъ нашему имуществу; насморкъ производитъ отвращеніе отъ избраннѣйшихъ яствъ; горячка кружитъ голову у самаго глубокомысленнаго любомудра; чахотка прекрасное тѣло превращаетъ въ ужасный скелетъ; искра огня не однократно замки и цѣлые города въ пепелъ превращала. Кто въ состояніи подробно описать всѣ случаи, останавливающіе теченіе земныхъ веселостей? Наша злая не разнствуютъ, какъ однимъ видомъ; и часто щастливцами почитаемъ, кои только кажутся быть таковыми; но ежели пристально на нихъ посмотрѣть, то они еще насъ жалостнѣе. Бѣдность одного бременитъ симъ, а другаго инымъ образомъ. Мы никакъ не можемъ видѣть нещастія другихъ, слѣдственно и судить объ ономъ; ибо не всегда свѣдущи о скорби ближняго. Свѣтъ допустилъ весьма обманчивый образъ сужденія: человѣкъ богато одѣтый, и никому не должный, приметъ на себя спокойный и веселый видъ; мы тотчасъ заключимъ,

что не льзя быть его щастливѣе. Но въ какомъ мы заблужденіи! Тѣ, коихъ видимъ всегда веселыми, большую часть времени провождаютъ въ неизъяснимыхъ горестяхъ; они стыдятся, какимъ либо наружнымъ знакомъ открыть втайнѣ снѣдающую ихъ тоску....Знаю одного чужестранца изъ первостатейныхъ вельможъ, которой часто бываетъ предмѣтомъ моихъ размышленій; всякъ говоритъ, что онъ наслаждается всѣмъ, что только желательно его честолюбію: почтенъ, богатъ, здоровъ, въ высокихъ чинахъ, а сверхъ того и въ милости у Государя. Кто на него ни посмотритъ, всякъ бываетъ пораженъ его видомъ, и стоитъ предъ нимъ съ рабскою униженностію; цвѣтущее его состояніе уподобляется тѣмъ странамъ новаго свѣта, кои непрестанно приносятъ плоды и цвѣты....Заблужденіе! онъ ни на одну минуту не наслаждается спокойствіемъ; онъ обремененъ заботами; присутствія въ судахъ занимаютъ все его время. Честолюбіе содержитъ его въ вѣчномъ порабощеніи; совѣсть возмущаетъ покой своими упреками; онъ страшится Бога, которой видитъ его неправды....Смертные! не все то, что блещетъ, злато: радуга столь велико-

лѣпно живописуемая въ нашихъ глазахъ, составлена изъ паровъ, возвѣщающихъ громъ и бурю. Мы судимъ о вещахъ всегда съ той стороны, съ которой онѣ касаются нашихъ чувствъ; но въ подробное разсмотрѣнїе внутренняго ихъ строенїя не входимъ. За симъ богачемъ послѣдуй въ кабинетъ его, и будь свидѣтелемъ душевныхъ его движенїй. Вотъ онъ наединѣ; посмотри, какъ онъ мятется, какъ трепещетъ всякой разъ, когда слуга доложитъ о чьемъ либо къ нему прїѣздѣ; онъ трудится узнать, чрезвычайные издержки по дому, всегда ли будутъ соразмѣрны его доходамъ? онъ мыслитъ о средствахъ въ ростъ пустить свой капиталъ; огорчается, что по сїе время расточилъ толикїя тысячи ефимковъ; пересматриваетъ исковое дѣло, и боится, чтобы не обратилось въ его невыгоду; обдумываетъ, что бы могло привесть его въ немилость у Государя; множество злослововъ причиняетъ великую тоску. Онъ въ видѣ бѣсноватаго бѣжитъ въ покой; съ отчаянїя рветъ на себѣ волосы; кладетъ на крестъ руки, и кидается то на софу, то на кресла; то хватается за свою шпагу; на послѣдокъ бѣжитъ взять пистолетъ, заряжаетъ его; досадуетъ,

кленется, изрыгаетъ хулу на Бога, бурлитъ да кричитъ до того, что слуги пробуждаются. Всѣ стремятся видѣть причину безпокойствїя своего Господина; но онъ мгновенно измѣняется въ лицѣ; являетъ имъ видъ благосклонный, привѣтливый, веселый; стыдится обнаружить сердечныя страданїя; съ притворнымъ удивленїемъ прїемлетъ приходъ ихъ. Прервавши нить его размышленїй, они представляютъ ему, что слышенъ былъ стукъ, и боялись, не приключилось ли съ нимъ чего; на сїе говоритъ, что стулъ, стоявши у его кровати, опрокинулся, и потревожилъ ихъ. Размысли теперь о благополучїи и довольствѣ сего богача. Когдабы можно было проникнуть въ кабинеты владыкъ земныхъ, и извѣсить всѣ заботы и огорченїя въ ихъ состоянїи неизбѣжныя: то нашли бы, что тысяча человѣкъ не имѣли бы довольно твердости, устоять подъ тяжестїю, которая ежедневно бременитъ одного Государя. Вѣнценосныя главы рѣдко являются нашимъ глазамъ въ смущенномъ и печальномъ видѣ: но кто знаетъ, что произходитъ въ ихъ душѣ? Блескъ Дїадимы ослѣпляетъ наши чувства, и препятствуетъ видѣть душевныя движенїя; для сей то

можетъ быть причины, промыслъ возводитъ на престолъ избранныхъ и великихъ особъ.

§ 119.

Довольство предпочтительнѣе богатства. Одинъ богатой дворянинъ имянемъ Данвиль, въ своемъ помѣстьѣ жилъ спокойно съ женою и сыномъ, коихъ любилъ нѣжно. Бывъ рожденъ въ селѣ, любилъ пустыню, и бѣгалъ сумятицы и смятенія большихъ Городовъ. Для него не было пріятнѣе удовольствія, какъ прохаживаться одному. Среди рощи подъ тѣнію многолиственнаго дуба, душа его ощущала радость гораздо живѣе, нежели тѣ вельможи, кои въ позлащенныхъ своихъ залахъ сидятъ за карточнымъ столомъ. Но добродѣтель и въ уединеніи не изъята отъ нещастія. Дальный родственникъ его возстаетъ, и силится уничтожить право надъ имѣніемъ, коимъ Данвиль владѣлъ по наслѣдству. Когда невинность въ гоненіи; то кажется, что всѣ бѣдствія вдругъ валятся на нее. Откровенный человѣкъ имѣетъ много непріятелей; и незнающій искуства льстить, скоро придетъ въ упадокъ. Уже искъ поступилъ въ судъ; судьи, подкупленные дарами, дѣлаютъ приговоръ лишить Данвиля наслѣдственнаго

права. Онъ за столомъ сидѣлъ съ однимъ изъ своихъ друзей изъ далека пріѣхавшимъ для свиданія, въ то время, когда вручаютъ ему письмо: стремительно разкрываетъ оное, жена съ особливымъ вниманіемъ слушаетъ; падаетъ безъ чувствъ узнавши, что мужъ ея не успѣлъ въ своей тяжбѣ. Въ теченіи шести недѣль надлежало непремѣнно оставить замокъ со всѣми онаго принадлежностями: спѣшатъ помочь сей нѣжной супругѣ; но тщетно, она чрезъ минуту испустила духъ. Седмилѣтній сынъ бросается на мертвое тѣло несчастной своей матери, невинными своими слезами омываетъ померкшія ея ланиты, цѣлуетъ ея руки: съ плачевнымъ и болѣзненнымъ воплемъ бѣжитъ къ своему отцу, и неотступно проситъ возвратить жизнь матери. Данвиль въ сію минуту лежалъ поверженъ въ объятіяхъ своего друга, которой самъ будучи проникнутъ лютою тоскою, приказалъ отца съ сыномъ препроводить въ сокровеннѣйшій покой замка. Лишь только успѣлъ отдать послѣдній долгъ сей слишкомъ чувствительной супругѣ, какъ другъ Данвилевъ получаетъ отъ Государя повелѣніе возвратиться къ двору: онъ убѣждаетъ Данвиля сопутствовать

ему, и участвовать въ его благополучіи; всѣ настоянія были тщетны. Ни что не утѣшитъ меня въ потерѣ жены, отвѣтствовалъ Данвиль. Бременящая меня судьба дѣлаетъ мнѣ свѣтъ несноснымъ. Ахъ! къ чему роптать мнѣ на промыслъ толико меня въ жизни облагодѣтельствовавшій? Кто знаетъ, сколько еще жить мнѣ остается? Я забочусь только о моемъ сынѣ; онъ такъ молодъ, что воспитаніе его чрезвычайно безпокоитъ меня. Если меня любите, то сжальтесь надъ нимъ. Онъ не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, какъ у моего друга. Что до меня касается, то смерть не замедлитъ восхитить меня; кромѣ гроба ни гдѣ не обрящу желаннаго успокоенія. Другъ Данвилевъ обѣщалъ все; послѣ того, какъ дитя получило родительское благословеніе, оба друзья поцѣловались, и разлучились. Молодой Данвиль на пути былъ чрезвычайно переимчивъ на всѣ замѣчанія, дѣланныя ему умнымъ другомъ его родителя. Долго ѣхавши по сухому пути, для сокращенія дороги должны были сѣсть на судно: едва они отплыли отъ береговъ, какъ небо все темнѣетъ отъ сгущенія облаковъ; море вздрагиваетъ, напыщается, бунтующія волны обра-

зуютъ высочайшія горы; порывистый вѣтръ со всею буйностію дуетъ въ распущенные паруса. Ночь наступаетъ, и сгущенные пары покрываютъ всю атмосферу. За повтореннымъ сверканіемъ молній слѣдуетъ ужасный громъ, производимый разверстіемъ хлябій воспаленныхъ облаковъ. Мачты сокрушаются; кормчій въ безпорядкѣ кричитъ: друзья! приготовимся къ смерти. Всѣ сѣдоки предаются отчаянію; одинъ оплакиваетъ нещастную свою участь; другой болѣзненнымъ голосомъ кричитъ: любезные дѣти! кто васъ призритъ? корабль чрезъ всю ночь носится по произволу пѣнящихся волнъ: напослѣдокъ небо очищается; вдругъ слышится радостный крикъ: земля! земля! выпалили изъ пушки; и на звукъ сего выстрѣла, жители берега толпами бѣгутъ къ пристани. Едва здѣлали кое какія распоряженія, чтобъ предохранить себя отъ кораблекрушенія, какъ корабль сильно ударяется о мѣль, и раздробляется на мѣлкія части. Всѣ бывшіе въ кораблѣ поглощены волнами: одинъ только младой Данвиль крѣпко держится за доску, и приплываетъ къ острову посредствомъ скоро здѣланнаго ему пособія. Народъ тронутый жалостію, окру-

жаетъ его; всякъ хочетъ быть ему отцомъ, всякъ желаетъ себѣ его усыновить. Островитяне на ладіяхъ устремляются къ погруженному въ воду кораблю, и всѣ лучшія оттуда вещи извлекаютъ, и привозятъ къ берегу. Правительство повелѣло все имущество разпродать въ пользу молодаго Данвиля; и употребить оное на его воспитаніе; что и исполнено. Сей молодой человѣкъ былъ воспитанъ отлично; онъ всѣхъ жителей заставилъ любить себя превосходными качествами, кои въ немъ усматривали. Сколько было попеченія образовать умъ его въ наукахъ; не меньше того старались расположить сердце его къ любленію добродѣтели. Воспоминаніе объ отцѣ и о претерпѣнномъ нещастіи часто безпокоило его. Когда онъ достигъ возраста, въ которомъ можно уже располагать имѣніемъ, тогда ввѣрили ему весь капиталъ. Ставъ властелиномъ такой суммы, которая дѣлала его однимъ изъ первостатейныхъ богачей острова, рѣшился странствовать, въ намѣреніи увидѣться съ своимъ отцемъ. Садится на корабль, и благополучно преплываетъ море; освѣдомляется о мѣстѣ своего рожденія, и приходитъ туда, гдѣ жилъ его отецъ. Все измѣ-

нилось. Помѣстьемъ отца его владѣлъ тогда какой то чужестранецъ: многіе изъ жителей уже болѣе не существовали, и отъ длиннаго пространства времяни прошедшее погрузилось въ вѣчномъ забвеніи. Одинъ только старикъ въ живыхъ еще находился; онъ помнитъ отца молодаго человѣка, и сказываетъ ему, что ни кто не извѣстенъ, что съ нимъ послѣдовало; думали, продолжаетъ, что уѣхалъ онъ за моря соединиться съ однимъ изъ его друзей, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя, палъ онъ подъ тяжестію своей печали. Уже восмнадцать лѣтъ тому, какъ считаютъ его умершимъ. О молодой человѣкъ! суетенъ убо твой трудъ! какимъ образомъ дойти до того, гдѣ лежитъ прахъ твоего отца? Весьма бы можно тебѣ размыслить, что давно уже заплатилъ онъ дань природѣ? Младый Данвиль, отягченный досадою и скорьбію, и заливтись слезами, садится на лошадь, и пускается въ возвратный путь тою же дорогою. Едва проскакалъ онъ нѣсколько верстъ, какъ вдругъ захватываетъ его буря, и принуждаетъ устраниться въ ближайшую рощу для сокрытія себя отъ проливнаго дождя. Ночь наступаетъ; онъ подается впередъ, и чѣмъ дальше

простирается, тѣмъ больше заблуждаетъ. По щастію вдали открываетъ свѣтъ, и мчится во весь опоръ; усматриваетъ хижину окруженную деревами; слѣзаетъ съ лошади, стучится у дверей, кои отворяетъ ему почтеннѣйшій старецъ, котораго одинъ видъ подаетъ уже отраду нещастнымъ. Младый Данвиль привѣтствуетъ ему съ достодолжною униженностію, и проситъ себѣ пристанища. Вводитъ его въ покой, коего весь уборъ состоялъ изъ деревяннаго стола, загроможденнаго книгами, изъ кровати и нѣсколькихъ стульевъ. Старецъ предлагаетъ сѣсть и прохладиться; вы, говоритъ младой Данвиль, мнѣ кажетесь пустынникомъ.... Ето правда, я поселился въ семъ уединеніи, чтобъ избѣжать сѣтей и суетствій свѣта, въ чемъ и успѣлъ, найдя здѣсь истинное благополучіе. Онъ выходитъ, чтобъ принесть свѣжей воды; между тѣмъ временемъ младый Данвиль бросаетъ взоръ свой на разныя рукописи, безъ всякаго порядка разсѣянныя по столу; онъ читаетъ свое имя; любопытство увеличивается. Ето исторія его отца. Великій Боже! возопилъ онъ; ты внялъ моимъ желаніямъ. Лишь только старецъ возвратился, какъ онъ и падаетъ

предъ нимъ на колѣни...Родитель мой! наконецъ паки васъ вижу.... Пустынникъ изумленный, и въ тоже время умягченный природою, говорившею къ сердцу его, вопрошаетъ дрожащимъ голосомъ: кто вы таковы?... Я сынъ вашъ, тотъ самой сынъ, коего поручили вы своему другу.... Старецъ объемлетъ сего молодаго человѣка; разсматриваетъ черты лица, и узнаетъ его по знаку на челѣ. Боже мой! возопилъ онъ, устремя глаза въ небо, нынѣ предаю духъ мой въ руцѣ твои; душа моя узрѣла того, кого любитъ она паче всего на свѣтѣ. Ночь всю провели во взаимномъ повѣствованіи о своихъ приключеніяхъ: Данвилева радость была не описанна. На предложеніе молодаго Данвиля возвратиться съ нимъ на островъ, гдѣ онъ воспитанъ, и толико взысканъ благодѣющимъ промысломъ, отвѣтствовалъ: Ахъ! сынъ мой! былъ бы я безуменъ, когда бы покою, коимъ наслаждаюсь, предпочелъ таковую суетность. Я жилъ, позналъ свѣтъ; и никогда не видѣлъ въ немъ совершеннаго щастія. Испыталъ я много противныхъ случаевъ, имѣлъ нѣкоторыя, но минутныя удовольствія, и опытомъ сталъ удостовѣренъ, что вся красная міра состоятъ въ одномъ

только воображенiи людей. Ни когда не былъ я благополучнѣе того, какъ теперь, живя въ сей пустынѣ. Пiемая мною вода, кажется лучшею самыхъ дорогихъ винъ. Питаюсь кореньемъ, травами, земляницею и плодами, кои воздѣлываю собственными руками, и ни кто мнѣ не завиствуетъ. Насущный хлѣбъ мой, по примѣру моихъ родителей, составляю изъ ржаной и пшенишной муки; отвѣдай, сколь онъ вкусенъ для томимаго гладомъ. Младый Данвиль, укрѣпившись пищею, вышелъ изъ хижины съ своимъ отцомъ, которой заставилъ его удивляться окружнымъ мѣстамъ, усаженнымъ прекраснѣйшими деревами, образующими крестовую рощу. Въ одной странѣ распростертъ лежалъ дерновый коверъ, испещренный цвѣтами и усѣянный лилеями; далѣе видимъ былъ ключь, коего извивающiеся потоки обѣимъ берегамъ доставляли воду, необходимую для всякихъ жизненныхъ потребностей. Младой Данвиль всему удивлялся, что ни видѣлъ, и сердце его трепетало отъ радости... И такъ сынъ мой! сказалъ отецъ, суди теперь о моемъ довольствѣ; самъ я развелъ все, что тебя въ восторгъ приводитъ; разсмотри сiи тѣнистыя тропинки, сiи водоме-

ты, сїи отягченныя плодами деревья, сїи холмы толико разцвѣченные, коихъ прїятность еще усугубляется пѣнїемъ соловьевъ. Все сїе мнѣ принадлежитъ, и ни кто здѣсь не возмущаетъ тишины моего уединенїя. Скажижъ теперь, отецъ твой, или ты больше имѣешъ права на имя богача? Захочешъ ли, чтобъ я оставилъ сїе жилище утѣхъ для суетнаго мїра? Въ уединенїи размышляя о глупостяхъ людскихъ, болѣзную о ихъ слѣпотѣ. Правда я не наслаждаюсь ни уваженїемъ ни достоинствомъ, ни властїю; не имѣю ни злата, ни сребра, ни довѣренности? Какаяжъ въ томъ нужда? Имѣю все, что есть мнѣ желательнаго: и мнѣ ити остатокъ дней моихъ провождать въ мїрскомъ смятенiи! Не безъ того, чтобъ я и здѣсь не ощущалъ нѣкоторыхъ заботъ и непрїятностей; но какой человѣкъ изъятъ изъ сего?... Ахъ! родитель мой! возопилъ младой Данвиль, обнимая его: позвольте мнѣ быть съ вами. Слышанное теперь и видѣнное здѣсь, открываетъ мнѣ глаза, кои до сей минуты были закрыты. Сколь прїятно мнѣ будетъ раздѣлять съ вами сїе неоцѣненное щастїе! Среди сего плѣнительнаго зрѣлища природы, почтенный старецъ

восхищенъ былъ рѣшительностїю своего сына, которому велѣлъ о семъ великодушномъ поступкѣ немедлѣнно отписать къ жителямъ острова, гдѣ былъ воспитанъ, прося оставшееся тамъ имѣнїе его распродать, и вырученныя деньги раздать неимущимъ, что и исполнено. Отецъ и сынъ многїя лѣта провели вмѣстѣ, и оба въ одинъ и тотъ же день умерли. Увѣряютъ, что одинъ заблуждшїй путникъ, вошелъ въ хижину сихъ двухъ пустынниковъ, и нашелъ сїю исторїю, писанную собственными ихъ руками; что видѣлъ тамъ тѣла ихъ во всей цѣлости; старца прямо сидящаго, а младаго Данвиля облокотившагося на столъ. Черты лица изображали отца привѣтливымъ и добродѣтельнымъ, а сына мягкосердымъ. Присоединяютъ еще, что онъ желая разсмотрѣть ихъ въ близи, неосторожно коснулся; отъ чего тѣла ихъ мгновенно тронулись, и въ прахъ превратились.

§ 120.

Четвертое сїе отдѣленїе окончимъ слѣдующею притчею, взятою изъ Англинскаго сочиненїя: Отъ начала мїра было два семѣйства, стольже противныя одно другому, какъ свѣтъ и тьма. Одно имѣло жительство въ

небѣ; а другое во адѣ. Изъ всѣхъ потомковъ перваго колѣна самое младшее было удовольствіе, чадо добродѣтели, и происходящее отъ боговъ. Послѣдняя отрасль вторагo нарицалась скорбїю, дщерь бѣдности, порожденная порокомъ. Между небомъ и адомъ оба семѣйства раздѣляла земля, населенная твореніями средняго класса; кои не были ни столь добродѣтельны, какъ первые, ни столь порочны, какъ послѣдніе, но участвовали въ благихъ и злыхъ свойствахъ обѣихъ противоположныхъ семѣйствъ. Юпитеръ усмотрѣвъ, что сей родъ тварей, извѣстныхъ подъ именемъ человѣковъ, по добродѣтелямъ не заслуживаютъ, совершенно имъ бѣдствовать, а по слабостямъ ихъ не стоятъ того чтобъ блаженствовали, для различія добрыхъ отъ злыхъ, повелѣлъ удовольствію и скорьби преселиться на землю, обнадеживъ, что все на ней расположитъ въ пользу того и другаго, лишь бы только сами они сошлись въ раздѣлѣ. Удовольствіе и скорбь скоро согласились между собою, чтобъ первому господствовать надъ добрыми, а послѣдней надъ злыми. Но когда стали разсматривать людей въ частности, то открылось, что оба совокупно имѣли

надъ ними какое нибудь право; ибо ни одного не нашлось человѣка такъ порочнаго, чтобъ не имѣлъ онъ какой либо добродѣтели; ни столь добродѣтельнаго, чтобъ чуждъ онъ былъ всякой слабости. По долгомь розъисканіи, открыли вообще, что въ самомъ порочнѣйшемъ человѣкѣ власть удовольствія простираться можетъ только на сотую часть жизни его; а въ самомъ добродѣтельнѣйшемъ господствованіе скорьби можетъ имѣть свои требованія, по крайней мѣрѣ на двѣ трети жизни. Они тотчасъ усмотрѣли, что споръ ихъ будетъ безконеченъ, ежели не рѣшатъ его мировою здѣлкою. И такъ, дабы имъ жить дружелюбно, сочетались бракомъ. Вотъ почему удовольствіе и скорбь всегда не разлучны бываютъ, и посѣщаютъ въ одно время, или весьма скоро одно за другимъ. Скорьбь ли кѣмъ овладѣетъ, тотчасъ ей послѣдуетъ удовольствіе; удовольствіе ли предваритъ своимъ приходомъ, будь увѣренъ, что скорбь не далеко отстоитъ отъ него; хотя сей бракъ для обѣихъ половинъ былъ выгоденъ, но не соотвѣтствовалъ намѣренію Юпитера, съ каковымъ послалъ ихъ на землю. Для пресѣченія злоупотребленій, съ согласія обѣихъ семѣйствъ,

постановлено, что ежели человѣкъ умретъ не очистя себя отъ зла, непремѣнно отсылать его въ адскія страны, съ подорожною, рукою скорби подписанною, на жительство съ бѣдностію и порокомъ; на противъ того, когда въ немъ находится извѣстная мѣра добра, то присоединять его къ лику небожителей, напутствовавъ пропускомъ удовольствія въ обитель блаженствующей добродѣтели.

ОТДѢЛЕНІЕ 5.

Пятое и послѣднее основаніе утѣшенія есть будущая жизнь, гдѣ подвигъ добродѣтельныхъ душъ увѣнчается высочайшимъ благополучіемъ.

§ 121.

Души добрыхъ, равно какъ и злыхъ, суть безсмертны; онѣ должны ожидать грядущей жизни. Но Богъ, по разлученіи ихъ съ тѣломъ содѣлываетъ истинно щастливыми токмо тѣхъ, кои любили добродѣтель. Поелику міръ сей наполненъ превратностями, а потому и огорчительными событіями: то необходимо слѣдуетъ быть другой жизни, гдѣ Богъ безъ сомнѣнія облагополучитъ избранныхъ своихъ, благодушно пострадавшихъ отъ неправосудія людей.

§ 122.

Смерть сама по себѣ есть достопримѣчательнѣйшее произшествіе въ жизни; ибо есть предѣлъ ея. Еслибъ мы не долженствовали сами пасть подъ убійственною ея косою, то ужаснулись бы при видѣ скончавающагося человѣка, коего однакожъ унич-

тоженїе есть рожденїе новаго существа. Такимъ образомъ смерть въ теченїи нѣсколькихъ лѣтъ сїю мрачную планету населяетъ совершенно новыми жителями. Видимое тѣло, посредствомъ коего живемъ, чувствуемъ, дѣйствуемъ, движемся, неумолимая смерть дробя на части, изъ коихъ оно составлено, разрушаетъ сїю удивительную машину, сїе пробное произведенїе природы, безъ всякой надежды снова узрѣть оное. Несносна кажется потеря тѣхъ, съ коими были мы очень тѣсно связаны; которые увеселяли насъ прїятностїю своего обращенїя, и которыхъ привычка здѣлала необходимыми для нашего бытїя. Но сїя судьба столь всеобща и повсемѣстна, что еще ни одинъ человѣкъ не избѣгнулъ сего послѣдняго приключенїя жизни. Сверхъ того смерть отнюдь ни уничтожаетъ нашего существа; она только изъ одного состоянїя переводитъ насъ въ другое. Человѣкъ есть существо разумное, мыслящее и свѣдущее о себѣ самомъ; онъ представляетъ себѣ мїръ точно такимъ, какимъ его видитъ; а оттуда заключаетъ, что существуетъ въ немъ нѣчто духовное различное отъ вещества. Тѣло есть не иное что, какъ орудїе, по-

средствомъ коего душа получаетъ понятія о внѣшнихъ предмѣтахъ; оно есть вѣрный спутникъ разума, и всюду провождаетъ его, когда сего требуютъ отъ него: оно такъ тѣсно съ нимъ соединено, что удивляться должно сходственности ихъ дѣйствій. Однакожъ сей союзъ можетъ быть прерванъ, и сіи два существа могутъ раздѣлиться; не знаю, когда послѣдуетъ сіе раздѣленіе; но въ ожиданіи, сіе приключеніе назову смертію. Таковой разлукѣ весьма естественно быть непріятною для насъ; ибо тогда оставляемъ положеніе, къ которому мы привыкли съ самаго рожденія. Образъ смерти, естьли внять гласу разстроеннаго воображенія, покажется мнѣ столь ужаснымъ, что принужденъ буду взирать на нее, какъ на величайшее изъ золъ; но снесясь съ здравымъ разсудкомъ, она представится мнѣ въ видѣ утѣшительнаго Ангела. Сіе обстоятельство открываетъ мнѣ благость, правосудіе, любовь и премудрость Божію въ полномъ ихъ сіяніи; оно научаетъ, что смерть есть величайшее благодѣяніе природы, и что никакой нѣтъ причины ужасаться оной....Мы потщимся сіи истины утвердить неоспоримы-

ми началами и очевиднѣйшими доказательствами.

Мы разсмотрѣли свѣтъ, изслѣдовали природу благъ земныхъ: и ни чего не видѣли, кромѣ слѣдовъ суетности и бѣдности. Мы нигдѣ не нашли совершеннаго и прочнаго довольства; ни съ однимъ не повстрѣчались увеселенїемъ, которое доставляло бы сердцу прямую радость. Боязнь, скорбь, заботы, безпокойства, противности, гоненїя, неблагодарность, вѣроломство, вотъ бичи попеременно тяготѣющїе надъ нами, и возмущающїе наши веселости. Тѣло причиняетъ душѣ неизчислимыя огорчительныя и болѣзненныя чувствованїя. Раждаемся съ плачемъ, живемъ съ плачемъ, и во гробъ съ плачемъ же нисходимъ. Добрые люди иногда должны бываютъ преносить несравненно больше горестей. Человѣкъ рожденъ страдать, такъ какъ рыба плавать въ водѣ, и птица летать по воздуху. За долговременною ясною погодою обыкновенно слѣдуетъ жесточаѣ буря; и когда много лѣтъ провели мы въ удовольствїяхъ, то почти всегда бываютъ оныя прерваны какимъ нибудь прискорбнымъ событїемъ. Съ сей точки зрѣнїя что такое есть смерть? Щастливое при-

ключенїе , освобождающее меня отъ бѣдствїй съ жизнїю сопряженныхъ. Благомыслящїй какъ можетъ страшиться ея приближенїя? Изключая добродѣтель , единственную основу нашего блаженства , жизнь человѣка есть истинное бремя . Въ колыбели ничего больше не дѣлаемъ, какъ слезы проливаемъ ; въ юности токмо смѣемся; въ возмужалости рѣзвимся сь нашими женами и дѣтьми ; а состарѣвшись, снова младенчествуемъ.... Великїй Боже ! Сїе маловажное удовольствїе стоитъ ли того, чтобъ покупать оное цѣною толикихъ безпокойствъ и горестей? почто изнурительными надсадами сокращать вѣкъ, которой безъ того кратокъ? Почто толико заниматься тѣломъ, которое чѣмъ больше укрѣпляется, тѣмъ ощутительнѣе ослабѣваетъ душа? Почто люди толико страждутъ отъ горестей, болѣзней, мраза, зноя, глада, жажды, и другихъ безчисленныхъ коловратностей! Какаяжъ за все сїе имъ награда? Мечтательное удовольствїе, съ желчїю смѣшанное вино, услажденїе всегда сопровождаемое раскаянїемъ, кратковременный покой послѣ многихъ томленїй , тишина послѣ бури, суть ежедневныя явленїя на позорищѣ мїра. Когда бы

животолюбіе не было столь глубоко напечатлѣно на сердцѣ; то я увѣренъ, что весьма многіе съ радостію потекли бы на срѣтеніе смерти. Коликихъ трудовъ и огорченій стоитъ, чтобъ составить себѣ самое ограниченное состояніе! Получивъ сіе, среди самаго наслажденія лишаемся онаго; оно улетаетъ изъ нашихъ рукъ, какъ птица изъ клѣтки, которой дали свободу. Въ отрочествѣ оплакиваемъ принужденіе къ наукамъ; и ничего столько не желаемъ, какъ сбросить съ себя иго дѣтства. Время течетъ подобно быстрой рѣкѣ, и мы достигаемъ края нашихъ желаній. Нѣсколько дней веселимся; но увы! ко всему привыкаемъ; на минуту остаемся спокойны, осматриваемъ свое положеніе, и видимъ себя въ рабствѣ. Стенаемъ подъ тягостнымъ онаго бременемъ; съ великимъ безпокойствомъ домогаемся пристроить себя къ мѣсту, гдѣ чаемъ обрѣсти совершенное успокоеніе. Время течетъ подобно быстрой рѣкѣ, и мы достигаемъ края нашихъ желаній. Сіе новое состояніе нѣсколько дней соотвѣтствуетъ нашему чаянію; но увы! мы ко всему привыкаемъ; предаемся размышленію, вникаемъ въ будущее, и предусматриваемъ несносное бремя,

подъ коимъ осуждены пресмыкаться во всю жизнь. Прилагаются труды къ трудамъ, заботы къ заботамъ; возстають завистники, враги; и для сего то ищемъ подруги, съ которой бы раздѣлить тяготящее насъ бремя. Время течетъ подобно быстрой рѣкѣ, и мы достигаемъ края желаній. Молодая жена забавляетъ насъ нѣсколько дней; но увы! мы ко всему привыкаемъ; обозрѣваемъ свое положеніе, разсуждаемъ о неразрывности союза насъ связующаго, и бѣдность наша тогда еще увеличивается въ нашихъ глазахъ. Горести супружества непрестанно намъ представляются; попеченія продовольства возрастаютъ; мы думаемъ о средствахъ содержать жену, дѣтей. Время течетъ подобно быстрой рѣкѣ, и мы достигаемъ края нашихъ желаній. Дѣти наши воспитаны и пристроены къ мѣстамъ; но увы! ко всему привыкаемъ; подходимъ къ зеркалу, глядимся въ оное, и усматриваемъ сѣдые волосы на своей головѣ....Вотъ сколь щастливо перенесли мы горести сего свѣта! Теперь смерть острою своею косою посѣкаетъ насъ, и безъ различія бросаетъ въ яму, не взирая ни на чинъ, ни на имущество, ни возрастъ, ниже на самыя наши добродѣтели; тогда

завѣса опускается....Такимъ то образомъ проходитъ жизнь человѣка, которой впрочемъ успѣвалъ во всѣхъ своихъ начинанїяхъ. Весьма обманываются, естьли думаютъ, что съ умноженїемъ лѣтъ, умножается и благополучїе; въ нѣжной только юности бываемъ щастливы; по мѣрѣ жизни возрастаютъ печали и заботы. Ищущїй прочнаго спокойствїя на земли уподобляется воину, желающему уснуть на такомъ постѣ, гдѣ непрїятель покушается здѣлать стремительнѣйшее нападенїе. . . И такъ пусть разсудятъ теперь: размышленїя сїи не сильны ли обезпечить насъ отъ всѣхъ ужасовъ смерти, и не доставляютъ ли достаточныхъ побужденїй намъ утѣшиться, и съ радостнымъ духомъ ожидать конца сей толико мятежной и бѣдственной жизни?

§ 123.

Все вышесказанное стольже ясно доказывается понятїемъ о нравственномъ злѣ, которое съ нами неразлучно даже до гроба. Ежеминутно мы погрѣшаемъ; и кажется, что расположены больше ко злу, нежели къ добру. Большая часть людей предаются порокамъ, и весьма рѣдкїе идутъ путемъ мудрости, и науки

житъ. Въ дѣтствѣ дѣлаемъ разныя глупости; но въ семъ возрастѣ еще можно насъ извинить; въ юности растемъ на подобіе дикихъ растѣній, и занимаемся только тѣмъ, что можетъ льстить нашимъ чувствамъ, и доставить вольность и веселости; въ мужествѣ, хотя имѣемъ больше и проницательности и опытности, однакожъ трудно усмирить бунтующія въ насъ страсти; мы правда надѣемся поправить себя: яко родители, мы не дозволяемъ дѣтямъ своимъ мірскихъ и чувственныхъ удовольствій, а въ тайнѣ упояемся тѣмижъ самыми удовольствіями: яко старики, желаемъ быть благоразумными; мы дѣлаемъ увѣщанія юности, которая пренебрегаетъ наши представленія; мы воздыхаемъ о семъ, и нашимъ слезамъ смѣются; мы угрожаемъ другимъ ихъ погибелію, не разсуждая о томъ, что сами къ оной стремимся. Мы оплакиваемъ заблужденія юности, а сами имѣемъ пороки старости: сколь убо ужасна картина человѣческой жизни, когда мы разсматриваемъ себя въ близи, и отдаемъ себѣ справедливость! Что есть человѣкъ? Существо угнѣтаемое бѣдствіями, и стенящее подъ тяжестію своихъ пороковъ; существо, которао

бытіе щитается за ничто въ безмѣрности вѣковъ: ежели дѣйствія его были враждебны благосостоянію подобныхъ ему. Наше бытіе въ вѣчности зависитъ совершенно отъ употребленія настоящаго; наши благія или злыя дѣла имѣютъ вліяніе въ послѣдствіе произшествій, долженствующихъ сбыться послѣ нашей смерти. Цѣлые бы годы потребны были для описанія всѣхъ горестей, каковыя надобно претерпѣвать въ мірѣ; древніе Философы весьма справедливо утверждали, что прежде смерти нѣтъ истиннаго блаженства; они справедливо говорили, что гробъ освобождаетъ насъ отъ всякаго бѣдствія, и запечатлѣваетъ судьбу человѣчества. Изъ таинственныхъ ихъ образованій, разсудливыхъ мнѣній и сочиненій видимъ, какими черными красками они описали жизнь человѣческую, и въ какомъ пріятномъ видѣ смерть всегда представляли.

§ 124.

Провидѣніе, пекущееся о нашихъ дняхъ, не могло бы человѣка наказать жесточаѣ, какъ ежели бы опредѣлило вѣчно ему жить на земли. Столь продолжительная жизнь дабы могла быть щастіемъ: для сего надлежало бы землѣ и небу быть расположен-

ными со всѣмъ инаковымъ образомъ. Пусть вообразятъ себѣ человѣка, которой бы жилъ двѣ или три тысячи лѣтъ: сей ветхій деньми житель міра веществовалъ бы съ нами не иначе, какъ жалкій безмолвникъ, мучимъ будучи воспоминаніемъ пороковъ своихъ, и угрызаемъ упреками совѣсти; онъ былъ бы самый нещастный человѣкъ. Нещастія, которыя онъ уже перенесъ, были бы безчисленны; и онъ давно бы возчувствовалъ отвращеніе отъ всѣхъ удовольствій, поелику оными наслаждался уже милліоны разъ. Его предки, его отецъ и мать, его жены, его дѣти уже давно бы не существовали: онъ всегда бы долженъ былъ имѣть дѣло съ новыми лицами, коихъ свойству и нраву безпрестанно надлежало бы ему учиться, дабы возможно было сообразоваться съ ихъ вкусами. Его потомки не имѣли бы къ нему уваженія, судя по тому, какъ извѣстно, что чѣмъ болѣе отрасли отъ колѣна отдаляются, тѣмъ болѣе измѣняется нѣжность и дружба. Нѣкогда сей старецъ былъ бы удивленіемъ своего отечества; а наконецъ, онъ здѣлался бы баснею и посмѣшищемъ собственныхъ своихъ потомковъ. Предполагая, что онъ имѣетъ многихъ женъ, въ

состоянiи ли будетъ продовольствовать всѣхъ дѣтей своихъ? Сверхъ сего опытъ научаетъ насъ, что жизнь каждаго человѣка подвержена весьма многимъ перемѣнамъ, слѣдовательно и сей бы не изъятъ былъ отъ нещастiй соединенныхъ съ его бытiемъ; видѣли бы его въ богатствѣ, видѣли бы и въ убожествѣ; иногда наслаждался бы онъ совершеннымъ здоровьемъ, а иногда бы отъ болѣзней мучился; то веселъ, то печаленъ; сiи искушенiя какихъ бы прискорбныхъ чувствiй не произвели въ его душѣ! Цѣпь лѣтъ его была бы переплетена безчисленными горестями; и чѣмъ долѣе бы онъ жилъ, тѣмъ больше бы упоевался суетными удовольствiями и грѣховными сластьми сего мiра. Безпрестанно желалъ бы онъ смерти, а сiя безпрестанно бы удалялась отъ него. Ахъ! можно ли представить себѣ тварь жесточаѣ мучимую? Или Богу надлежало бы непрестанно творить чудеса, и сдѣлать изъ сей твари существо совсѣмъ другое; или бы человѣку должно было терпѣть неизчислимая злая.

§ 125.

Вотъ уже для меня сильныя побужденiя утѣшить себя: когда взи-

раю на смерть, яко на конецъ моихъ страданій, или яко на средство освободиться отъ растлѣнія міра сего. Но какая радость оживляетъ меня, когда разсуждаю, что душа моя по смерти не токмо не погибаетъ, но достигаетъ еще до того блаженнаго состоянія, которое не подвержено ни какой перемѣнѣ, ни какому неудовольствію! Сіи мысли такое дѣлаютъ во мнѣ впечатлѣніе, что я вдругъ ободряюсь, и безъ смущенія взираю на гробъ, въ которомъ долженъ быть сокрытъ. Я ни какъ не могу воображать, чтобъ бытіе мое замыкалось въ тѣсномъ кругу земной жизни. Когда мы совѣтуемся съ разумомъ, то онъ показываетъ намъ сильнѣйшія побужденія вѣрить, что есть другое жилище, жилище Божества. Иначе я не имѣлъ бы ни какой причины безпрестанно мучиться, провождать столько лѣтъ въ печали и заботахъ. Я сказалъ бы самъ въ себѣ: для чего я здѣлался гражданиномъ сея земли, когда нѣтъ въ ней для меня истиннаго и постояннаго щастія? Для чего я предопредѣленъ къ жизни, которая ни что иное есть, какъ трудъ и надсада, и представляетъ очамъ моимъ только слѣды бѣдности! Для чего я оживотворенъ

духомъ, которой имѣетъ неудержную наклонность къ своему щастію, и никогда достигаетъ его? но Боже мой! что я сдѣлалъ; когда ты извлекъ меня изъ небытія, дабы предать меня на всегдашнее терзаніе болѣзней и толикихъ горестей? Ты ли то существо, которое увеселяется благополучіемъ своихъ твореній?... Допустимъ на минуту, что душа моя уничтожается по смерти: тогда я вопрошу, для чего я жилъ, для чего препроводилъ мою жизнь въ безпрестанныхъ заботахъ, въ печали и безпокойствѣ? Не лучше ли было бы, никогда мнѣ не родиться; я не претерпѣлъ бы золъ, которыя долженъ былъ претерпѣвать? Предположимъ, что я жилъ бы тысящу лѣтъ на земли, наслаждался всякимъ возможнымъ удовольствіемъ, былъ щастливѣйшій изъ смертныхъ, и въ настоящій бы часъ уничтожился. что такое тысяча лѣтъ въ отношеніи къ вѣчности? сіе время протекаетъ какъ рѣка, съ яростнымъ шумомъ впадающая въ море....Что есть духъ? есть существо, котораго природѣ не совмѣстно разрушеніе, и для коего весь вѣкъ міра кажется весьма краткимъ временемъ. Духъ можетъ существовать безчисленныя

столѣтія; и чѣмъ болѣе существуетъ, тѣмъ болѣе возвышается. Предположимъ, что Богъ уничтожилъ бы всѣ души по смерти, и въ замѣну ихъ сотворилъ новыя для оживленія тѣлъ, на мѣсто оныхъ поступающихъ: въ такомъ случаѣ Богъ не избралъ ли бы менѣе полезное, вмѣсто полезнѣйшаго? Не попустилъ ли бы уничтожиться существамъ благороднѣшимъ, замѣщая ихъ существами гораздо низшими? Не предпочелъ ли бы несовершенное совершенному? Душа опытнаго конечно совершеннѣе души младенца. Но какъ можно сіе согласить съ правилами безконечной Его мудрости? Гораздо лучше предположить, Богъ благоволитъ жить душѣ моей тысящу милліоновъ лѣтъ, дабы меня вознаградить за всѣ огорченія, претерпѣнныя мною въ семъ мірѣ. Здѣсь правосудіе Божіе соблюдено; поелику за малое время, въ которое я страдалъ, буду возсбновляться тысячу милліоновъ лѣтъ. Но вообразимъ, что сіи лѣта, несказанно продолжительныя, уже протекли, и что я долженъ теперь уничтожиться: ежели бы я увѣрился въ чемъ либо таковомъ; то надобно, чтобы я лишился всего здраваго разума. . . . Я преношусь въ вѣчность, и разсма-

тривaю себя яко духъ, тысячу милліоновъ лѣтъ жившій. Ничто подлинно не дѣлаетъ меня тщеславнѣе, какъ сія мысль. Какихъ бы я не достигъ познаній, какихъ бы таинъ не открылъ, когда бы я въ продолженіе толикихъ лѣтъ всегда возрасталъ въ мудрости, въ совершенствѣ! Какое высокое понятіе возъимѣлъ бы я о существѣ непремѣнномъ, безконечномъ, когда бы во все то время взиралъ на міръ, яко на зерцало Божіихъ совершенствъ! Сколько бы благородна и высока была душа моя, при внимательныхъ наблюденіяхъ. Ежели люди, облеченные грубымъ тѣломъ, могутъ познать столько вещей въ не многіе годы; то сколько бы познали, и уразумѣли въ столь продолжительное время! И такъ дабы мнѣ удостовѣрить себя, что благодѣтельнѣйшее Существо тогда бы меня уничтожило: надобно, чтобъ ни какого не имѣлъ я понятія о высочайшей Его мудрости.

§ 126.

Опишемъ теперь состояніе души во время разлученія ея съ тѣломъ; смерть, какъ весьма умно сказалъ Англинской мудрецъ, (Господинъ Шерлокъ) есть не другое что, какъ отдѣленіе наше отъ тѣла; она по-

казуетъ намъ, что одно соединенїе съ тѣломъ препятствуетъ душѣ зрѣть другой мїръ, которой не столько отдаленъ отъ насъ, чтобъ не можно было вообразить его. Подлинно, престолъ Божїй находится въ безмѣрномъ разстоянїи отъ сей земли, превыше третїяго небесе; гдѣ Высочайшее Существо открываетъ славу свою блаженнымъ духамъ Его окружающимъ; но коль скоро освобождаемся отъ тѣла, то вступаемъ въ другой мїръ; или лучше сказать, поелику небо всегда пребываетъ тоже, и земля таже, то вступаемъ въ новое состоянїе жизни. И дѣйствительно жить въ чувственныхъ тѣлахъ, значитъ жить въ семъ мїрѣ; и жить внѣ сихъ тѣлъ, значитъ жить въ другомъ состоянїи. Доколѣ наши души соединены съ сими тѣлами, и доколѣ они смотрятъ не иначе, какъ сквозь сїи вещественные органы; дотолѣ нѣтъ ни чего кромѣ вещественнаго, что бы могло насъ поражать; нѣтъ ничего также столь грубаго, что бы не могло отражать свѣтъ, и на днѣ глаза изображать виды и цвѣты предмѣтовъ. И такъ внутреннїя части сего зримаго мїра сколькобъ ни замыкали въ себѣ великолѣпїя и красоты; мы не можемъ

оныхъ видѣть по причинѣ плоти, коею облечены, и которая видимый сей міръ отдѣляетъ отъ невидимаго: но какъ скоро освободимся отъ тѣла, то новое зрѣлище чудесъ открывается очамъ нашимъ; какъ скоро вещественные органы рушатся, то душа по природной своей проницательности начинаетъ видѣть то, что прежде для нея было невидимо. По сему то святый Апостолъ Павелъ говоритъ намъ: яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа; а исходя изъ тѣла, приходимъ ко Господу. Сего кажется довольно для отвращенія насъ отъ привязанности къ тѣлу, ежели только не имѣемъ сей глупой мысли, что лучше быть заключену въ темницѣ во всю жизнь, и смотрѣть сквозь рѣшетку на весьма ограниченный и не очень пріятный проспектъ; нежели быть на свободѣ, и безпрепятственно разсматривать всѣ преславныя зрѣлища вселенныя. Чего бы мы не заплатили теперь, дабы хотя однимъ мигомъ взглянуть на сей невидимой міръ, куда первый шагъ введетъ насъ, по разлученіи съ тѣлами? Се мѣсто тѣмъ дивностямъ, ихъ же око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша! Смерть открываетъ намъ

глаза, показуетъ обширнѣйшее и трогательнѣйшее зрѣлище, представляетъ намъ новый міръ, окруженный славою, каковой мы никогда не можемъ узрѣть, доколѣ прикрыты завѣсою плоти; отъ коей должны мы желать освободиться, такъ какъ отъ бѣльма препятствующаго зрѣнію.

§ 127.

Сновидѣнія могутъ еще дать намъ нѣкоторое понятіе о превосходствѣ душъ нашихъ; и вразумить, что онѣ не во всѣмъ зависятъ отъ вещества. Сновидѣнія представляютъ намъ ощутительные опыты дѣятельности душѣ только свойственной, которую ослабить сонъ не можетъ; между тѣмъ какъ утомляемся, и обезсиливаемъ отъ дневнаго труда. Сія дѣятельная часть насъ самихъ пребываетъ всегда занята и неутомима. Когда орудія чувствъ лишаются нужнаго покоя, и когда уже не въ состояніи дѣйствовать совокупно съ симъ духовнымъ существомъ, съ коимъ соединены: тогда душа раскрываетъ всѣ свои способности; такъ что можно сказать, что сновидѣнія служатъ успокоеніемъ и отдыхомъ для души; ибо она бываетъ тогда обезпечена со стороны впечатлѣній извнѣ. Что въ сновидѣ-

нїяхъ душа прїобрѣтаетъ удивительную живость и развязанность, сїе неоспоримо. Медлительнѣйшїе въ разговорахъ и сочиненїи, безъ прїуготовленїя пишутъ изрядныя разсужденїя, и удобно изъясняются на языкахъ, въ коихъ почти ни сколько не свѣдущи. Степенные люди обильны въ шуткахъ; а глупые въ скорыхъ отвѣтахъ и острыхъ мысляхъ. Хотя ничто столько не трудно для разума, какъ изобрѣтенїе: однако во снѣ онъ изобрѣтаетъ съ такою живостїю, что мы даже не чувствуемъ, чтобъ онъ былъ упражненъ. На примѣръ, всѣ мы нѣсколько разъ видѣли во снѣ, что читали какую нибудь рукопись, книгу, или письмо; въ семъ случаѣ изобрѣтательность столь дѣятельна и скора, что разумъ обманывается, и собственныя свои произведенїя приписываетъ другому. Въ доказательство сего приведемъ мѣсто, взятое изъ книги, одного изъ остроумнѣйшихъ писателей. ,,Во снѣ, говорит ,,ритъ онъ, мы нѣкоторымъ образомъ ,,превышаемъ самихъ себя; и кажется, ,,что тѣло не успѣетъ заснуть, какъ ,,душа уже пробуждается. Ежели ,,сонъ связываетъ наши чувства, и ,,приводитъ ихъ въ оцепѣненїе; то ,,можно сказать, что онъ разрѣшаетъ

„и освобождаетъ разумъ, поелику „наши мысли во время бодрствованія „не могутъ сравниться съ живостію „нашихъ мечтаній во время сна. Я холоденъ, молчаливъ; ни мало не „шутливъ и не расположенъ къ ра„дости и веселостямъ пріятныхъ „бесѣдъ: не смотря на то, могу во „снѣ сочинить цѣлую комедію, себя „самаго видѣть играющимъ оную, „чувствовать въ ней колкія мѣста, „и столь громко разсмѣяться, что „отъ страха пробуждаюсь. Ежели бы „память моя была столько тверда, „сколько разумъ бываетъ тогда оби„ленъ; то я никогда бы не учился, „какъ только во снѣ, и сіе время „определилъ бы на благочестивыя „упражненія. Но отвлеченныя поня„тія столь мало тогда бываютъ ей „совмѣстны, что забываетъ она раз„вязку піесы, и теряетъ нить повѣ„сти, представляя намъ, когда воз„будимся, только отрывки и смѣ„шенныя черты. По сему то нѣко„торые люди при часѣ смертномъ „говорятъ, и разсуждаютъ гораздо „лучше обыкновеннаго; ибо душа „разрѣшаясь отъ узъ тѣлесныхъ: „дѣйствуетъ сроднѣе своей природѣ, „и мыслитъ тогда превыше человѣ„чества.„ Не можно сомнѣваться,

чтобы страсти не дѣйствовали на духъ съ большею силою во время сна, нежели во время бодрствованія. Удовольствія радости, горести печали тогда гораздо живѣе и ощутительнѣе. Предположивъ, что человѣкъ былъ бы всегда щастливъ въ своихъ сновидѣніяхъ и нещастливъ на яву вопрошается: больше ли благополучнымъ или злополучнымъ признать его надлежитъ? или совсѣмъ напротивъ? Пустьбы человѣкъ видѣлъ себя во снѣ царемъ, а на яву нищимъ, и тѣ же мысли имѣлъ безпрерывно, днемъ и ночью; хочу знать: царемъ или нищимъ былъ бы онъ въ самомъ существѣ? или не былъ ли бы и тѣмъ и другимъ? Я оставляю моимъ читателямъ рѣшить сіи двѣ задачи.... Есть другое обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, даетъ весьма высокое понятіе о природѣ души, со стороны происходящаго въ сновидѣніяхъ; я разумѣю сіе безчисленное множество и сію великую разнообразность мыслей, въ ней тогда раждающихся. Ежели бы сіе дѣятельное и непрестанно бодрствующее существо во время сна было чувствительно только къ собственному своему бытію: то въ какомъ бы ужасномъ и жестокомъ тогда нахо-

дилось уединенiи! Ежели бы душа чувствовала свое одиначество, какъ она чувствуетъ во время бодрствованiя: то сколько бы продолжительно и скучно казалось для нея усыпленiе тѣла; что съ нею и случается, когда во снѣ видитъ себя обязанною пуститься въ дальнiй путь безъ всякаго сотоварищества; она обращается съ безчисленными существами, одолженными ей своимъ началомъ, и представляетъ себѣ множество явленiй, ею изобрѣтенныхъ. Тогда она сама для себя бываетъ и позорище, и актеры и зритель. Сiе приводитъ мнѣ на память мысль, которую Плутархъ приписываетъ Гераклиту, а имянно: что всѣ бодрствующiе люди, обращаются въ одномъ и томъ же мiрѣ; но каждой изъ усыпленныхъ находится въ новомъ мiрѣ. Сiе кажется открываетъ намъ нѣкое естественное величiе души, которому лучше удивляться, нежели изъяснять. Я не долженъ здѣсь опустить Тертуллiанова доказательства, основаннаго на силѣ, каковую душа имѣетъ, предсказывать будущее посредствомъ сновъ. Всѣ прiемлющiе святое писанiе, или имѣющiе хотя историческую вѣру, не могутъ сомнѣваться въ истинѣ

многихъ изъ сихъ предсказаній; поелику находится множество тому примѣровъ въ писателяхъ древнихъ, новѣйшихъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Сіи темныя гаданія, сіи сонныя умопредставленія произходятъ отъ тайной ли нѣкоей способности души, или отъ нѣкоего сообщенія съ Высочайшимъ существомъ; или отъ дѣйствія служебнаго духа: сіе было причиною великаго прѣнія между учеными. Но дѣйствіе мнѣ казалось всегда неоспоримо, и признано таковымъ отъ опытнѣйшихъ писателей; кои ни когда не были подозрѣваемы ни въ суевѣріи, ни въ Энтузіазмѣ. Впрочемъ не думаю, что бы душа была во снѣ совершенно освобождена отъ тѣла. Довольно для нея не быть ни столь погруженною въ вещество, ни такъ возмущаемою въ ея дѣйствіяхъ движеніемъ крови и жизненныхъ духовъ, какъ во время бодрствованія. Во снѣ союзъ съ тѣломъ очень ослабленъ, чтобъ придать болѣе живости духу. Ежели сіи разсужденія не суть сильные доводы, то по меньшой мѣрѣ сильныя суть вѣроятности не только превосходства нашея души и ея бытія, но также и независимости ея отъ тѣла.

§ 128.

Сихъ началъ и сихъ мыслей довлѣетъ, для убѣжденія меня въ безсмертіи души. Какіяжъ имѣю причины жаловаться на мои нещастія, когда знаю, что есть другой міръ для меня?. . . Жизнь человѣка, коего дѣйствія всегда были умѣренны, обыкновенно восходитъ до 30 и не свыше 90 лѣтъ; каковый вѣкъ есть самый поздный. Но сколь кратко сіе пространство времяни, въ сравненіи съ вѣчностію! Признаться, трудно опредѣлить прямое отношеніе и истинное измѣреніе времени; мы сличаемъ оное, весьма часто основываясь на мечтательной мѣрѣ, и большая часть ложно объ ономъ мыслятъ. Мы почитаемъ минуту очень краткимъ временемъ; но минута сія можетъ быть составляетъ годъ для червяка нашего шара; мы говоримъ, что годъ есть дологъ, но сіе время можетъ быть составляетъ только одну минуту въ отношеніи къ другимъ существамъ. Время раздѣляется на части неудобопостижно малыя; поелику помощію увеличительнаго стекла видимъ, что въ одну секунду случаются многія тысячи движеній и перемѣнъ. Я смотрѣлъ однаждь сквозь инструментъ, которой пред-

ставлялъ предметы во сто тысячь кратъ больше, нежели каковы они были въ самомъ существѣ, и увидѣлъ червячка на листѣ бѣлой бумаги, которой въ минуту переползъ почти цѣлую страницу. Сїе малое животное показалось мнѣ не болѣе, какъ съ булавочную головку; слѣдовательно надлежало ему двигнуться болѣе тысячи разъ, чтобы переползть пространство булавочной головки. Но сколько потребно булавочныхъ головокъ, чтобы опредѣлить длину страницы! Сколько миллїоновъ движенїй и перемѣнъ послѣдовало въ продолженїи одной минуты! Симъ образомъ измѣряя жизнь человѣческую, легко бы возмечтать, что она чрезвычайно продолжительна, но сїе мечтанїе какъ тень исчезнетъ, когда внимательно разсмотримъ слѣдующее: 1е,, Каждая тварь измѣряетъ время по большой части своими дѣйствїями, и цѣнитъ продолженїе онаго по перемѣнамъ, которыя въ связи вещей можетъ различать однѣ отъ другихъ. Поелику въ минуту мы не можемъ здѣлать ничего важнаго, то она кажется намъ быть очень краткимъ временемъ. Но предположимъ духъ, которой бы въ нѣсколько минутъ прелетѣлъ отъ земли къ солнцу;

сїе существо толикїя бы испытало измѣненїя, что намъ бы потребны были многїя тысячи лѣтъ, дабы перебѣжать столько миль на земномъ шарѣ. И сїя скорость есть возможна, какъ можемъ въ томъ удостовѣриться движенїемъ свѣта послѣ затмѣнїй. Сей духъ раздѣлилъ бы время на части, неудобопостижно малыя; хотя бы время имъ употребленное раздѣлилъ не больше, какъ на столько частей, сколько находится миль отъ земли до солнца. 2е,, Мы полагаемъ всегда нѣкоторой предѣлъ, или извѣстное нѣкое продолженїе, по которому опредѣляемъ долготу времени. Сей предѣлъ у насъ есть время нашея жизни на земли. Мафусалу, жившему почти тысящу лѣтъ, годъ долженъ показаться гораздо кратчаѣ, нежели намъ, которые проживаемъ по большой мѣрѣ одно столѣтїе въ мїрѣ. По сему человѣкъ увѣренный въ безсмертїи своея души, десять вѣковъ сочтетъ не иначе, какъ за толикожъ мгновенїй ока; ибо перїодическое теченїе бытїя его во времени безпрестанно движется, и онъ вѣчность почитаетъ предѣломъ, къ которому добрыя дѣла должны руководить его. Въ безпредѣльномъ духѣ не можно вообразить

времени; поелику онъ не подверженъ ни перемѣнамъ, ни превратностямъ. Тысяча лѣтъ предъ очами Божіими суть яко день единъ....И такъ по зрѣломъ разсужденіи о сихъ истинахъ, можно сказать навѣрно, что наша жизнь весьма кратковременна, когда продолжается она не болѣе ста лѣтъ. Присоединимъ еще и то, что тысящная часть людей не доживаютъ до сихъ лѣтъ. Слѣдовательно жизнь самаго дряхлаго старика должна быть очень коротка въ сравненіи съ жизнію нашихъ праотцовъ; а сихъ вѣкъ долженъ почитаться одною точкою въ отношеніи къ вѣчности.

§ 129.

Я намѣренъ еще далѣе распространить сіи разсужденія. Онѣ, мнѣ кажется, заслуживаютъ всякое вниманіе, тѣмъ паче, что имѣютъ великое вліяніе на утѣшеніе людей въ печальныхъ случаяхъ. Ежели вѣчность взять за мѣру, и сравнить съ нею продолженіе жизни человѣческой, то какъ описать малость времени, каковое живемъ въ семъ мірѣ! Наша жизнь и тогда была бы долга, ежели бы можно было ее сравнить только съ каплею воды, въ отношеніи къ неизмѣримому Океану....Нѣко-

торой любомудръ, стараясь дать понятїе о вѣчности, здѣлалъ слѣдующее сравненїе: пусть вообразять, говоритъ онъ, гору, которая бы возвышалась отъ земли даже до солнца; пусть предположать, что птица ежегодно уноситъ по одной песчинкѣ изъ сей ужасной пирамиды. Какое несмѣтное число лѣтъ не протекло бы прежде, нежели сїя гора сравнится съ землею! Сїе время безъ сомнѣнїя чрезвычайно продолжительно въ очахъ человѣческаго разума, поелику онъ въ тѣсной сферѣ своей не можетъ вмѣстить, какъ только весьма ограниченное. По вычисленїю звѣздозаконниковъ, солнце отстоитъ отъ земли около тридцати трехъ миллїоновъ миль въ своей афелїи, то есть, въ самомъ дальнемъ разстоянїи отъ сей планеты. Какая ужасная была бы гора сїя, и изъ сколькихъ бы песчинокъ была составлена сїя необъятная громада! Допустимъ съ Архимедомъ, что она содержитъ десятилїонъ песчинокъ; по сему предположенїю надлежало бы пройти тысячи десятилїонамъ лѣтъ прежде, нежели такая громада будетъ сношена. Сїе количество времени есть не измѣримо, въ коемъ проницательность человѣческаго разума вовсе

затмѣвается. Но какъ бы ни измѣримо было сїе количество, оно не можетъ дать намъ понятїя о безконечномъ времени, будучи не иное что какъ пылинка, въ отношенїи къ безпредѣльному. Ибо пусть протекутъ сїи тысячи десятилїоновъ лѣтъ; вѣчность снова начнется; и миллїоны десятилїоновъ лѣтъ покажутся чрезвычайно краткимъ временемъ относительно къ вѣчному продолженїю--- продолженїю, которому ни когда не будетъ конца. ..И такъ ежели жизнь безсмертнаго и безпредѣльнаго духа сравнить съ краткостїю времени, въ которое человѣкъ существуетъ на земли: то существованїе въ семъ мїрѣ должно поистиннѣ намъ казаться столь кратко, что не составляетъ и точки въ вѣчности. За сими разсужденїями оставляю думать, чемъ она должна быть въ очахъ Всевышняго Существа.

§ 130.

Къ симъ разсужденїямъ присоединимъ еще лѣта, которыя слѣдуетъ изключить изъ нашего бытїя, и которыя, такъ сказать, не принадлежатъ къ нашей жизни; ибо жизнь безсмертнаго существа состоитъ въ однихъ ясныхъ умопредставленїяхъ мїра. Почти третью часть нашея

жизни употребляемъ для сна, въ продолженіе коего ни малѣйшаго не имѣемъ свѣденія о самихъ себѣ, и слѣдовательно существуемъ, какъ бы не существуя. Излишно бы было упоминать о лѣтахъ младенчества, въ семъ возрастѣ занимаемся или понятіями темными, или игрушками и дѣлами ничтожными. Боже праведный! что значатъ сіи краткія лѣта? Что значитъ сіе продолженіе бытія для существа некончаемаго? Сколь чрезвычайна скоротечность времяни! часъ, день, недѣля, мѣсяцъ, годъ наступаютъ одно за другимъ: тысяча, десять тысячь лѣтъ вращаются вокругъ; и когда они совершатъ свои круги, то вѣкъ міра не иное что будетъ, какъ сонъ. Тотъ, кто надѣется прожить восемьдесятъ лѣтъ, на двадцатомъ году отъ рожденія воображаетъ себѣ, что остатокъ его жизни еще довольно долгъ: но по истеченіи сего времени, онъ удивляется краткости дней своихъ, и не знаетъ, какимъ образомъ вся его жизнь протекла....Одинъ молодой человѣкъ вопросилъ старика: сколько ему лѣтъ? восемьдесятъ, отвѣтствовалъ старикъ. О какъ долго жилъ ты въ свѣтѣ! Такъ, отозвался осмидесятилѣтній; сіе время

долго въ началѣ , но очень кратко при концѣ.

§ 131.

Превратность и маловременность человѣческой жизни служатъ великимъ утѣшенiемъ въ нашихъ нещастiяхъ. Знаю, что я не вѣченъ въ семъ мiрѣ; поелику ежедневно приближаюсь ко гробу : внезапу также наступитъ время , въ которое понесутъ охладѣвшее и мое тѣло туда, гдѣ покоится прахъ моихъ предковъ. Число дней моихъ есть ничто, въ сравненiи съ продолженiемъ вѣчности. Когда только ни смотрю на выносъ усопшихъ : всегда съ удовольствiемъ воспоминаю смерть. Щастливъ тотъ, кто перенесъ бѣдность насъ угнѣтающую! Вся наша жизнь есть безпрерывная цѣпь трудовъ; и ежели что еще насъ утѣшаетъ, то конечно смерть. Я видѣлъ умирающаго моего родителя, и подлѣ его одра рыдалъ, какъ младенецъ. Много лѣтъ протекло послѣ того; надѣюсь, что и остальныя также пройдутъ . А притомъ, кто знаетъ, не нахожусь ли уже при дверяхъ вѣчности ? Почто бы не ожидать терпѣливно того близкаго времени, въ которое скажутъ: онъ былъ ? Человѣкъ безпрестанно измѣняется;

поелику есть малый міръ въ большомъ: каждое дыханіе есть утрата нѣкоторой части его тѣла, и всякой пріемъ пищи есть изображеніе смерти. Ежеминутно мы умираемъ; ежеминутно и раждаемся. Дѣйствительное мое тѣло есть не то, какое я имѣлъ за десять лѣтъ; и еще чрезъ десять лѣтъ оно не будетъ же таковымъ, каково нынѣ. И такъ для чего мнѣ сокрушаться, когда я ожидаю скораго освобожденія? Хотя бы все было противъ моего желанія: что въ томъ нужды, что я веселился, или нѣтъ нѣсколько минутъ на земли? Я предопредѣленъ для лучшей жизни, которая несказанной покой доставитъ моему сердцу. Въ удовольствіяхъ жизни имѣю нужду для того только, что бы пріучить духъ мой къ сему печальному странствованію. Я уподобляюсь страннику, которой мимоходомъ срываетъ цвѣты и плоды, представляющіеся его взору; но вмѣсто того, чтобъ на пути остановиться, безпрестанно мыслитъ онъ о истинномъ своемъ отечествѣ.

§ 132.

Сіе кладбище насупротивъ дома моего, есть для меня училище мудрости. Я часто тамъ прохаживаюсь вече-

ромъ, и какъ другой Юнгъ, занимаюсь размышленіями о смерти. Тамъ нахожу самое лучшее врачевство отъ безпокойствія; тамъ я удаленъ отъ шума мірскаго, и кромѣ крика уединенныхъ птицъ, свившихъ гнѣзда надъ гробницами, ни что меня не смущаетъ въ моихъ мирныхъ размышленіяхъ; то беру лютню, и играю пѣсни на смерть; то читаю книгу о суетѣ человѣческой жизни. Я ощущаю тогда болѣе удовольствія и радости, нежели когда бы участвовалъ во всѣхъ веселостяхъ земныхъ. Когда желаю утѣшиться, то спокойнымъ окомъ пробѣгаю мрачное жилище столь многихъ людей; сажусь на гробницѣ моего друга, и бесѣдую съ тѣнію моего брата. Разсматриваю поверхность сихъ могилъ, и любуюсь зрѣніемъ толикаго числа покоющихся мертвыхъ, наваленныхъ одни на другихъ. Я воображаю дни пріятными, когда мнѣ здѣлаютъ гробъ, и когда положатъ меня на одръ успокоенія, на ряду съ сими счастливцами. Возвожу ли очи въ верхъ, усматриваю изображеніе смерти: утомленная птица заснула, между листвіями вѣтвей. Опускаю ли ихъ на землю, и здѣсь нахожу утѣшительные предмѣты, напоминающіе

мнѣ о моей временной жизни; потомъ беру горсть земли, и разсуждаю, какъ всѣ части тѣла разсѣяны по четыремъ концамъ свѣта. Отрясая прахъ съ ногъ моихъ, размышляю о веществѣ, изъ котораго были составлены тѣла моихъ собратій. Здѣсь раждается цвѣтъ, которой образованъ изъ частей красиваго тѣла; а тамъ глазъ мой видитъ пригорокъ покрытый зеленью питающеюся истлѣніемъ. . . Вотъ, міръ! каковы блага твои; вся твоя пышность превращается въ горсть персти. Мы имѣемъ великое попеченіе о тѣлѣ, о семъ тѣлѣ, которое дѣлается снѣдію червей; мы питаемъ его, и сохраняемъ, не помышляя, что въ каждую минуту можемъ подвергнуться согнитію. Еще въ ребячествѣ зналъ я людей, съ коими нѣкоторыя обстоятельства меня разлучили на нѣсколько времени: я возвратился, и ихъ уже не было: я искалъ ихъ долгое время, и не нашелъ; сколь я удивился, видя наконецъ имена ихъ изображенныя на камнѣ утлыхъ гробницъ, гдѣ ихъ прахъ покоился! Иные были простыми очевидцами ихъ похоронъ; другіе даже проводили ихъ; бросили по горсти земли въ ихъ могилу, и возвратились во страну живыхъ.

§ 133.

Сколь вы блаженны, вы, которые уже вступили въ жилище вѣчнаго покоя! Сколь вы блаженны, вы оставившіе мѣсто битвы; гдѣ намъ, можетъ быть, еще много лѣтъ сражаться! Что бы такое препятствовало мнѣ оставить свѣтъ, въ коемъ ничего другаго не примѣчаю, кромѣ заботъ и надсады? Всюду слышны жалобы и вздохи; вездѣ зримы слезы нещастныхъ. Порочныя желанія насъ мучатъ; и отъ сего рабства освобождаемся не инако, какъ на вѣки закрывъ глаза свои. Каждый день бременятъ насъ новые труды, и каждая минута есть свидѣтель нашей горести. . . . Великій Боже! когда я съ одной стороны представляю себѣ удовольствіе, коимъ весьма не многіе наслаждаются на земли; а съ другой всѣ огорченія, всѣ безпокойства, всѣ болѣзни страждущихъ: то не могу понять, какимъ образомъ былъ Ты безконечно благъ, если бы сотворилъ насъ единственно для сей жизни? Подлинно въ семъ нахожу я неоспоримое доказательство, что долженъ быть другой міръ; и сія мысль дѣлаетъ для меня смерть столь пріятною, столь вожделѣнною, что вмѣсто того, чтобъ взирать на нее

какъ на зло, надлежитъ мнѣ признать ее за особливую милость Всемогущаго. Я восхищаюсь, и, такъ сказать, возраждаюсь: когда представляется очамъ моимъ картина обиталища духовъ безсмертныхъ. Я знаю, что сїе тѣло есть не больше, какъ временное жилище; и то знаю, что наступитъ день, въ которой смерть освободитъ душу мою отъ сихъ тѣлесныхъ оковъ, дабы могъ я наслаждаться состоянїемъ, несравненно выгоднѣйшимъ, которое мы называемъ вѣчностїю. Пусть разрушится сїя тлѣнная храмина, гдѣ я ощущаю только горесть и печаль. Сїи скорби могутъ меня преслѣдовать только до гроба, а не далѣе; тамъ, по другую страну гроба, Всемогущїй вѣщаетъ: „смертный! покойся въ мирѣ; мѣсто бо „сїе есть послѣднїй предѣлъ твоего „страданїя.„ Тамъ, совокупно съ тѣломъ погребутся всѣ заботы, коими былъ я обременяемъ, яко человѣкъ, въ царствѣ смертныхъ; тамъ хладныя мои члены смѣсятся съ перстїю, изъ которой я сотворенъ.... Остановись, прохожїй! который поспѣшно будешъ проходить чрезъ сїе уединенное мѣсто; остановись при моей могилѣ, читай, и приложи къ

сердцу сїи слова: *здѣсь лежитъ.* Научись симъ познавать суетность жизни сея. . . . Блаженъ тотъ день! блаженна та минута, когда душа моя преселится во страну другаго свѣта; когда изможденныя кости мои понесутъ туда, гдѣ онѣ будутъ прикровены сѣнїю тлѣнїя. О когда бы я въ сей же день умеръ! съ какою бы радостїю распростерся на одрѣ смертномъ! прїими, о природа! дань, которую я долженъ тебѣ заплатить; прїими, о свѣтъ лукавый! слабую слезу о потерѣ твоихъ благъ; прїимите и вы, друзья! прїимите последнее прощанїе при моемъ гробѣ. Но душу мою предаю тебѣ единому, Боже мой! душу тобою созданную для вѣчности.

§ 134.

Когда такъ воображаю о смерти: когда взираю на нее не яко на конецъ моего бытїя, но яко на прекращенїе моихъ страданїй; когда разсуждаю о болѣзняхъ и печаляхъ, коими вся наша жизнь сопровождается; когда внимательно разсматриваю мечтательный блескъ земныхъ благъ, которые не доставляютъ сердцу истиннаго покоя и прямой радости; когда взираю на гробъ, какъ на живое средство восторжествовать надъ

всѣми горестями; когда мыслями возношусь во страны вѣчности, и размышляю о существѣ безсмертныя моея души; когда обращаю вниманіе на краткость, превратность и скоротечность жизни человѣческой, когда наконецъ люблю посѣщать сіи мирныя мѣста, гдѣ покоятся тѣла моихъ предковъ, и вооружаю мой духъ противъ ужасовъ смерти: то, признательно сказать, ничего такого не вижу, для чего бы не взирать на смерть, какъ на величайшее утѣшеніе въ нашихъ нещастіяхъ. Человѣкъ предавшійся порокамъ, и съ трепетомъ ожидающій рѣшенія вѣчной судьбы своей, можетъ смерть почитать за зло; но я признаю оную величайшимъ благодѣяніемъ природы. Подлинно, для развратнаго ничто не должно казаться страшнѣе смерти. Посмотримъ на нечестивца въ ту минуту, какъ онъ борется со смертію....Боже мой! какой ужасъ меня объемлетъ, когда воображеніе представляетъ мнѣ положеніе сего человѣка! Онъ обращаетъ глаза на блескъ окружающей его домашней утвари, которой богатство возраждаетъ еще въ его сердцѣ желанія; какая грусть и тоска вдругъ оставить то состояніе, къ которому

онъ привыкъ съ младенчества! Онъ видѣлъ множество пріятныхъ предмѣтовъ, которые успокоивали необузданную его зависть; а теперь глаза его должны сомкнуться навсегда. Вкусъ ко всѣмъ избраннѣйшимъ яствамъ и питіямъ приводитъ ему на память сладостныя чувствованія, многократно имъ извѣданныя; а теперь языкъ его имѣетъ вдругъ лишиться способности чувствовать. Слухомъ принималъ онъ столь много пріятныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній; и вотъ ушеса его становятся глухи навсегда; онъ питалъ свое тѣло столь нѣжною снѣдію; и сіе тѣло дѣлается пищею червей: онъ любилъ жить во всей возможной пышности и роскоши, и се погребаютъ его въ печальномъ одѣяніи: онъ имѣетъ душу безсмертную; и сія душа будетъ нещастна: онъ находится на краю гроба; но вмѣстѣ и у вратъ вѣчности....Сколь ужасною для такого человѣка должна смерть казаться! Не удивительно, что онъ смотритъ на нее, какъ на величайшее изъ золъ.

§ 135.

Колико печаленъ видъ умирающаго, коего мы теперь описали: толико утѣшителенъ смертный

одръ человѣка добродѣтельнаго. Благочестїе есть вѣрный поручитель блаженства его души: онъ не ищетъ себѣ спокойствїя въ тѣсномъ кругѣ земли, и вотъ почему оставляетъ мїръ съ удовольствїемъ; онъ ни какой не находитъ прїятности въ земныхъ суетахъ; и вотъ почему бываетъ равнодушенъ, когда надлежитъ ихъ оставить: онъ не безпокоится о друзьяхъ своихъ, ибо оставляетъ ихъ въ рукахъ провидѣнїя, насыщающаго несмѣтныя тысячи тварей: онъ знаетъ, что душа его будетъ жить вѣчно! Существо промышляющее о жизни и смерти, свято располагаетъ судьбою каждаго изъ насъ; и всѣ пути, по которымъ ведетъ насъ, согласны съ мудрыми Его опредѣленїями. По сему добродѣтельный успокояется въ благопромыслительной волѣ Всевышняго, иже хощетъ всѣмъ спасенїя и всѣхъ привлещи къ себѣ. Вѣчность, для которой создана безсмертная его душа, возводитъ его на верьхъ блаженства: тамъ онъ будетъ вознагражденъ несказанно за всѣ огорченїя, каковыя претерпитъ на земли; и его радость будетъ увеличиваться безпрерывнымъ приращенїемъ совершенствъ. И такъ онъ умираетъ

съ удовольствїемъ, поелику давно уже отрекся отъ чувственности и суетъ мїра сего: онъ радуется приближенїю роковаго часа: и вотъ для чего срѣтаетъ смерть съ распростертыми руками, безъ малѣйшаго страха, мысля только о блаженствѣ, которымъ чаетъ наслаждаться въ вѣчности.

§ 136.

Язычники представляютъ намъ тысячу примѣровъ сея истины; и хотя они, дабы изобразить будущую жизнь души, прибѣгаютъ къ баснямъ, къ вымысламъ, или и къ сумозброднымъ мнѣнїямъ; однако не меньше справедливо и то, что были изъ нихъ такїе, которые преселялись изъ сея жизни въ другую. ни мало не страшась смерти. Большая часть сихъ любомудровъ думали, что добродѣтельная душа будетъ возвышаться въ вѣчности, по мѣрѣ ея благонравїя; такъ же легко они разставались съ тѣломъ, которое подвержено толикимъ слабостямъ и болѣзнямъ. . . , Въ доказательство представимъ одинъ только сей примѣръ: Сократъ, почтенный Сократъ, есть предметъ моего удивленїя. Превосходство добродѣтелей его возбуждаетъ зависть безвинно отравить

его ядомъ. Сей знаменитый любомудръ, заключенный въ темницу и подавляемъ тяжестію оковъ, занимается размышленіями о будущей жизни. Онъ воображаетъ свое тѣло смертнымъ и подверженнымъ тлѣнію; изъ сего заключаетъ, что безсмертный духъ его неотмѣнно будетъ по смерти наслаждаться счастливѣйшею жизнію: проникнутъ будучи сею истиною, взираетъ на приготовляемую ему смерть безъ ужаса, и какъ на конецъ своихъ горестей. Подаютъ ему чашу ядомъ окормленную; онъ беретъ ее, и пьетъ цикуту, не показывая на лицѣ своемъ ни малѣйшаго смущенія; а взирая на судей своихъ спокойнымъ видомъ, говоритъ имъ слѣдующую рѣчь: „Я никогда не „пилъ ни чего столь пріятнаго, какъ „ядъ, который теперь принялъ. Спо„койствіе, каковымъ наслаждаюсь, „должно васъ, Судіи! совершенно „увѣрить въ томъ, что смерть, на „которую вы меня осудили, признаю „для себя полезною. Поелику изъ „двухъ неотмѣнно должно послѣдо„вать одно что либо: или смерть „лишитъ меня всего чувства, или „должна преселить меня въ другую „жизнь. Въ первомъ случаѣ она упо„добится сему глубокому сну, въ

,,которомъ мы провели половину
,,нашея жизни. О небо! сколь жела-
,,тельно умереть! Можно ли сему
,,состоянїю предпочесть краткїе дни
,,нашего бытїя?.. Но когда справедли-
,,во, что смерть есть не иное что,
,,какъ переходъ отъ худшаго къ
,,лучшему: то какимъ блаженствомъ
,,буду наслаждаться, скрывшись отъ
,,вашего взора, находясь среди сихъ
,,грозныхъ и праведныхъ судей, како-
,,вы суть, Миносъ, Радамантъ и
,,Триптолемъ! они знаютъ мою не-
,,винность. Думаетель вы, что сей
,,путь есть непрїятенъ? Не уже ли
,,за ничто почитаете бесѣдовать съ
,,Орфеемъ, Музами, Гомеромъ и Гезї-
,,одомъ? Признаюсь вамъ, для сихъ
,,только выгодъ желалъ бы я не
,,однократно смерть претерпѣть.
,,Какой не возчувствую радости,
,,разглагольствуя съ Паламедомъ,
,,Анансомъ, и многими другими, кои
,,также, какъ и я, много пострадали
,,отъ несправедливости людей. Съ
,,Улиссомъ и Сигифомъ поговорю о
,,преступленїяхъ, которыя мнѣ при-
,,писываете; и они отдадутъ мнѣ
,,справедливость. А вы, друзья мои,
,,которые объявили меня невиннымъ,
,,и оправдали, отрите свои слезы;
,,смерть не только мнѣ не страшна

„но даже желательна; не надобно „бѣгать отъ нея, а паче искать ее „должно; честному человѣку не мо„жетъ никакое зло приключиться „ни въ жизни, ни по смерти; онъ „всегда подъ покровительствомъ бо„говъ; и я не думаю, что бы судьба, „нынѣ меня постигшая, была произ„веденіе случая. Я не буду укорять „моихъ судей и моихъ обвинителей, „кромѣ какъ за погрѣшительное ихъ „мнѣніе, будто я дѣлаю зло....По „смертному хладу объемлющему „внутренность, чувствую, что „остается мнѣ уже нѣсколько ми„нутъ жить....Мнѣ надлежитъ окон„чить свой вѣкъ; а вамъ приняться „за дѣла житейскія. Я, или вы „будете довольнѣе? Богъ единъ то „знаетъ.„Послѣ сихъ краткихъ словъ, продолжалъ еще прохаживаться, и утверждать учениковъ въ своемъ ученіи о безсмертіи души. Напослѣдокъ изнемогши въ силахъ, садится; но съ тѣмъ же равнодушіемъ взираетъ на смерть, разливающуюся въ его жилахъ. За симъ взоръ его тускнѣетъ, члены цепенѣютъ; спустя минуту, кончается. Вотъ какъ умираетъ тотъ, кто добродѣтель предпочиталъ всему на свѣтѣ!

§ 137.

И такъ, нещастные смертные! научитесь вооружать себя противъ ужасовъ смерти, и взирать на нее, какъ на истинное утѣшенїе. Разсмотрите пристально видъ ея; она ни столь безобразна, ни столь страшна, какъ себѣ воображаютъ: признайте ее предѣломъ и средоточїемъ, въ которомъ оканчиваются всѣ бѣдствїя и всѣ горести человѣческой жизни: она неизбѣжна; мы всѣ раждаемся съ тѣмъ, что бы умереть. Не больше имѣемъ причины печалиться въ день смерти, какъ и въ день рожденїя. Желать быть человѣкомъ и быть безсмертнымъ, суть вещи несовмѣстныя; смерть есть дань, которую всѣ мы платимъ природѣ. Она открываетъ намъ границы другаго свѣта, гдѣ время оканчивается, а вѣчность начинается; въ семъ то Божества жилищѣ вкушаютъ то прочное и совершенное блаженство, котораго смертный никогда не найдетъ въ семъ мїрѣ. Смерть освободивши насъ отъ узъ бреннаго тѣла, приводитъ въ состоянїе несравненно вышшее того, которое мы оставляемъ; тамъ по дѣломъ нашимъ, будемъ или вѣчно блаженствовать, или вѣчно страдать. И такъ, признаимся,

что смерть для нещастныхъ есть Ангелъ утѣшитель. Какъ можно проливать слезы, когда извѣстно, что должно умереть. Наши лѣта проходятъ какъ тѣнь; никто не знаетъ часа, въ которой смерть на вѣки закроетъ глаза. Для чего намъ жаловаться на нещастія; когда они, ежели терпѣливо ихъ сносимъ, доставляютъ намъ по смерти удовольствія и щастіе, ожидающія насъ въ вѣчности. Земледѣлецъ отнюдъ не жалуется на множество трудовъ, въ чаяніи обильной жатвы: злополучная судьба, можетъ быть, готовитъ намъ въ будущей жизни особенные плоды удовольствія. Чѣмъ тяжелѣе узы нашихъ нещастій, тѣмъ болѣе должно безъ страха взирать на приближеніе смерти; чѣмъ горестнѣе воспоминаніе нещастій, тѣмъ болѣе должна ласкать насъ надежда быть щастливыми; и чѣмъ скорѣе приближаемся ко гробу, тѣмъ ближе становимся къ наслажденію высочайшимъ блаженствомъ. Наши предки жили, и не избѣгли участи, каковой человѣческое естество подвержено: они, покоятся подъ сѣнію тлѣнія, гдѣ уже ничто ихъ не возмущаетъ.

Таковъ же жребій всѣхъ насъ ожидаетъ: ни имѣніе, ни богатство

ни чести, ни величїе, словомъ ничто не можетъ предохранить насъ отъ онаго.

Смерть безпримѣрную жестокость къ намъ являетъ,
Какъ кто ни тщись ее молить;
Не милосердая отъ насъ слухъ отвращаетъ,
И оставляетъ всѣхъ вопить.
Убогїй, въ хижинѣ соломенной живущїй,
Ея законы строго чтитъ;
И не усыпнѣйшїй привратникъ, дворъ стрегущїй,
Ни сколько и Царя отъ ней не защититъ.

Мудрый человѣкъ никогда не долженъ страшиться настоящаго: все ему говоритъ, что есть жизнь будущая; и что безразсудно жаловаться на нещастїя, которыя скоро пройдутъ; особливо, когда за оныя будемъ вознаграждены въ вѣчности, предполагая всегда Христїанскую кончину. И такъ, нещастные, отрите ваши слезы; каковы бы ни были ваши бѣдствїя, ваши скорьби; но ежели вы никогда не совращались съ пути добродѣтели; то по смерти безъ всякаго сомнѣнїя будете наслаждаться блаженствомъ, которое Вышнїй даруетъ избраннымъ своимъ. И такъ вмѣсто того, чтобъ взирать на смерть со страхомъ и ужасомъ, взирайте паче на нее, какъ на мощную избавительницу, которая разрѣ-

шаетъ всѣ ваши узы, сокрушаетъ всѣ ваши оковы, и возноситъ душу вашу на верхъ славы и блаженства.

§ 138.

Многїе возразятъ, что Богъ содѣлалъ съ лишкомъ печальными и страшными перемѣны въ тѣлѣ, смерти предшествующїя: но сїе возраженїе не можетъ поколебать мудраго человѣка. Подлинно мы крѣпко привязаны въ мїрѣ семъ ко всему тому, что льститъ нашимъ чувствамъ; мы ослѣпляемся наружностїю, и не взираемъ на смерть очами разума. А по сему кто заранѣе не вооружилъ себя противъ ужасныхъ призраковъ, кои ему собственное воображенїе представляетъ; тотъ роковой сей минуты ждетъ съ пасмурнымъ челомъ, смущеннымъ духомъ. Возможно ли, скажутъ, чтобъ послѣдняя четверть часа жизни была для меня началомъ утѣшенїя; когда объятъ бываю страхомъ и трепетомъ даже при входѣ въ печальной покой моего друга, котораго вижу распростерта на одрѣ, и борющагося со смертїю? Ежелибъ умирали, не претерпѣвая мученїй, продолжительной и жестокой болѣзни; то могъ бы я повѣрить, что сей неминуемый шагъ есть достаточное утѣшенїе во всѣхъ моихъ горестяхъ.

Но какой ужасный морозъ проницаетъ всю внутренность, только помыслю о смертномъ часѣ, въ которой долженъ буду испустить духъ, можетъ быть, среди тысящи болѣзней! Сколь страшенъ видъ человѣка, уже находящагося во власти тлѣнія! Сїе тѣло, которое было вѣрнымъ общникомъ души моей, должно лишиться жизни и чувствїя: оно разрушится, и обратится въ снѣдь червей. Прахъ истлѣвшихъ костей моихъ будетъ летать изъ климата въ климатъ, и въ слѣдъ за тѣломъ погребутъ и память мою. Тѣсная могила будетъ моимъ жилищемъ; увы! я теряю всю надежду, когда либо въ мірѣ семъ бесѣдовать съ моими родителями, съ моими друзьями!...Послѣ сего, воображенїе смерти можетъ ли быть предмѣтомъ утѣшенїя въ моихъ нещастїяхъ?

§ 139.

Сїи умствованїя сами собою опровергаются, при свѣтѣ разума. Для сего здѣлаю я только нѣкоторыя замѣчанїя, кои разрѣшатъ всякое сомнѣнїе....Смерть (какъ всѣмъ извѣстно) есть не другое что, какъ прекращенїе дѣйствїй между тѣломъ и душею; она правда отдѣляетъ сїи два существа одно отъ другаго, ибо

разсоединяетъ части тѣла; но кто намъ сказалъ, чтобъ сїе раздѣленїе всегда было сопровождаемо жесточайшими болѣзнями? Весьма вѣроятно, что большая часть умирающихъ на одрѣ весьма мало мучатся. Поелику жизненные духи бываютъ тогда ни къ чему не способны, и нервы лишаются всего чувствїя. Сїе примѣчаемъ изъ припадковъ умирающаго человѣка; его уши перестаютъ слышать; глаза меркнутъ; всѣ чувства усыпляются; остается только у него одно слабое дыханїе, котораго онъ скоро лишается, безъ всякаго чувствїя боли. Такимъ образомъ разлученїе души съ тѣломъ дѣлается, не причиняя ни малѣйшаго страданїя. Увы! сколько миллїоновъ человѣкъ восхищено нечаянною смертїю! Мы должны удивляться безконечной мудрости Высочайшаго Существа, что Оно не дало намъ знать ни о днѣ, ни о родѣ нашея смерти. Сколько бы люди тревожились и смущались, ежели бы знали минуту послѣдняго часа; сколько бы трепетали, когда бы извѣстны стали о свойствѣ ихъ смерти....Вотъ какимъ образомъ переходимъ мы изъ сего мїра въ другой, руководимы свѣтильникомъ вѣры; при послѣднихъ мину-

тахъ горечь смерти чувствительно услаждается чаянїемъ блаженнѣйшей жизни....Я не вижу ничего страшнаго въ тлѣнїи: оно есть событїе, сообразное необходимому и непремѣнному теченїю природы: всѣ животныя такой же подвержены участи: мы ихъ превосходимъ только безсмертною душею. Наше тѣло составлено изъ прозябательныхъ частей плодовъ, животныхъ, растѣнїй, воды и другихъ веществъ. Удивляться надобно искуству природы, съ каковымъ она съединяетъ стихїи, чтобъ составить изъ нихъ машину, посредствомъ коей могли бы мы нѣсколько времени быть зримы на позорищѣ мїра. Во гробѣ она разрушаетъ сїе пробное произведенїе, и нѣкоторыя онаго части превращаетъ опять въ растѣнїя, въ цвѣты, въ плоды всякаго рода, также въ составъ птицъ, рыбъ, червей или другихъ пресмыкающихся животныхъ. Оставимъ природу дѣйствовать сообразно неизмѣннымъ ея законамъ; мы ничего не можемъ ей предписывать: довольно того, что она не уничтожаетъ лучшей части нашего существа, которая одна составляетъ наше бытїе. Какая мнѣ нужда, что домъ разрушенъ, разобранъ своимъ господиномъ,

дабы матеріалъ онаго обратить на другія употребленія?. . . Для чего же останавливаться на тлѣніи намъ угрожающемъ? Человѣкъ есть все; и онъ же есть ничто. Пусть міролюбцы говорятъ на одрѣ смерти: пріятное жилище, любезный домъ души моей! Должна ли смерть съ толикимъ насиліемъ извлекать меня изъ тебя, и отлучать отъ пріятнаго и любезнаго сообщества! Долженъ ли я тебя оставить на условіяхъ, столь жестокихъ и столь плачевныхъ! Толикихъ почестей, коими зришъ себя украшенна, почто хоть тѣнь одна не слѣдуетъ за тобою во гробъ! Изъ огромнаго имущества и драгоцѣнныхъ сокровищъ, почто ничего съ собою не уносишь, кромѣ савана и нѣсколькихъ досокъ, или по большой мѣрѣ нѣсколькихъ фунтовъ свинцу! Носивши всегда пышную одежду, должно ли тебѣ быть покрыту чернымъ сукномъ, и сдѣлаться пищею червей! Великолѣпно живши въ позлащенныхъ, и благовоніями наполненныхъ чертогахъ, должно ли тебѣ поселиться въ смердящую могилу! Должны ли сіи прекрасные глаза померкнуть, сіе румяное лице поблѣднѣть, сіи златыя уста умолкнуть, сіе нѣжное тѣло сгнить,

и здѣлаться предмѣтомъ ужаса!,, И такъ, вотъ чемъ оканчиваются всѣ тщетныя удовольствїя и всѣ пристрастїя мїра! Такъ, въ очахъ порочнаго человѣка; но честный человѣкъ иначе разсуждаетъ: его душа прилѣпляется къ единой токмо истинѣ: онъ знаетъ, что высота достоинства его на небѣ будетъ соразмѣрна изяществу его нравовъ, и тому; какъ онъ окончитъ свой подвигъ на земли. Какой необычайной ужасъ произведетъ онъ въ бывшихъ ему повелителями на земли! Тогда (говоритъ Соломонъ въ своей книгѣ премудрости) праведные востанутъ съ великимъ дерзновенїемъ противу нанесшихъ имъ огорченїя, и похитившихъ плоды трудовъ ихъ. Нечестивцы при семъ зрѣлищѣ будутъ объяты смущенїемъ и неизъяснимымъ ужасомъ: они изумятся, вдругъ увидя страдавшихъ отъ нихъ спасенными: ставъ тронуты раскаянїемъ, и въ сокрушенїи сердца испуская вздохи, скажутъ сами въ себѣ: вотъ тѣ, которые были нѣкогда предмѣтомъ нашихъ издѣвокъ, и которыхъ мы выставляли, какъ образецъ людей достойныхъ всякаго поруганїя! мы въ своемъ безумїи жизнь ихъ почитали юродствомъ; а смерть ихъ казалась

намъ поноснѣйшею. Однакожъ вотъ они возведены на степень сыновъ Божіихъ, и часть ихъ со святыми!!!

§ 140.

Есть еще другія возраженія, каковыхъ можно ожидать отъ трепещущихъ при единомъ имени смерти, и съ ужасомъ взирающихъ на ту минуту, въ которую сія безжалостная окончитъ ихъ жизнь. Любомудръ зритъ на сіе обстоятельство, какъ на неизбѣжное слѣдствіе удивительнѣйшаго міроправленія и премудрыхъ судебъ Всевышняго Существа. Богъ для исполненія своихъ намѣреній всегда долженъ избирать лучшія средства: слѣдовательно мы можемъ заключить съ полнымъ увѣреніемъ, что смертный случай также клонится къ вящшему для насъ щастію. Когда бы могли мы нѣсколько проникнуть всеобщую связь вещей; то бы удивились согласію сего произшествія съ свойствами Божества. Смерть есть пресѣченіе жизни только для нашего тѣла. Никто не усумнится, что Богъ создалъ души для явленія славы своея, дабы онѣ восходили на вышній и вышшій степень познанія Его совершенствъ. Мы должны совершенно вѣрить, что въ сей жизни можемъ достигнуть только началь-

ныхъ степеней сего познанія; поелику мыслящее существо представляетъ міръ по состоянію своего тѣла. Чтожъ убо есть раздѣленіе тѣла и души, смертію нарицаемое, какъ не перемѣна образа настоящаго нашего бытія? И какъ можно взирать на сіе событіе какъ на предмѣтъ ужаса, когда оно состоитъ только въ щастливомъ измѣненіи нашего положенія? сколько разъ ни разсматриваю строеніе вселенныя, сіе величественное зрѣлище совершенствъ Божіихъ; сколько разъ ни помышляю о непостижимомъ множествѣ существъ, которыя всѣ возвѣщаютъ славу Всемогущаго; сколько разъ ни углубляюсь въ неизчетныя разновидности міра, повсемѣстно блистающія лучами Всемогущества, благости, премудрости и прочихъ совершенствъ Божіихъ, которыя здѣсь только сквозь густой мракъ видѣть можно: и всегда радуюсь о времени, въ которое смерть освободитъ духъ мой отъ земныхъ оковъ, препятствующихъ душѣ созерцать величіе Божіе въ невообразимомъ свѣтѣ. Сіи размышленія такое дѣлаютъ на сердцѣ впечатлѣніе, что всѣ мрачныя мысли изчезаютъ, чистѣйшая радость осіяваетъ мои чувства; и душа моя

отъ предчувствія будущаго торжествуетъ надъ всѣми бѣдствіями жизни сея.

§ 141.

Человѣкъ науколюбивый и внѣ города, обращаетъ въ пользу все могущее возвысить духъ его превыше самаго себя. Самыя прогулки суть для него случаемъ къ глубокому размышленію. Ежели днемъ выходитъ одинъ, то никогда не возвращается безъ удивленія чудесамъ, которыхъ глаза его были свидѣтелями: онъ бесѣдуетъ съ полями, древами, кустарниками. Долины, рощи, живоносные источники, луга испещренные разновидными цвѣтами, все восхищаетъ душу его. Малѣйшее ползающее животное удивляетъ его; онъ говоритъ самъ въ себѣ: всѣ зримые мною предмѣты суть толикожъ чудесъ. Когда сей шаръ, въ которомъ есмь почти ничто, вмѣщаетъ въ себѣ столько красотъ; чтожъ я долженъ заключить о тверди небесной, принявъ въ разсужденіе необъятное ея пространство, превосходящее всякую проницательность человѣческаго разума? Сколько еще чудесъ скрывается отъ удивленнаго моего взора! Сіе разсужденіе нечувствительно доводитъ меня до того, чтобъ сообщить

моимъ читателямъ о томъ, что самъ я испыталъ нѣкогда при затмѣніи луны. Въ полночь вышелъ я на средину пространнаго луга, дабы разсмотрѣть сіе явленіе. Въ ожиданіи сѣлъ на пень, которой казался мнѣ окруженъ цвѣтами и листьемъ. Съ правой стороны находился мрачной кустарникъ; гдѣ скрывавшійся соловей воспѣвалъ свои пѣсни. Я уже начиналъ радоваться, что столь щастливую имѣлъ встрѣчу; но сей лѣсный пѣвецъ, здѣлавши нѣсколько слабыхъ трелей, глубокимъ сномъ уснулъ. Казалось, что и полушаріе съ нимъ погрузилось въ мирномъ снѣ. Я одинъ бодрствовалъ, подобно неусыпному пустыннику, который среди ночи, въ уединенной своей хижинѣ размышляетъ о смерти. . . . Ожидая часа луннаго затмѣнія, вознамѣрился я идти далѣе; глубочайшая тишина царствовала тогда; ничто не прерывало моихъ размышленій, изключая совы, которая летала надъ древами, и на оныхъ брала себѣ отдохновеніе, кидая на меня сверкающіе взоры....Къ западу лежала гора удивительной высоты, гдѣ днемъ видны еще были слѣды древняго замка, которой разрушенъ во время опустошительной войны. Обрушившіяся

башни, до половины развалившіяся стѣны, кучи наваленныхъ одни на другіе камней, въ темнотѣ представляли ужасное зрѣлище. Впрочемъ сердце мое ощущало нѣкоторой родъ удовольствія, когда я въ близи разсматривалъ сіи почтенные останки древности. Сію страну, которая днемъ казалась прелестною, тогда столь трудно было разпознать, что видъ ея впечатлѣвалъ въ мои чувства неизъяснимый страхъ....Я взошелъ на малой пригорокъ; но все было покрыто мракомъ ночи, и я не могъ примѣтить ничего кромѣ воздушныхъ огней, кои по временамъ показывались, и исчезали во мрачнѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ долинахъ. Мѣсто, на которомъ я находился, было цвѣтникомъ розъ и лилей. Цвѣты сіи хотя не имѣли тогда блеску красоты; однако тѣмъ не менѣе наполняли воздухъ благовоніемъ. Искусно изваянныя статуи, разставленныя въ окрестныхъ садахъ, не представляли очамъ моимъ, кромѣ какъ бѣлые призраки, могущіе устрашить робкую душу. Колико печальнымъ казался мнѣ горизонтъ: толико небо было величественно и плѣнительно. Твердь сіяла безчисленными звѣздами, изъ коихъ одни

другихъ блистательнѣе: луна въ полномъ своемъ свѣтѣ превосходила свѣтъ прочихъ планетъ. Небо и земля до того измѣнились, что я мнилъ себя быти восхищеннымъ въ новой міръ. Вмѣсто одного солнца, сіяло безчисленное оныхъ множество; весь кругъ планетъ вращался медлѣнно, но въ величайшемъ порядкѣ; спутники ихъ слѣдовали за ними; казалось мнѣ, что каждой изъ сихъ сіяющихъ шаровъ воздавалъ благодареніе Божеству за бытіе свое. Млечный путь, который простираясь далѣе и далѣе въ небесную высоту, напослѣдокъ терялся изъ виду, посредѣ толикихъ тысячь міровъ изображалъ мнѣ престолъ Божія Величества. Зрѣніе мое не могло насытиться всѣмъ тѣмъ, чему я удивлялся. Я былъ также доволенъ, какъ утружденный путникъ, который, нечаянно усмотрѣвъ пріятное мѣстоположеніе останавливается, отдыхаетъ, удивляется и молчитъ, будучи плѣненъ красотами природы. Душа моя въ сію минуту чувствовала столь чистую и живую радость, что я отважился сравнить себя съ тѣмъ Астрономомъ, который разсматривая небо, воображалъ себя сѣдящимъ за столомъ боговъ, и пію-

щимъ съ сими владыками земли нектаръ и амврозїю.

Между тѣмъ, какъ я съ крайнимъ замѣчанїемъ удивлялся сему величественному зрѣлищу природы, луна уже начинала затмѣваться. Я взялъ зрительную трубу; увидѣлъ, что сїя планета мало по малу теряла сребристый видъ; сїя перемѣна дѣлала небо предмѣтомъ ужаса. Луна затмѣвалась не примѣтно; атмосфера казалася колеблющеюся; незапный мракъ распростерся по горизонту; густая туча поднялась съ сѣвера, и покрыла землю; но звѣзды становились блистательнѣе; можно бы сказать, что это были сверкающїя и безчисленныя очи, утвержденныя въ небесномъ сводѣ, чтобъ быть имъ свидѣтелями сего достопримѣчательнаго явленїя природы. Я былъ одинъ, и удаленъ отъ всѣхъ людей; изумился я, когда отъ затмившейся луны усмотрѣлъ исходящую молнїю. Не однократно замѣтилъ сїи чудныя дѣйствїя. Моя душа въ восхищенїи возносилась до небесъ; наконецъ свѣтило ночи стало видимо; и я примѣтилъ, что съ начала освѣщались только нѣкоторыя точки; изъ чего заключилъ, что сїи освѣщенныя части должны быть вершины горъ.

Лучи преломлялись въ лунном шару, что убѣдило меня въ сходств сей планеты съ нашею. Нѣкоторы черныя пятна тамъ и здѣсь был разсѣяны, гдѣ свѣтъ отчасти прело млялся; по чему имѣлъ я основатель ную причину думать, что это дол жны быть моря, рѣки, лѣса и долины Потомъ я разсматривалъ други планеты; которыя, казалось мн имѣли также совершеннѣйшее сход ство съ нашимъ міромъ.

Колико предмѣтовъ на размыш леніе во всемъ томъ, что я видѣлъ Сколь величественно, говорилъ сам въ себѣ, Существо, создавше сей неизмѣримый и столь достой ный удивленія сводъ! Яко членъ сег міра, не имѣю ли права на восхище ніе, которое производятъ во мн удивительныя чудеса природы? Бож мой! все мною зримое доказываетъ безсмертіе души....Безбожники! от кройте глаза, и посмотрите на сі необъятное зрѣлище Божескихъ со вершенствъ! Все вамъ говоритъ, что есть Богъ, есть вѣчность. . . .Сі истины довели меня до заключенія о состояніи души по смерти; тогда то воззрю я на конецъ дней нашихъ, какъ на сильнѣйшее утѣшеніе во всѣхъ нещастіяхъ. И такъ какія

причины имѣютъ люди жаловаться на кратковременность удовольствія въ мірѣ, гдѣ все тлѣнно? Время скоротечно, жизнь кратка, кончина извѣстна, вѣчность неминуема. И такъ есть жизнь будущая. Душа моя какую возчувствуетъ радость, при воззрѣніи на Высочайшее Существо, коимъ все существуетъ, и будетъ существовать вѣчно!...Хотѣлъ было еще дать свободу моему воображенію, какъ вдругъ погрузился въ глубокой сонъ; въ семъ положеніи мечталъ я быть на священной горѣ Сіонской. Тамъ предался молитвѣ и размышленію. Размышлялъ я о суетности человѣческой жизни; и говорилъ самъ себѣ: подлинно, человѣкъ есть тѣнь; а жизнь его, сонное видѣніе. Устремивъ глаза къ вершинѣ горы, не далеко отъ меня лежавшей, я узрѣлъ человѣка въ бѣлой одеждѣ, или паче Архангела, которой держалъ въ рукѣ музыкальной инструментъ, и замѣтивъ, что я на него смотрю, тотчасъ заигралъ на ономъ. Звукъ сего инструмента имѣлъ такую пріятность и столь разнообразное доброгласіе, что я никогда ничего не слыхалъ подобнаго. Сіе привело мнѣ на память тѣ божественныя пѣсни, коими добродѣтельныя души огла-

шающся при входѣ ихъ въ Рай, и изглаживаюпся впечатлѣнія послѣднихъ ихъ страданій. Словомъ сказать, я былъ почти въ изступленіи. Такимъ образомъ духъ, приготовивъ меня къ разглагольствію съ нимъ, подалъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я къ нему приближился. Я покорствовалъ волѣ его съ почтеніемъ, каковымъ мы должны вышшему Существу, и бывъ проникнутъ сладкими его тонами, повергнулся къ стопамъ его со слезами. Онъ улыбнулся, воззрѣвъ на меня съ видомъ исполненнымъ такого сострадания, и столь благосклоннымъ, что тотчасъ разсѣялъ напавшій на меня страхъ. Потомъ простеръ ко мнѣ руку, и произнесъ сіи слова: „ я слышалъ твои бесѣдованія съ самимъ собою; слѣдуй за мною. „ Тогда повелъ онъ меня на высочайшую гору, и поставивши на вершинѣ оной, сказалъ: обрати глаза къ востоку, и скажи мнѣ, что ты видишь. Вижу, сказалъ я, великую долину и чудесную рѣку, чрезъ долину текущую. Долина, которую ты видишь, присоединилъ онъ, есть юдоль бѣдствія, а рѣка составляетъ часть неизмѣримаго океана вѣчности. Что значитъ, вопросилъ я, что сія вода съ одного конца течетъ изъ густаго тумана, а

съ другаго теряется въ мрачномъ облакѣ? Сїе, что ты видишь, отвѣтствовалъ мнѣ , есть частица вѣчности, называемая временемъ; которое измѣряется движенїемъ солнца , и должно течь до скончанїя мїра. Разсмотри теперь сїе море, которое также съ двухъ сторонъ покрывается мракомъ; и скажи мнѣ, что тамъ примѣтишь....Я вижу мостъ, который пресѣкаетъ его по срединѣ....Видимый тобою мостъ, есть жизнь человѣческая; посмотри на него пристальнѣе. Разсмотрѣвши точнѣе, примѣтилъ я, что подъ нимъ находилося седмдесятъ цѣльныхъ сводовъ, и много еще надломленныхъ, кои всѣ вмѣстѣ могли считаться до ста, или около ста. Во время изчисленїя сводовъ, Архангелъ сказалъ мнѣ, что сперва ихъ было до тысячи; а коихъ теперь не достаетъ, тѣ всѣ снесены потопомъ, и мостъ остался въ состоянїи очень блискомъ къ паденїю, какъ самъ видишь; но, присоединилъ онъ, не находишь ли еще чего?...Вижу безчисленное множество людей идущихъ по оному, и густой мракъ на томъ и другомъ концѣ. Сверхъ того я видѣлъ весьма многихъ путниковъ, упадающихъ въ воду сквозь мостъ; и замѣтилъ, что мостъ сей имѣетъ доволь-

но потаенныхъ скважинъ, на которыя они какъ скоро становились, то вдругъ проваливались, и невидимы были. Сіи отверстія были столь многочисленны при всходѣ на мостъ, что изъ толпы людей изходящихъ изъ мрака, многіе погибали почти при первомъ шагѣ. На срединѣ они были не такъ часты; но къ концамъ цѣльныхъ сводовъ очень умножались. Впрочемъ не большое число людей бродили и по надломленнымъ сводамъ; но будучи утомлены продолжительностію пути, одинъ за другимъ падали во глубину Океана. Разсматривая сіе удивительное строеніе и великую разнообразность предмѣтовъ, кои оно мнѣ представляло, впалъ я въ величайшую задумчивость при видѣ такого множества людей, которые погибали среди радости и удовольствій, и хватались за все окружающее для спасенія своея жизни. Иные весь взоръ и умъ вперивши въ небо, вдругъ изчезали среди своихъ наблюденій. Другіе съ жаромъ гонялись за летучими пузырями наполненными воздухомъ; но когда думали схватить ихъ, въ ту же минуту ноги у нихъ ослабѣвали, и они стремглавъ падали. Не взирая на сію разнообразность предмѣтовъ, я замѣтилъ

тамъ нѣкоторыхъ съ мечами, а другихъ съ скляницами въ рукахъ, кои прохаживаясь взадъ и впередъ по мосту, безъ зазрѣнія совѣсти толкали другихъ въ отверстія, отнюдъ не препятствовавшихъ имъ на пути, и коихъ они могли бы избѣжать, если бы сами не принудили ихъ перемѣнить направленія. Духъ замѣтивши, что я весь углубился въ сіе печальное зрѣлище, приказалъ мнѣ отвратить отъ него взоръ, и обдумать, нѣтъ ли чего для меня непонятнаго? За симъ я вопросилъ его, что бы означали великія стада птицъ летающихъ около моста, и по временамъ на ономъ садившихся; что разумѣть чрезъ сіи вороны, сіи гарпіи, сіи коршуны, сіи чайки, а наипаче чрезъ сіи крылатые мальчики, которые станицею садились на своды, средину моста поддерживающіе? Сіи птицы, отвѣчалъ онъ, суть суевѣріе, сребролюбіе, зависть, отчаяніе и любовь со всѣми прочими страстями и мучительными заботами, терзающими людей. Увы! сказалъ я тогда, воздохнувъ изъ глубины сердца: напрасно же созданъ человѣкъ, поелику онъ подверженъ нещастію во время жизни, и подъ конецъ жизни смертію поглощается! Духъ, сжалившись надо

мною, сказалъ, чтобъ я не смотрѣлъ болѣе на человѣка въ первомъ явленіи бытія его, когда онъ стоитъ еще на пути къ вѣчности; но обратилъ бы глаза на сей густой туманъ, куда стремленіе рѣки увлекаетъ людей различныхъ племенъ. Я послѣдовалъ его волѣ, и, (усилилъ ли онъ мое зрѣніе чудеснымъ образомъ, или разсѣялъ нѣсколько мракъ, бывшій прежде непроницаемымъ для очей моихъ) узрѣлъ долину, которая начиналась по сію сторону, и простиралась въ пространной океанъ, посредѣ коего находилась великая алмазная гора, раздѣляющая его на двѣ равныя части. Но одна изъ сихъ частей всегда пребывала покрыта мракомъ, между тѣмъ какъ другая казалася мнѣ усѣяна множествомъ острововъ, обогащенныхъ цвѣтами и плодами, и окруженныхъ кристалловидною водою. Я могъ различать тамъ людей, великолѣпно одѣянныхъ, съ вѣнками на главахъ, которые прогуливались между деревьями, возлегали на брегахъ источниковъ, или покоились на цвѣточныхъ ложахъ. Въ то же время услышалъ я тамъ гармонію, составленную изъ пѣнія птицъ, изъ шума водопадовъ, изъ человѣческихъ голосовъ и мусикійскихъ орудій такъ,

что сердце мое возтрепетало отъ радости, при зрѣнiи и слышанiи столь прiятнаго явленiя. Я пожелалъ было себѣ орлиныхъ крилъ, чтобъ скорѣе прелетѣть въ сiе блаженное жилище; но духъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ другаго туда пути, кромѣ вратъ смерти, которыя ежеминутно отворялись на мосту. Острова, продолжалъ онъ, которые ты видишь столь прохладными и зеленѣющимися, и которые, кажется тебѣ, покрываютъ всю поверхность океана; сколь далеко взоръ твой можетъ простираться, суть многочисленнѣе песка морскаго; ихъ находятся миллiоны, тысяча тысячъ миллiоновъ (изключая зримыхъ тобою) и еще гораздо больше, нежели сколько можешь себѣ вообразить. Се жилище предуставлено честнымъ людямъ по смерти, которые по мѣрѣ добродѣтелей своихъ, или по степенямъ образованiя ума и сердца, должны быть размѣщены на сихъ островахъ, изъ коихъ каждый составляетъ рай, изобилующiй всѣми удовольствiями приспособленными ко вкусу и качествамъ своихъ жителей. Но величайшее изъ всѣхъ удовольствiе есть лицезрѣнiе Божества; они не умолкно воспѣваютъ ему хвалебныя пѣсни, и Высо-

чайшее его величество созерцаютъ посредѣ Ангеловъ, Херувимовъ и всѣхъ Святыхъ; зрѣлище восхитительное, и неописанное. Не здѣсь ли то жилище, о коемъ ты долженъ воздыхать? Не достойно ли оно, о смертный! твоихъ заботъ и попеченій? Жизнь кажется ли тебѣ нещастною, когда доставляетъ случай получить столь великое возмездіе? Долженъ ли ты страшиться смерти, когда руководствуетъ тебя къ столь блаженному состоянію? Такъ не воображай, чтобъ человѣкъ былъ сотворенъ напрасно; ибо онъ долженъ наслаждаться вѣчною славою.

Насладившись зрѣніемъ сихъ щастливыхъ острововъ, просилъ я небеснаго духа, сказать мнѣ, что находилось по другую страну алмазной горы; которая казалась покрытою ужаснымъ мракомъ? Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, и какъ я хотѣлъ настоять снова, то онъ скрылся. И такъ я обратилъ взоръ къ предмѣтамъ занимавшимъ мое вниманіе; но вмѣсто океана, моста и острововъ увидѣлъ только лугъ, на коемъ я заснулъ; быковъ, овецъ и велблюдовъ, на холмахъ покоившихся.

Какой человѣкъ размышляя о себѣ, что произшелъ онъ изъ ничто-

жества, созданъ тварїю разумною и щасшливою; словомъ сказать, что онъ здѣланъ участникомъ бытїя и вѣчности; кто, скажу, можетъ не удивиться, и не излить души своей въ хвалахъ и благодаренїяхъ? Признаться надобно, что мысль о семъ удобнѣе можетъ содержать насъ въ тайнѣ поклоненїя, или въ признательномъ безмолвїи, нежели быть изъяснена словами....Высочайшее Существо не одарило насъ способностїю достойно восхвалить, и прославить безпредѣльную его благость. При всемъ томъ, мы имѣемъ, чѣмъ утѣшить себя; ибо во всю вѣчность будемъ упоеваться потокомъ сладостей Господнихъ. „Познайте, говорить Петронїй (сатир. V. 64. 72) „въ наставленїе какъ старикамъ, „такъ и молодымъ людямъ, познайте „цѣль и конецъ, которой вы должны „себѣ предположить, запасайтесь „добродѣтелями и благими качества„ми, которыя должны способство„вать вамъ къ мирному препровож„денїю скучныхъ и печальныхъ лѣтъ „дряхлости.--Мы заутра о семъ по„думаемъ.--Заутра! Вы заутра здѣла„ете также, какъ и нынѣ.--Подожди „не много, мы просимъ только одно„го дня: великаго ли онъ стоитъ?

,,Но когда прейдетъ заутра, то день
,,сей пройдетъ подобно вчерашнему;
,,потомъ наступитъ другое заутра;
,,а за тѣмъ еще другое, и сіе будетъ
,,безконечно: такимъ образомъ всю
,,вы жизнь проводите. Посмотрите
,,на каретныя колеса; заднїе на одной
,,и той же съ передними чертѣ, и
,,прикрѣплены къ тому же дышлу;
,,когда карета катится, въ тожъ
,,самое время оборачиваются и заднія
,,колеса; но поелику переднїе такимъ
,,же образомъ оборачиваются; то и
,,невозможно, чтобы они догнали
,,одинъ другаго. Сїе Петронїево разсужденїе приводитъ мнѣ на память замысловатый и справедливый отвѣтъ главнокомандовавшаго армїею де Лездигвїера: спросили его нѣкогда, какимъ образомъ могъ онъ здѣлаться изъ простаго солдата главнокомандующимъ Французскихъ войскъ? ,,Я употребилъ для сего самое простое средство, сказалъ онъ; то есть: не откладывалъ никогда до утра того, что могъ здѣлать на канунѣ.,, Симъ словамъ надлежало бы быть напечатлѣннымъ въ памяти всѣхъ смертныхъ: но къ сожалѣнїю всегда льстятъ себѣ, всегда надѣются жить долгое время, и сею надеждою мы остаемся довольны: она едина поддерживаетъ

насъ, въ какомъ бы кто ни былъ званіи или состояніи.

§ 142.

Удивительно, что человѣкъ благороднѣйшее твореніе, исполненъ столь многихъ несовершенствъ. Кажется, всегда чего то ему не достаетъ; поелику не проходитъ ни одной минуты, чтобъ онъ чего либо не желалъ. Все, что ни видитъ, все, что ни слышитъ, все, что ни воображаетъ; зараждаетъ въ сердцѣ его столько желаній, что ни чѣмъ не можно угасить ихъ. Слабость его не можетъ соотвѣтствовать живости его воображенія, ни воображеніе не сильно удовольствовать его; вѣчное безпокойство мучитъ его, и одна надежда можетъ успокоить. Человѣкъ, хотя часто нещастливъ въ своихъ замыслахъ, но прилѣпляется къ нимъ съ жаромъ; и самая неудача служитъ ему новымъ побужденіемъ продолжать оные. Сія неутолимая жажда, которою онъ безпрерывно томится, и сіи ненасытимыя желанія, которыхъ никогда не можно удовольствовать, обратились бы въ ужасную казнь для него: когда бы не надѣялся онъ получить желаннаго успѣха, которой по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его щастливымъ во мнѣніи, что можетъ быть щастливъ. Подлинно

надежда ведетъ его путями заманчивыми, доколѣ не будетъ принуждена оставить его; ей только одной принадлежитъ искуство отнимать у него болѣзненное чувствїе настоящаго, и дѣлать настоящимъ будущее прїятное, которое онъ получить надѣется. Сколько бы ни было отдалено то, что ему нравится, она сближаетъ; щастїемъ наслаждаются, доколѣ ожидаютъ его; улетаетъ оно? надѣются паки получить; прїобрѣтаютъ оное? думаютъ всегдашними быть его обладателями.

Щастливы ли мы, или нещастны, въ обоихъ случаяхъ надежда насъ поддерживаетъ, оживляетъ, и непостоянство всего въ мїрѣ происходящаго есть таково, что само собою оправдываетъ дерзновеннѣйшїе наши замыслы; поелику по причинѣ всегдашней превратности щастїя и нещастїя не больше имѣемъ причины страшиться того, чего отвращаемся; какъ и надѣяться того, что получить желаемъ. Надежда есть вторая жизнь, услаждающая горести первой жизни, которую мы получили отъ рукъ Создателя. Но она еще есть душа вселенныя, и сильнѣйшее средство для сохраненїя въ ней устройства и согласїя. Весь мїръ ею упра-

вляется. Былиль бы изданы въ немъ законы, когда бы не предполагали чрезъ нихъ воцарить порядокъ. Нашлись ли бы покорные подданные; когда бы каждой изъ нихъ своимъ послушанїемъ не надѣялся споспѣшествовать благу своего отечества? Что были бы художества; и сколь бы безполезными ихъ считали, не надѣясь плода, каковаго надобно ожидать отъ нихъ? Науки не былиль бы презрѣны, способности мертвы, щастливыя дарованїя ничтожны, безъ лестной надежды лучшаго и чистѣйшаго вкуса во всемъ томъ, что нужно знать? Ежели спросить воина, что побуждаетъ его столь часто подвергать бѣдственнымъ случаямъ жизнь, которая могла бы быть безопаснѣе или спокойнѣе? Онъ скажетъ: чаянїе славы, которую любя страстно, предпочитаетъ ее всѣмъ увеселенiямъ праздной жизни. Купецъ преплываетъ моря; но предлежащїя ему опасности среди бурь и подводныхъ камней, надѣется вознаградить богатствомъ. Земледѣлецъ, согбенный надъ плугомъ, орошаетъ землю своимъ потомъ; но сїя земля должна питать его, и онъ отрекся бы отъ воздѣланїя оной, когда бы не ожидалъ награды за свои труды. Каковыбъ ни были наши

предпріятія, всегда надежда бываетъ побужденіемъ оныхъ; она есть предвкушеніе нашего щастія, и по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени замѣняетъ существенное благо, за недостаткомъ улетающаго отъ насъ. Она есть предварительная радость, которая иногда обманываетъ; но сообщаемое ею удовольствіе ни мало не уступаетъ дѣйствительному наслажденію такъ, что не рѣдко изглаждаетъ изъ мыслей удовольствія уже испытанныя въ щастливѣйшемъ положеніи. И какъ бы могли спокойно наслаждаться жизнію, не живя со дня на день въ чаяніи продолженія оной? Нѣтъ даже больныхъ, при томъ больныхъ отчаянно, кои бы не надѣялись выздоровѣть въ ту самую минуту, когда уже духъ испускаютъ. Мы простираемъ наши надежды за предѣлы жизни; и стараясь обезсмертить себя въ памяти людей, болѣе расположенными дѣлаемся не возвратно теряться въ бѣзднѣ вѣчности.

Смертный! въ етомъ ли состоитъ истинное благополучіе? отнюдь нѣтъ. Оно есть единственное, и единственно принадлежитъ добродѣтельнымъ душамъ, коимъ наслаждаются не здѣсь на земли, но въ грядущей жизни. Впрочемъ нѣтъ ли

прямаго благополучія и въ мірѣ семъ? И ежели есть, то въ чемъ оно состоитъ?--Въ благотвореніи, въ содѣланіи другихъ щастливыми....

§ 143.

Человѣку естественно стараться сдѣлаться щастливымъ; ежели онъ сего единственно желаетъ, лишъ только что начнетъ чувствовать себя; и ежели сіе желаніе столь сильно занимаетъ его, что самая жизнь становится ему въ тягость, когда оно не исполняется: то безъ сомнѣнія всего ему нужнѣе знать, въ чемъ состоитъ истинное щастіе, и какъ должно употреблять оное. Щастіе представляется человѣку куда онъ ни обратится; но или не можетъ человѣкъ имъ воспользоваться, или худо пользуется; или не чувствуетъ его при обладаніи, или не наслаждается спокойно, боясь лишиться онаго. Впрочемъ обыкновеннѣе человѣкъ воображаетъ оное тамъ, гдѣ его нѣтъ, и судитъ о немъ по своему вкусу и своенравію. Одни поставляютъ благополучіе во удовольствованіи своихъ страстей, а другіе въ побѣжденіи оныхъ; многіе вдаются въ нѣкоторыя любимыя свои слабости; а прочія, яко имъ чуждыя, пренебрегаютъ. Честолюбецъ равнодушно

смотритъ на богатство, и течетъ въ слѣдъ прельщающей его славы; между тѣмъ какъ сребролюбецъ, не чувствительный къ сей славѣ, думаетъ объ одномъ только прибыткѣ, въ которомъ полагаетъ все свое довольство. Тотъ забошливъ и трудолюбивъ; а сей находитъ удовольствіе токмо въ покоѣ и нѣгѣ. Иной мыслитъ о себѣ, что щастливъ, не будучи таковымъ существенно; а другой почитаетъ нещастливымъ того, кому всѣ завиствуютъ.

Я представляю себѣ человѣка надѣленнаго щастіемъ; но уединеннаго, и живущаго токмо съ однимъ собою. Хотя онъ и прославился; но будетъ ли чувствовать цѣну знаменитости, когда нѣтъ при немъ никого, кто бы удивлялся ему, и умѣлъ дѣлать должныя ему похвалы? Пусть сей человѣкъ обладаетъ большимъ имуществомъ; не почтетъ ли онъ себя щастливымъ, когда не можетъ изъ онаго дѣлать употребленія? При всей твердости духа, при всемъ просвѣщеніи, часто будетъ онъ скучать; и какъ зажженное вещество, дѣйствующи на самаго себя, обширный умъ его истощится, и угаснетъ отъ собственной пылкости. Пусть сей человѣкъ имѣетъ благородную

душу и самую лучшую нравственность; но не въ состоянїи будучи творить добра, усумнится, можетъ ли онъ все то, что чувствуетъ, произвести въ дѣйство. На конецъ предположимъ въ немъ самыя рѣдкїя дарованїя: но на что они, когда ему безполезны; и когда не можетъ онъ употреблять первѣйшаго изъ всѣхъ дарованїя, дарованїя здѣлать ихъ цѣнными?

Изъ сихъ постоянныхъ истинъ извлечемъ необходимое заключенїе; и скажемъ, что человѣкъ самъ собою не силенъ облагополучить себя; наипаче, когда благополучїе его не будетъ изливаться на другихъ. Правда часто бываетъ, что довольно воображать себя щастливымъ, чтобъ быть таковымъ; и порочное самолюбїе можетъ намъ доставлять удовольствїе въ самыхъ пустыхъ вещахъ: но сїе самолюбїе, первый изъ всѣхъ ласкатель, прельщаетъ насъ таковымъ увѣренїемъ, что будто можемъ обманывать другихъ. Рѣдко бы оно насъ обманывало, когда бы насъ не представляло столь же любезными для знающихъ насъ, каковыми кажемся самимъ себѣ. По сему какъ уважаютъ насъ другїе; такъ уважаемъ мы самихъ себя; и

благополучія, котораго не можемъ найти въ себѣ, ожидаемъ отъ живущихъ съ нами. Но сіе благополучіе, котораго у другихъ испрашиваемъ какъ бы по нищетски, несравненно будетъ тверже; когда мы купимъ оное, заслужимъ благодѣяніями, и потщимся ощастливить тѣхъ, которые одни могутъ здѣлать щастливыми насъ самихъ? Ибо щастіе сообщаемое другимъ не можетъ не отражаться и на то благородное сердце, отъ котораго оно происходитъ. Это есть струя, которая оросившій жаждущія земли, востекаетъ обратно къ своему источнику, дабы изъ онаго паки изливаться. Блага, коими наслаждаются, могутъ быть исторгнуты изъ рукъ обладателей; но человѣколюбіемъ они увѣковѣчиваются, по крайней мѣрѣ продолжатся посредствомъ сего удовольствія или славы, что употребляемы были на пользу другихъ.

Вообразивъ себѣ здѣсь Государя, коего желанія предваряются придворными, всѣми его подданными, цѣлымъ свѣтомъ. Боготворятъ сего человѣка; но не льзя ему не чувствовать, что приносимыя Ему жертвы воздаются болѣе его сану, нежели лицу; и что приноситъ ему оныя больше долж-

ность, обычай, своекорыстіе, нежели чистое и искреннее усердіе. Онъ достигши до того, что называется верховнымъ благополучіемъ, довольно ли убѣжденъ во обладаніи онымъ? Удовольствія его не отравляются ли самою своею непрерывностію? Утопая въ веселостяхъ, не чувствуетъ ли онъ нужды въ иныхъ еще большихъ забавахъ? Огорченія изнурили его на престолѣ; онѣ вмѣстѣ съ нимъ возсѣли на ономъ. Все что удовлетворяетъ желаніямъ, возбуждаетъ ихъ. Страсти его возрастаютъ отъ всего того, что ихъ утоляетъ; а возрастая, умножаютъ его печали. Онѣ возраждаются изъ своего пепла, чтобы снова его мучить; и сердце его всегда тощее, всегда жаждущее, всегда не чувствительное къ удовольствіямъ по причинѣ самыхъ удовольствій, не ощущаетъ истинно ничего, кромѣ безпокойствій и отвращенія ко всему. Самое величество, лишающее истинныхъ пріятностей содружества, причиняетъ злополучіе его жизни. Онъ принужденъ бываетъ сознаться, что великость дана ему для другихъ; и что первое его попеченіе должно состоять въ содѣланіи другихъ щастливыми, чтобъ самому

здѣлаться таковымъ. Представьте мнѣ Государя правосуднаго и милосердаго; я скажу ему; что онъ дѣйствительно можетъ имѣть то, что кажется не совмѣстно съ его состоянїемъ, то есть друзей; которые дадутъ ему примѣтить опасности ласкательства, и своимъ поведенїемъ вразумятъ его, что похвалы искреннѣйшїя суть не тѣ, которыя сплетаетъ заботливая угодительность; но которыя вылетаютъ изъ устъ. Сей Государь, по благости сердца своего, содѣлавшись служителемъ промысла Божїя надъ врученнымъ ему народомъ, не можетъ не находить въ своемъ благотворенїи вѣрнаго поручительства во всеобщемъ къ Его особѣ высокопочитанїи и повиновенїи; не будетъ сомнѣваться о похвалахъ ему восписуемыхъ. Онъ узритъ возрожденїе себя прежде своей смерти; и еще въ сей жизни насладится безсмертїемъ послѣдующихъ временъ. И такъ всѣ герои, всѣ великїе люди, ктобъ они ни были, не могутъ вкушать благополучїя, не дѣлясь онымъ съ прочими людьми. Ихъ добродѣтель состоитъ не въ томъ, чтобъ опустошать области, разхищать города, закалать нещастныхъ; но чтобъ отечество

свое и согражданъ дѣлать щастливыми, или удаляя непрїятеля имъ угрожающаго, или торжествуя надъ желающимъ покорить себѣ оныхъ. Слава завоеванїй всегда обагрена кровїю. Она прїобрѣтается убїйствомъ и смертїю, и звукъ ея возвышается, и понижается, соразмѣряясь единой токмо пагубѣ. Но чистѣйшая и несомнительная слава есть дѣлать щастливыхъ. Прїобрѣсть сердца, есть царствовать надъ ними; и сїе царствованїе не предпочтительнѣе ли того, которое утверждается на силѣ и власти; поелику власть и сила заимствуютъ безопасность отъ любви народовъ обязанныхъ повиноваться? Напослѣдокъ, самая природа научаетъ насъ, что не можно быть щастливу безъ благополучїя другихъ. Имѣетъ ли кто дѣтей? онъ заботится о ихъ сохраненїи, забываетъ охотно свои собственныя нужды, занимаясь токмо тѣмъ, что для ихъ полезно, или потребно. Таковы суть почти всѣ одолженные намъ щастїемъ. Они суть наше произведенїе, наше творенїе, усыновленныя наши дѣти, созданїя нами образованныя; и коимъ, такъ сказать вторично даемъ жизнь. Что значитъ та нѣжная любовь, которая приноситъ истинное веселїе

сердцу? И откуда происходитъ сїе веселїе столь ощутительное и столь не удобьизъяснимое? Происходитъ ли оно единственно отъ прїятности любленїя? нѣтъ безъ сомнѣнїя. Оно истекаетъ изъ удовольствїй отъ возбужденїя въ любимомъ предметѣ взаимной нѣжности, въ которой должно находить свое благополучїе. Единственная цѣль страсти есть дѣлать щастливымъ произведшаго оную. Что видимъ мы даже въ самыхъ холодныхъ бесѣдахъ? Всякой тамъ старается приспособиться къ общему вкусу, казаться прїятнымъ, чтобы понравиться; столько то мы увѣрены, что для собственнаго своего благополучїя должно всегда начинать съ занятїя себя благополучїемъ другихъ. И что можетъ быть сего удовольствїя сладостнѣе? Есть ли что нибудь толико лестное, какъ оказывать нещастнымъ милости и вспоможенїя, каковыхъ они не могутъ получить, развѣ отъ сочеловѣковъ же, коимъ Богъ поручилъ облегчать судьбу немощнѣйшей братїи? Кто здѣлавшись содѣйственникомъ его благости, входитъ въ его дѣла: тотъ возносится выше человѣчества. Презирать человѣчество, значитъ безъ сомнѣнїя унижать

самаго себя; и не кроется ли величности духа въ чувствованіи цѣны людей?

Одно токмо благотворить неудобство со стороны неблагодарныхъ; но неблагодарность можетъ ли уменьшать цѣну благодѣяній, и не служитъ ли она еще къ большему явленію ихъ славы? Сердце благородное и благотворительное должно ли награду своихъ дѣяній привязывать къ такимъ чувствованіямъ, въ коихъ оно невластно? и не лучше ли полагать ее во внутреннемъ удовольствіи? уже ли неизвѣстно ему, что средство къ полученію права на признательность, есть не требовать оной, а почитать ее должностію? Иначе будешь вооружать оную противъ себя; и нѣкоторымъ образомъ оправдывать ея нечувствительность.

И такъ богачи, знатные, всѣ люди содержатся, сохраняются на земли токмо для пользы другихъ человѣковъ. Дѣлать добро есть удовольствіе безъ угрызеній, безъ смущеній, безъ горести; удовольствіе неистощимое, поелику отъ долговременнаго употребленія, ожесточающаго сердце противу всѣхъ прочихъ удовольствій, оное дѣлается чувствительнѣе со дня на день. Что намъ

яснѣе кажется съ противоположной стороны въ недостойномъ характерѣ основывающихъ свое благополучїе на нещастїи другихъ; которые снѣдаясь мерзкою завистїю, во благѣ другихъ предполагаютъ вѣчный источникъ своей печали. Даже и сїи безчестныя свойства, коихъ безъ ужаса воспомянуть не можно, неоспоримо доказываютъ, что величайшее изъ всѣхъ благополучїе состоитъ единственно въ назиданїи пользъ ближняго.

УТѢШЕНІЕ 5.

Получаемое человѣкомъ въ нещастіи отъ Философіи.

Сокращеніе Боецїя.

Бѣдный человѣкъ! унывающїй подъ тяжестїю злополучїя, какую пользу получилъ ты отъ моихъ наставленїй? Не ужели печаль заставила тебя забвенїю предать истины, коихъ памятованїе было бы тебѣ въ утѣшенїе? Се гряду къ тебѣ на помощь. Познай гласъ мой. По мѣрѣ вниманїя къ словесамъ моимъ, ты почувствуешь облегченїе болѣзни; сердце твое укрѣпится, и ведро паки возсїяетъ въ душѣ твоей.

Ты мною наученъ наблюдать постоянное правило теченїя свѣтилъ, послѣдовательнаго премѣненія дня и нощи, годовыхъ временъ, и произведенїй земныхъ. Ты изъ наблюденїй со мною заключалъ, что столь удивительный порядокъ не могъ быть дѣйствїемъ слѣпаго случая, что оный необходимо былъ строенїе Божественнаго разума, Всевышняго Существа, Творца, отъ котораго все живущее, дышущее, или движущееся получило

свое бытіе: волѣ коего надлежитъ приписывать все бывающее въ мірѣ, поелику онъ все создалъ, всѣмъ располагаетъ и управляетъ. Тогда ты признавалъ, что роптать на щастіе, которое есть токмо орудіе воли сего Всевышняго Существа, значило возставать противу судебъ Творца своего, коихъ ни причины, ни конца знать человѣку не дано. Ты еще признавалъ, что разумъ ведущій насъ къ познанію Бога, равно ведетъ насъ и къ познанію природы человѣческой; что сія принадлежность человѣка есть отличительнѣйшее свойство его достоинства и превосходства надъ прочими тварями. Сіе преимущество возвышать душу свою къ Богу, посредствомъ разсматриванія величественныхъ дѣлъ его, есть искра, лучь Божества, вразумляющій сознавать оное, воздавать славу имени Его благодареніями и сообразностію дѣйствій и склонностей съ Его волею. Сіе обязательство возвѣщаетъ ему, что опредѣлена награда тому, кто пребудетъ вѣренъ гласу его; а кто отречется отъ повиновенія, тому наказаніе. Таковое воздаяніе по дѣломъ нашимъ, и начала, на коихъ основано, суть доказательства безсмертія нашей души; и того, что

она исполнивъ на земли число дней, предписанное временному ея жилищу, должна быть причастна верховнаго блаженства и славы, соединенныя съ Творцемъ своимъ. Ты былъ столько убѣжденъ въ твердости сихъ началъ, что даже хвалился, якобы никакой случай въ жизни не можетъ оныхъ изгладить изъ твоего ума. Однако нещастіе заставило тебя оныя забыть. Представило ли оно тебѣ въ мірѣ что нибудь новаго? Щастіе не измѣнилось ли токмо въ собственныхъ очахъ твоихъ? Въ теченіи жизни уже ли не видалъ ты таковыхъ примѣровъ его непостоянства? Исторія ими наполнена. Крезъ, сей Лидійскій Царь, толико величавшійся неисчетнымъ своимъ богатствомъ и могуществомъ для Кира страшнымъ, не былъ ли осужденъ на сожженіе въ кострѣ отъ самаго Кира побѣдителя своего? Жена и мать Даріевы, съ высоты величества, въ оковахъ плѣна принуждены повергнуться къ ногамъ Александра. Пріамъ, по долговремянномъ царствованіи, въ глубокой старости не приходилъ ли нощію въ станъ своихъ непріятелей молить Ахиллеса о возвращеніи ему тѣла сына своего? Онъ со трепетомъ лобызаетъ руки еще дымящіеся кровію

его сына, послѣдней своей надежды. Во всѣхъ зрѣлищахъ раздаются печальные удары щастія. Оно любитъ раззорять самыя цвѣтущія царства, и низвергать съ Престоловъ сильнѣйшихъ обладателей. Значитъ хотѣть быть нещастну, естьли полагать свое благополучіе въ зависимости отъ его благодѣяній; поелику они обыкновенно предшествуютъ его немилостямъ. Оно то испровергло твое благосостояніе. Твой ужасъ есть доказательство, что ты онымъ не наслаждался безъ смущенія. Оно отъ сего тебя избавило, по снятіи съ себя личины. Оно явилось тебѣ въ природномъ своемъ видѣ. Сіе познаніе должно произвести въ тебѣ безопасность и утѣшеніе. Оно по своей вѣтренности переходитъ безпрестанно отъ одного къ другому; по своенравію не рѣдко возвращается также и къ тѣмъ, которыхъ было оставило.

Но всю тебѣ нещастье будетъ,
Придетъ и сладка тишина;
Тогда духъ твой печаль забудетъ,
Какъ страшны грѣзы послѣ сна.
Будь твердъ, тоской чела не хмури;
Хоть и страшится кормчей бури,
По гладкимъ какъ зыбямъ плыветъ;
Но мысли въ немъ надежды полны,
Какъ съ тучей вихрь вздымаетъ волны:
И въ грудь гребцовъ страхъ мразомъ днетъ.

Покаряя свои желанїя превратностямъ щастїя, самъ на себя налагаешь законъ, соглашаться на всѣ онаго своенравїя. Ты хочешь, чтобъ оно всегда съ тобою пребыло, и никогда отъ тебя не удалялось; сїе значитъ хотѣть покорить себѣ волю, которой охотно самъ ты уже предался. Какое заблужденїе! Ты хочешь оставить щастїе, коего ничто такъ живо не изображаетъ, какъ колесо въ непрестанномъ движенїи. Не имѣетъ ли паче оно права дѣлать тебѣ сїи упреки?..,,О чемъ ты жалуешся? Въ чемъ меня обвиняешь ежедневно какъ бы преступника? Какую обиду я тебѣ учинило? Блага, коихъ тебя я лишило, тебѣ ли принадлежали? Избери, кого хочешь, судїею. Я соглашаюся собственность имѣнїя и честей поручить его розысканїю и приговору. Ежели докажешь, что хотя одна какая нибудь изъ сихъ вещей принадлежитъ людямъ; то свободно признаюсь, что я учинило несправедливость, лишивъ тебя оныхъ; и жестоко поступаю, отказывая тебѣ въ томъ, чего отъ меня требуешь съ толикими воздыханїями. Въ минуту твоего рожденїя я приняло тебя нагаго въ мои объятїя; потомъ надѣлило благами, ущедрило

моими милостями. Угодно мнѣ оныя взять обратно. Благодари мнѣ, что позволило тебѣ доселѣ ими пользоваться. Престань роптать о лишенїи поелику это было заемъ, а не даръ. Ты имѣлъ бы причину охуждать меня, и твои жалобы были бы основательны, когда бы лишался чего нибудь изъ твоей собственности; богатство, чести, знаменитость мое суть стяжанїе. Я увѣрительно могу сказать, что ежели бы сїи блага, коихъ потерю оплакиваешь, были твои; то и теперь бы еще оныя имѣлъ за собою. Мнѣ ли одному не можно назадъ требовать мнѣ принадлежащаго, и пользоваться своими правами?,, Что на сїе будешь отвѣчать? Однакожъ еще много кое чего оно имѣло сказать въ свое оправданїе. Между прочимъ могло бы присовокупить:,, ты всегда содержалъ за правило, что нѣтъ опаснѣйшаго претыканїя для добродѣтели, какъ долговременное благополучїе. Вмѣсто того, чтобъ предаваться столь горестнымъ сѣтованїямъ, надлежало бы тебѣ сказать мнѣ спасибо, что я удалилось, и добродѣтель твою поставило внѣ опасности отъ продолжительнаго моего благопрїятства.,, И такъ признайся, что щастїе въ

амомъ отприновенiи благопрiятствуетъ тебѣ. Истинное благополучiе состоитъ во свидѣтельствѣ совѣсти. Слѣдовательно ты долженъ почитать себя щастливымъ, что причиною твоего нещастiя есть любовь твоя къ справедливости и ко славѣ быть истиннымъ ученикомъ моимъ. Ты знаешь, что когда тиранъ, къ показанiю свѣдущихъ о умышленномъ заговорѣ на жизнь его, хотѣлъ Зенона принудить пыткою: то сей любомудръ, откусивъ себѣ языкъ, бросилъ оный въ лице его. Мученiе, вымышленное жестокосердымъ Государемъ къ поколебанiю мудраго мужа, послужило средствомъ ознаменить великость души. Удаленiемъ отъ тебя, щастiе не важную ли услугу оказало, что теперь можешъ уже различить истинныхъ твоихъ друзей отъ ложныхъ? Оно доставило тебѣ способъ разпознать лице ихъ, уведши съ собою своихъ, и оставивши тебѣ твоихъ... Во дни твоего благополучiя за какуюбъ цѣну ты не согласился купить сiе познанiе? Естьли что нибудь опаснѣе, и къ нещастiю обыкновеннѣе ложнаго друга? Естьли что нибудь необыкновеннѣе и драгоцѣннѣе вѣрнаго и постояннаго? Оставляемое тебѣ щастiемъ гораздо

превосходитъ все то, о чемъ жа-лѣешь? Не одну сію пользу люд… извлекаютъ изъ его непостоянства… я думаю что оно имъ полезнѣе бы-ваетъ своимъ вѣроломствомъ, нежели… благосклонностію.

Благопріятство счастія произра-стаетъ въ нихъ страсти, возжигаетъ… оныя; а сихъ воспаленіе погружаетъ… человѣка въ бездну злополучій: а… неблаговоленіе его отъ оныхъ изцѣ-ляетъ. Недостатокъ пищи ослаб-ляетъ дѣйствіе страстей, укрощаетъ… оныя, умерщвляетъ.

Изобиліе благъ его дѣлаетъ людей… тщеславными, гордыми, несправедли-выми, безчеловѣчными, вѣроломными… запальчивыми; стремленіе ихъ жела-ній отваживаетъ ихъ на всякое пред-пріятіе.

Когда же оно ихъ низложитъ, то дѣлаются смиренны, умѣренны, скромны, благоразумны, любовны, сострадательны, добродѣтельны.

Наконецъ щастіе ихъ ослѣпляетъ, и блескомъ мнимаго благополучія… отвращаетъ отъ истиннаго.

Нещастіе ихъ просвѣщаетъ, и… чувствованіемъ нуждъ паки приво-дитъ ихъ на прямый путь.

Надобно еще принять въ разсу-жденіе, что блага щастія, какъ сам…

ты испыталъ, суть такого свойства, что не льзя намъ ими наслаждаться совершенно. Мы не видимъ ни кого, кто бы доволенъ былъ состоянїемъ. Всегда остается чего то желать, или бояться. Чѣмъ люди щастливѣе, тѣмъ чувствительнѣе къ нещастїю. Самое легкое сего прикосновенїе отравляетъ ихъ благополучїе, и дѣлаетъ то, что они никогда не бываютъ довольны. Съ коликими притомъ горестями житейскїя сласти смѣшены? И такъ должно изъ сего заключить, что благополучїе зависящее отъ щастїя весьма бѣдственно, поелику оно мучитъ наслаждающихся онымъ. Не смотря на сей ежедневный опытъ, люди съ не меньшимъ жаромъ употребляютъ всѣ свои усилїя на снисканїе имѣнїя.

Чѣмъ призракъ счастїя обманчивѣе: тѣмъ съ большею они дѣятельностїю и ревенїемъ за онымъ гоняются. Внутреннее чувствованїе благополучїя, къ которому они опредѣлены, побуждаетъ всѣхъ ихъ равно искать онаго; и какъ льстящее чувствамъ больше ихъ трогаетъ, то всякой увлекается тѣмъ, что въ немъ сильнѣе дѣйствуетъ, и уповаетъ найти въ томъ благополучїе всѣми искомое.

Человѣкъ посредственнаго состоянія, ограниченный въ пособіяхъ; отъ страху впасть въ нужду завидуетъ жребію наслаждающагося всякими выгодами. Онъ будучи въ состояніи ни въ чемъ себѣ не отказывать, почитаетъ за крайнее благополучіе обогащаться, и вознестись выше своихъ нуждъ; онъ трудится и мучится, чтобъ достигнуть того. По мѣрѣ приращенія его достатковъ, увеличиваются его нужды. Чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе имѣетъ надобности въ людяхъ для сохраненія и управленія своей собственности. Тяжбы затѣваемыя отъ сосѣдей, разорительныя протори отъ проволочки оныхъ; невѣрность его прикащиковъ, домашнихъ, сокрушаютъ его печалями и безпокойствами. Онъ усматриваетъ, что трудится и мучится больше для другихъ, нежели для себя. Невоздержность, дщерь изобилія, повреждаетъ, и изнуряетъ часто его здоровье. Онъ жалѣетъ о прежнемъ своемъ состояніи, и наконецъ узнаетъ:

Для честности въ большихъ припасахъ нужды нѣтъ:
Довольна малыми расходами живетъ.

Отличенные родомъ, и по праву наслѣдства имѣющіе почтенное со-

стоянїе, вмѣсто того, чтобъ тѣмъ себя ограничить, обогащенїе считаютъ средствомъ къ полученїю себѣ уваженїя и честей. Страсть не допускаетъ ихъ справиться съ самими собою, имѣютъ ли они нужныя званїя и дарованїя; соразмѣрно ли ихъ состоянїе съ тѣмъ чиномъ, коего домогаются? Искомое мѣсто заставляетъ ихъ дѣлать расходы, не соразмѣрные достаткамъ. Чтобъ на то ихъ стало, прибѣгаютъ они ко всякимъ оборотамъ, даже съ ущербомъ честности. Не смотря на ихъ пышность, проводятъ они жизнь въ бѣдности и презрѣнїи. Часто раздражается ихъ чувствительность, что воздаемыя имъ почести и уваженїе относятся токмо къ ихъ чину, и занимаемому ими мѣсту. Они то одно имѣютъ, что заслуживаютъ. Искреннее почитанїе приноситъ жертвы единой добродѣтели.

Другїе ищутъ не столько богатства, сколько знатности при Дворѣ. Они думаютъ, что чѣмъ больше рабовъ увидятъ ниже себя, тѣмъ меньше сами будутъ рабами; что чѣмъ ближе будутъ къ Государю, тѣмъ больше будутъ участвовать въ томъ благополучїи, коимъ они его жалуютъ. Рабство при Дворѣ

есть жесточаѣ, нежели у частныхъ людей. Рожденные въ рабствѣ, или по какимъ нибудь несчастнымъ приключенiямъ доведенные до онаго, не завидуютъ другъ друга участи. Напротивъ того они соединяются, одинъ другаго предохраняютъ, и помогаютъ. При Дворѣ же, снискалъ ли ты довѣренность у Государя, опредѣлилъ ли онъ тебя въ свои Министры: то всѣ придворные поспѣшаютъ на перерывъ тебя привѣтствовать; ты же читаешь на ихъ челѣ скрытную досаду, что видятъ тебя на такомъ мѣстѣ, коего каждый изъ нихъ домогался, яко должной награды своимъ достоинствамъ и заслугамъ. Хотя они между собою враги, и одинъ другому завидствуютъ; но слагаются, и возстаютъ всѣ за одно противъ тебя. Они употребляютъ всякiя хитрости, чтобъ привести тебя въ подозрѣнiе у Государя. Кромѣ сего общаго ковосплетенiя, каждый изъ нихъ въ тайнѣ дѣлаетъ свой особливой подкопъ, въ надеждѣ тебя низринуть, и самому заступить твое мѣсто. Чтожъ до тебя лично, днемъ ты обремененъ дѣлами, осажденъ множествомъ докучливыхъ просителей, которымъ долженъ отвѣтствовать; а нощiю,

ломая голову выдумыванiемъ средствъ, какъ бы удержать себя, и разрушить замыслы своихъ непрiятелей, страждешь отъ безсонницы. Въ отдаленiи, Престолъ казался тебѣ покрытъ цвѣтами, а вблизи ты увидѣлъ его въ тернiи. Тогда оплакиваешь свою участь, и самъ въ себѣ говоришь непрестанно:

Блаженъ, доволенъ кто живетъ и въ низкой долѣ,
Не льстяся знатностью, покоренъ Вышней волѣ,

Всѣхъ жалостнѣе предавшiеся сладострастiю, основывающiе свое благополучiе на удовольствiи, коего исканiе сопровождается всегда смущенiемъ и безпокойствомъ; а наслажденiе оставляетъ по себѣ раскаянiе и горесть. Прiятность онаго изнуряетъ тѣло и духъ, одно отягощая болѣзнями, а другой слабостями. Какая причина таковаго безумiя? Минутныя прелести, невоздержанiе. Безсонница, внезапная перемѣна въ здравiи разсыпаетъ сiе очарованiе, и благополучiе изчезаетъ; остаются только болѣзни и немощи.

Такова участь всѣхъ страстей. Онѣ вмѣсто того, чтобъ приводить людей къ искомому удовольствiю, дѣлаются для нихъ приращенiемъ бѣдствiй человѣчества. Злополучiе ихъ, какъ ты видишь, произходитъ

отъ того, что теряютъ они изъ виду свое превосходство надъ прочими тварями; и внутреннее чувствіе щастія, къ коему опредѣлены, обольщаютъ мечтою онаго. Они поставляютъ оное въ томъ, что льститъ ихъ чувствамъ, не восходя къ началу сего чувствія, къ благородству своего произхожденія. Верховное благо потолику и есть таково, поколику чисто и неизмѣнно, сообразно своему источнику. Оно соединяетъ, и успокоиваетъ всѣ желанія своего обладателя.

Изъ всѣхъ вещей, въ которыхъ люди уповаютъ найти свое благополучіе, естьли хоть единa, могущая ихъ удовольствовать дѣйствительно и совершенно? Ежели бы деньги, почести, слава, веселія доставляли имъ неоскудное щастіе; то бы надобно было обладателя ихъ признать блаженнымъ. Но когда все сіе имѣетъ больше недостатковъ, нежели прямыхъ совершенствъ; слѣдовательно не естьли оно токмо единъ призракъ благополучія? Самъ ты посуди о семъ. Былъ ты очень богатъ: но живя въ изобиліи былъ ли щастливъ и доволенъ до того, что ни чемъ бы духъ твой не смущался? И такъ богатство не имѣетъ того, что обѣщаетъ:

толико истинно сїе, что деньги сами собою не могутъ защищаться. Онѣ подвержены нападенїю и насилїю. Онѣ суть сильнѣйшее поощренїе къ сребролюбїю. Ежелибъ не было неправды, ежели бы пронырство не восхищало чуждаго имущества : то откуда бы возникали толикїя тяжбы? И такъ надобно согласиться, что деньги требуютъ посторонней заступы для своей цѣлости. Такимъ образомъ богатство, которому приписываютъ силу отвращать отъ человѣка всѣ нужды, сопряжено съ необходимостїю употреблять услуги всѣхъ людей , чтобъ удержать оное у себя. По крайней мѣрѣ, скажетъ кто нибудь, оно прогоняетъ бѣдность. Какъ можетъ оно прогонять бѣдность? Не правда ли, что оно возбуждаетъ жажду? Чѣмъ больше его имѣешь; тѣмъ больше имѣть хочется. Оно паче разтравляетъ, нежели врачуетъ болѣзнь. Сїе то одинъ знаменитый стихотворецъ такъ удачно изобразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Такъ ты, чудовище ужасно,
Не примиримый смертныхъ врагъ
Виной, что силятся напрасно
Они взойти въ храмъ истыхъ благъ.
Насытить чтобъ сего урода,
Вотще обильная природа

Свои сокровища дарить.
Горить въ немъ сердце безъ прохлады.
Въ довольствѣ менѣе отрады,
Чѣмъ бѣдности въ нуждѣ онъ зрить Ж. Б. Руссо.

Прочія побужденія, коими покрываютъ люди свои прихоти, не меньше суть обманчивы. Они всѣ стремятся къ единой цѣли, къ сниканію себѣ благополучія. Каждый оное приписываетъ Господствующей своей страсти. И всѣ обманываются въ своей надеждѣ; избираемыя ими пути всѣ устланы терніемъ. Ты хочешь копить деньги: надобно ихъ отнять изъ рукъ владѣльца. Чтобъ получить достоинства, знать при дворѣ, надобно здѣлаться рабомъ раздаятеля оныхъ; надобно унизить себя безчисленными подлыми и постыдными угожденіями, въ случаѣ податься и на вѣроломство, чтобъ вознестись. Наслаждаются ими съ безпокойствіемъ, а лишаются ихъ съ отчаяніемъ. Сіе то безъ сомнѣнія побудило Расина сказать:

Кто своенравія рабомъ не хочетъ быть,
Веселіемъ чела сердечну боль таить:
Такой отъ знатныхъ лицъ прочь долженъ удалиться;
Не диво съ мудрымъ сей напасти приключиться.
Умѣть напраслины искусно перенесть:
То часто на степень высоку можетъ взвесть.

Ты ищешь славы, оружїя, наукъ и художествъ? Надобно оставить покой для суетнаго дыма, который или ты увидишь изчезающимъ еще при жизни твоей, или перейдетъ онъ не далѣе, какъ до втораго рода. Вотще льстяться жить въ потомствѣ помощїю Историковъ: время погребаетъ все, имена Героевъ, Писателей, Художниковъ.

Похоть, которую изъ снисхожденїя чествуютъ именемъ плотоугодїя, есть совершенная мечта благополучїя. Она не можетъ существовать развѣ чрезъ теснѣйшее сопряженїе души съ тѣломъ двухъ лицъ обоего пола. Сїе, такъ сказать, слїянїе зависитъ отъ богини болѣе перемѣнчивой, нежели Хамелеонъ. Хамелеонъ перемѣняется, переходя съ мѣста на мѣсто. А сїя богиня измѣняется, не трогаясь съ мѣста, по свидѣтельству самаго усерднѣйшаго ея приверженца:

И къ жару юности моей
Амуръ свой пламенникъ приставилъ;
Но вѣкъ повяску снялъ съ очей,
И Богъ любьви меня оставилъ.
Тогда зрѣлъ ясно, и позналъ,
Что хоть подруги мнѣ ласкали;
Всѣ знаки нѣжности являли;
Но ими я не обладалъ.

Для таковаго очарованїя можно ли сократить дни свои, и остатокъ

жизни отравить скукою, болѣзнями и горестями?

Состоянїе, которое почитают из всѣх блаженнѣйшим на земли, есть состоянїе Государя, всегда окружаемаго вельможами, непрерывно старающимися предварить его желанїя и волю, и безпрестанно пекущимися о его удовольствїях и благополучїи. Но какое об оном понятїе дает нам тот из них, который участь Государя изображает чрез содроганїе человѣка, узрѣвшаго над главою своею висящїй на тонкой нити меч обнаженный!....

И так видно, что существеннаго благополучїя нѣт во всем том, что льстит нашим чувствам. Слѣдовательно, чтоб быть благополучным в высочайшем степени, надобно быть всесовершенну; и сїе принадлежит единому токмо Богу. Нѣт для человѣка щастїя в сей жизни, как развѣ когда он господствует над своими чувствами, и страсти содержит в совершенной покорности, исполняет Христїанскїя добродѣтели, а наипаче дѣла человѣколюбїя; когда он помнит Бога, всегда будучи исполнен горячаго желанїя быть праведну пред лицем его, дабы достигнуть до истиннаго

блаженства, къ которому опредѣленъ.

Перемѣна щастія до того тебя возмутила, что не только изгладила сіи истины въ твоемъ разумѣ; но и поселила сомнѣнія, въ которыя обыкновенно впадаютъ гонимые неправедно.

Ежели бы, говорятъ они, было Всевышнее Существо: то бы оно было праведно. Не было бы зримо въ мірѣ толико неправдъ и беззаконій. Порокъ такъ долго не употреблялъ бы во зло своей силы и могущества на утѣсненіе добродѣтели; она не всегда бы стенала въ бѣдности и уничиженіи, она не была бы безъ награды. Есть ли что нибудь несноснѣе сего, что злодѣи, надѣвъ на себя личину добродѣтели, добродѣтель же и попираютъ ногами, и своими тайными и лукавыми навѣтами заставляютъ ее терпѣть казнь своихъ беззаконій? Въ царствѣ существа Высочайшаго, Всевидящаго, коего власть безконечна, который не можетъ ничего желать, кромѣ добра, долженъ ли быть видимъ толь странной безпорядокъ?

Тишина, коею начинаешь наслаждаться, увѣряетъ меня, что истины мною возобновленныя въ твоей памяти, открыли тебѣ глаза на неспра-

водливость сихъ жалобъ; убѣдили
совершенно, что душѣ безсмертной
ни что не должно казаться продол-
жительнымъ; что гоненія и оскор-
бленія, коимъ добродѣтель подвер-
жена, гораздо ниже награды ей
уготованной; что удовольствіе,
каковсе человѣкъ добродѣтельный
вкушаетъ, представляя себѣ вездѣ
присущимъ Бога, и сообразуясь съ
его волею, есть уже для него пред-
чувствіе возмездія: слѣдовательно
какъ бы ни почитали его нещаст-
нымъ, но самою вещію онъ блаженъ;
а преданный страстямъ, хотя и
кажется щастливымъ; но въ самомъ
существѣ весьма злополученъ, по
внутреннему своего произхожденія
чувствованію, коего не льзя заглу-
шить, и которое всегда возстаетъ
противъ него; по болѣзнямъ, кото-
рыя, какъ мы видѣли, сопряжены со
всѣмъ тѣмъ, что льститъ чувствамъ;
и потому что онъ навсегда ли-
шается благополучія, къ коему пред-
назначенъ.

Чтобъ исполнить наши обѣщанія,
и уврачевать тебя, остается мнѣ
разсѣять мглу, могущую еще отъ
сихъ жалобъ пребыть въ умѣ твоемъ.

Какое заключеніе изъ сего по-
слѣдуетъ, естьли все бывающее въ

мірѣ, есть случайно, или предуставлено; дѣйствіе слѣпаго случая, или рока? Какая нелѣпость думать, яко бы вселенная есть произведеніе случайной встрѣчи, якобы случай могъ привести во едино цѣлое столько многоразличныхъ и противныхъ частей! Могла ли сія случайность совокупить ихъ, и связать? И такъ ихъ совокупленіе и связь необходимо должны быть произведеніе Высочайшей силы, которая ихъ съединяетъ, и содержитъ въ предписанномъ имъ согласіи. Природа не была бы такъ стройна, движенія ея столь чинны, преемность годовыхъ временъ столь правильна и постоянна: когда бы не было Всевышняго и непреложнаго существа, которое располагаетъ сими обращеніями, и управляетъ перемѣнами, ни мало не премѣняяся въ самомъ себѣ. Міроправленія не льзя ничему приписать, развѣ Виновнику толико неизмѣннаго порядка. О семъ свидѣтельствуетъ Священное писаніе. Невидимыя его свойства, присносущная его сила и Божество видимы суть изъ творенія, и ощутительны въ дѣлахъ Его. И на другомъ мѣстѣ: Небеса повѣдаютъ славу Божію; твердь возвѣщаетъ, что она есть твореніе рукъ Его. Что славный

стихотворецъ изложилъ очень сильно и разительно: (Ж Б. Руссо)

Небесна твердь землѣ вѣщаетъ:
Зиждителя всѣхъ чтить Отца;
Что сводъ ея ни заключаетъ,
Все славитъ Вышняго Творца
Какая можетъ пѣснь сравниться
Средь горнихъ хоровъ, что творится,
Согласіемъ небесныхъ сферъ!
О коль гармонію прелестну,
Божественну и коль чудесну
Ихъ стройный издаетъ размѣръ!

И такъ сей Творецъ есть распорядитель не только движенія всѣхъ небесныхъ тѣлъ, но и всего происходящаго на земли. Какъ Онъ есть верховное благо; то благо есть начало всѣмъ управляющее. Это есть узелъ связующій всѣ существа, направляющій оныя къ добру, посредствомъ нѣкоего врожденнаго имъ побужденія. Можемъ ли мы о столь очевидныхъ истинахъ сумнѣваться потому только, что случается въ мірѣ нѣчто несходное съ нашимъ понятіемъ о правотѣ и о неправдѣ? Мудрость и правда человѣческая уже ли должны быть мѣриломъ премудрости и правды Божіей?

Цари безъ сомнѣнія суть истинные образы и служители Божіи на земли. Государь не имѣетъ инаго предмѣта, инаго намѣренія, какъ

тишину и благоденствіе Богомъ ввѣренныхъ его начальству народовъ. Онъ есть общій отецъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Ихъ польза есть польза его. Порядокъ и благо общественное есть правило всѣхъ его совѣтовъ, всѣхъ предпріятій. По общему и частному свѣденію о Государствѣ, о каждой области, о каждомъ городѣ, о богатствѣ и выгодахъ того, о недостаткѣ и нуждахъ другаго, онъ издаетъ законы, возстановляющіе въ нихъ равновѣсіе. Нѣкоторые изъ частныхъ людей, почитая тѣмъ себя обиженными, ропщутъ; поелику они знаютъ обстоятельства токмо своего мѣста. Ежели бы вы разумѣли побужденія и цѣль законодателя, то конечно одобрили бы вновь издаемые законы по сему главному положенію, что частное благо всегда находится въ благѣ общемъ. Когда мы при недостаткѣ свѣденія напрасно ропщемъ на опредѣленія мудрости и правосудія человѣческаго: то недостойны ли большаго укоренія и хулы, когда дерзаемъ роптать на судьбы премудрости и правосудія Божія, поелику благо и порядокъ всемъ управляютъ въ мірѣ? Ежели мы чего нибудь и не дознаемъ; то вмѣсто ропота не паче ли должны вѣрить,

что сїе отъ насъ сокрыто потому, что не дано человѣку вѣдать тайны сей Божественной премудрости. Мы знаемъ, и удобно понимаемъ, что самое пространнѣйшее государство, и даже вся земля, въ сравненїи съ цѣлою вселенною, есть почти ничто. Сїе ощущаемое нами различїе можетъ дать намъ токмо несовершенное понятїе о безконечномъ различїи мудрости и правды человѣческой отъ премудрости и правды Божїей. Довольно знать, что Богъ вся управляетъ во благое; о чѣмъ не можемъ сумнѣваться, созерцая въ вещахъ подлежащихъ нашимъ чувствамъ столь удивительный порядокъ.

Вселенная повѣдаетъ намъ, что она есть созданїе всевышняго существа. Стройность, царствующая во всѣхъ ея частяхъ, и ими располагающая, возвѣщаетъ также ясно, что ничего въ мїрѣ не происходитъ по слѣпому случаю. Сїе доказалъ Аристотель.

Когда человѣкъ что нибудь дѣлаетъ съ намѣренїемъ, а выходитъ противное тому: сїе называютъ случаемъ. На примѣръ, ежели бы кто воздѣлывая ниву для сѣянїя, обрѣлъ бы на ней кладъ; то сїе событїе назвали бы случайнымъ. Однакожъ и

сїе не есть плодъ слѣпаго случая, но имѣетъ причины, хотя намъ недовѣдомыя, однако истинныя. Да и подлинно, когда бы земледѣлецъ не воздѣлывалъ поля, а скупой не закопалъ тутъ своего сокровища; тобы земледѣлецъ онаго не нашелъ. И такъ случай есть не иное что, какъ событїе, или дѣйствїе бывающее отъ стеченїя повстрѣчавшихся многихъ причинъ, коихъ конецъ противенъ намѣренїю споспѣшествующихъ къ тому лицъ. Закопавшїй свои деньги конечно не имѣлъ намѣренїя, чтобъ открылъ оныя земледѣлецъ; и изшедшїй воздѣлывать ниву свою земледѣлецъ ни мало не думалъ найти на оной сокровище. И такъ случай есть дѣйствїе двухъ или большимъ числомъ причинъ сложившихся на едино событїе не слѣпо, но по таинственному направленїю премудраго промысла.

Мнимое торжество порока подало поводъ къ сему заключенїю, что яко бы все въ мїрѣ бывающее, есть или случай, или рокъ. Аристотель, какъ мы выше видѣли, доказалъ, что ничего не можно приписывать случаю. Я хочу доказать, что мнѣнїе о судьбѣ, или рокѣ, есть еще не основательнѣе, хотя больше прїемлютъ

оное, и думаютъ утвердить двумя доводами, которые оба берутъ основу отъ одного и тогожде начала.

Первый, что порядокъ и сцѣпленіе причинъ яко бы связуютъ всѣ твари не разрѣшимымъ узломъ; и свобода человѣка не можетъ согласоваться съ сею необходимостію.

Другой, есть предувѣденіе Божіе; Богъ отъ вѣка видѣлъ не только дѣла человѣческія, но совѣты и самыя сокровеннѣйшія мысли. Поелику онъ не можетъ обмануться, то неминуемо надобно всѣмъ вещамъ предвидѣннымъ такъ событься, какъ онъ ихъ предвидѣлъ; такимъ образомъ свобода человѣческая не можетъ паки согласоваться съ сею необходимостію.

Все послѣдствіе признается ложнымъ, коль скоро доказана будетъ ложность начала; и вотъ что я здѣлать хочу. Оба возраженія основываются на семъ предположеніи, что познанія якобы зависѣли не отъ мыслящей силы, но отъ вещей познаемыхъ; и какъ предувѣденіе непосредственно истекаетъ изъ существа Божія; и Богъ не можетъ обмануться: то сіе предувѣденіе производитъ въ тваряхъ неминуемость быть таковыми, какими Богъ ихъ предузрѣлъ. Сіе начало есть совершенно ложное;

поелику мы сами при всей слабости познанїемъ вещей отнюдь не обязаны собственной ихъ силѣ, но естественной нашей способности познавать ихъ. Сїе можно понять изъ простаго и ближайшаго примѣра:

Осязанїе постигаетъ круглость тѣла иначе, нежели зрѣнїе. Рука доходитъ до сего свѣденїя ощупью, касаясь всей поверхности тѣла. Глазъ, сколькобъ ни былъ удаленъ отъ своего предмѣта, помощїю только лучей свѣта получаетъ сїе познанїе.

Также чувство, воображенїе, разумъ, суть способности ведущїя насъ какъ бы постепенно къ совершеннѣйшему познанїю. Чувство останавливается на наружномъ видѣ предмѣта, воображенїе разсматриваетъ общїя онаго свойства, разумъ дѣлаетъ объ ономъ свое сужденїе, вникаетъ въ самую сущность.

Чувство и воображенїе не могутъ досягнуть сего высокаго степени познанїя; поелику ихъ силы далѣе вещества дѣйствовать не могутъ. Сїи принадлежности доказываютъ, что наши способности въ познанїяхъ употребляютъ свою собственную силу, а не силу вещей нами познаваемыхъ. Въ самой вещи,

ежели разсужденїе есть дѣйствїе судящаго: то непремѣнно должно зависеть отъ собственныхъ, а не постороннихъ силъ. Изъ сего мы должны заключить, что разумъ, совсѣмъ отдѣленный отъ вещества и чувствъ, не имѣетъ нужды въ ихъ чувственныхъ видахъ для сужденїя объ оныхъ. Такъ посмотримъ мы, сколь различныя способности Всевышнее Существо даровало всякому въ особенности разряду тварей. Раковины и рыбы столь же неподвижныя, какъ и камни, къ коимъ они приросли, имѣютъ одно токмо чувство; животныя, имѣющїя желанїе и отвращенїе, снабжены воображенїемъ. Одна токмо человѣческая природа одарена разумомъ. Верховный разумъ находится токмо въ естествѣ Божїемъ, яко первородномъ источникѣ свѣта.

Вещей отвлеченныхъ и всеобщихъ познанїе, разумомъ получаемое, не принадлежитъ до разбирательства чувствъ и воображенїя. Ежелибъ они стали прекословить разуму въ его сужденїяхъ; то не имѣлъ ли бы онъ права заставить ихъ молчать, сказавъ имъ, что его способности гораздо далѣе простираются, нежели ихъ; что имъ не возможно выйти изъ чувственныхъ видовъ и образовъ.

Чувства и воображеніе могли бы и ему также отвѣтствовать; какъ! ты намъ возбраняешъ предпріимчивость выше нашихъ способностей; а самъ болѣе выходишь изъ мѣры своихъ силъ, нежели мы; ты хочешь даже проникнуть намѣренія Божія. можно приложить къ тебѣ басню о Астрологѣ.

Астрологъ нѣкогда вперивши взоръ свой въ небо,
Споткнулся въ ровъ, и тутъ услышалъ: жалка тварь!
Едва то можешъ зрѣть, что есть передъ ногами!
А думаешъ узнать, что въ бездиѣ высоты!

Отъ сего отвѣта потупилъ бы глаза свои разумъ, которой самою вещію утверждаетъ предувѣденіе въ Богѣ, опредѣляетъ онаго сущность и послѣдствія, извлекаетъ оттуда правила, лишающія человѣка возможности благоугодить предъ Богомъ, и содѣйствовать къ своему спасенію; а на то не смотритъ, какія опасныя заключенія изъ того выходятъ, коихъ пагубныя дѣйствія толь часто видимъ.

Разумъ ни чего не видитъ далѣе настоящаго, доходитъ до познанія вещей помощію однихъ начальныхъ понятій, извлекаемыхъ имъ изъ чувственныхъ видовъ и образовъ; то же

самое предполагаетъ и въ разумѣ Божіемъ.

Доказали мы, что не должно относить нашихъ познаній къ силѣ, свойственной предмѣтамъ нами познаваемымъ; но къ естественной нашей способности познавать оныя. Сія способность должна имѣть нѣкоторое сходство съ сущностію Высочайшаго ума. Богъ есть вѣченъ, непреложенъ, невещественъ, неизмѣненъ. Преемность временъ изчезаетъ предъ разумѣніемъ, прошедшее, настоящее, и будущее соединяющимъ въ сію простую и вѣчную минуту, которая ему все представляетъ. Предувѣденіе, или прозрѣніе будущаго можетъ имѣть мѣсто по раздѣленію токмо времени. Всѣ времена суть настоящія предъ Богомъ. И такъ предувѣденіе есть неправильное изреченіе. Въ Превѣчномъ Существѣ оно есть токмо простое созерцаніе, которое со стороны Бога не можетъ дѣлать принужденія человѣкамъ, равно какъ и со стороны человѣковъ предмѣтамъ, кои подлежатъ ихъ чувствамъ.

Мы полагаемъ, что въ познаніи вещей отвлеченныхъ и всеобщихъ, чувство и воображеніе непремѣнно должны покаряться разуму. А разумъ еще болѣе обязанъ въ познаніяхъ пре-

восходящихъ его способности покаряться разуму Божїю Ежели бы въ прозрѣнїи Божества заключалась принуждательная сила: то бы она совсѣмъ опровергла начала, служащїя основанїемъ благочестїя, которыя однакожъ признаны нами совершенно ясными и неоспоримыми.

И такъ разумная тварь необходимо есть свободна. Она во всей полнотѣ наслаждается своею свободою, доколѣ имѣетъ предъ очами свое надъ тварями преимущество, благородство своего происхожденїя и славу, къ которой опредѣлена; доколѣ помнитъ Бога, всегдашнимъ горя желанїемъ достигнуть до совершеннаго предъ нимъ оправданїя; но меньше свободною бываетъ, когда отдается прелести чувствъ. Чѣмъ болѣе страсти ею обладаютъ и закрываютъ у ней глаза отъ истиннаго и горняго свѣта; тѣмъ болѣе она слѣпотствуетъ, и самая свобода причиняетъ ей рабство.

Сїи истины съ постановленными отъ насъ началами имѣютъ столь очевидную связь, слѣдуютъ изъ оныхъ такъ естественно и необходимо; что довольными мнѣ кажутся для твоего утѣшенїя, и приведенїя тебя въ самаго себя. Въ благополуч-

ные дни жизни твоей всегда ты отличался щщанiемъ и ревностiю о моихъ пользахъ; такъ и я не должна оставить тебя въ нещастiи, считая прiятною обязанностiю употребить всѣ возможныя средства къ утѣшенiю тебя, и разрѣшенiю твоего вопроса. Я почла за долгъ разсѣять сомнѣнiя, могущiя родиться въ умѣ твоемъ. Желанiе мое исполнилось. Ты уже внемлешь гласу моему. Я съ удовольствiемъ читаю въ очахъ твоихъ веселiе душевное. Не могу лучше кончить моей съ тобою бесѣды, какъ сими стихами заключающими въ себѣ всѣ истины, возстановившiя въ тебѣ тишину, коею наслаждаешся; онѣ укрѣпятъ тебя противъ всѣхъ ударовъ, взносимыхъ на тебя отъ враговъ твоихъ. Непоколебимое твое мужество посрамитъ ихъ. Ты узришь ихъ скрежещущихъ въ ярости и вѣчномъ отчаянiи: когда добродѣтель твоя увѣнчаешся уготованною ей славою.

Да будетъ намъ надежда Богъ
Всесильный, вѣчный, кой возмогъ
Изъ ничего создать твердь неба, землю, воды;
И кто съ блаженной высоты
Лишь рекъ: и вмигъ различны роды
Существъ наполнили вселенной широты.

Конецъ второй и послѣдней части.